

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

РОДНОЙ ЯЗЫК

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№2 2023

Москва, 2023

ISSN 2313-5816
DOI 10.37892/2313-5816-2023-2
УДК Михайлов 811.511.142
Овчаренко 81'221.2
Майсак 811.351.12
Явид, Козлов, Аристова 811.511.25
Кондаков 811.512.37
Додыхудоева 811.221.3
Буров, Егоров 811.511.12

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В. М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А. В. Дыбо, А. А. Кибрик,
М. И. Магомедов, Г. Ц. Пюрбеев, М. З. Улаков, Ф. Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т. Б. Агранат (главный редактор), А. Н. Биткеева, П. Босале, Т. Виер, А. Вио,
В. Ю. Войнов, К. Т. Гадила, К. Д. Гаррисон, Т. А. Майсак, О. А. Мудрак,
Ю. В. Псянчин, М. Рисслер, Е. Л. Рудницкая, Л. Уэйли, М. Ш. Халилов, Д. Эршлер*

Редактор Т. О. Майская Верстка А. А. Маженова

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,

Институт перевода Библии

Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <https://rodyaz.ru>

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V. M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A. V. Dybo, F. G. Khisamitdinova,
A. A. Kibrik, M. I. Magomedov, G. Ts. Pyurbeev, M. Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T. B. Agranat (editor-in-chief), A. N. Bitkeeva, P. Bocale, D. Erschler, K. T. Gadilia,
K. D. Harrison, M. Sh. Khalilov, T. A. Maisak, O. A. Mudrak, Yu. V. Psyanchin,
M. Rießler, E. L. Rudnitskaya, A. Viaut, V. Voinov, L. Whaley, T. Wier*

Editor T. O. Mayskaya Typesetting A. A. Mazhenova

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,

Moscow 119334

Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <https://rodyaz.ru>,

email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

Проблемы грамматики Issues in grammar

С. К. Михайлов. Севернохантыйская посессивность
и типология детерминации

S. K. Mikhailov. Northern Khanty possessives
and determiner typology..... 6

Лингвистические аспекты перевода Библии Linguistic aspects of Bible translation

А. В. Овчаренко. Метафизические понятия
Нового Завета на РЖЯ: роль пространственных
отношений при переводе фраз, описывающих
воздействие Бога на человека

A. V. Ovcharenko. Translating New Testament
metaphysical concepts into Russian Sign Language:
The role of space in expressing God's influence on a person 52

Лингвистические аспекты перевода Linguistic aspects of translation

Т. А. Майсак. Стихотворения Расула Гамзатова
«Журавли» и «Белые журавли»:
глоссированный текст с подстрочным переводом

T. A. Maisak. A linguistic analysis of several
Avar poems by Rasul Gamzatov 78

Слово народа
Mother-tongue texts

- В. А. Явид, А. А. Козлов, М. В. Аристова.* Дяң ката
[Берегиня]: текст об обрядовой кукле лесных ненцев
- V. A. Yavid, A. A. Kozlov, M. V. Aristova.* A Forest Nenets text
about the Дяң ката ritual doll..... 102
- А. Кондаков.* Калмыцкая этиологическая сказка
«Почему у Совы нет ноздрей»
- A. Kondakov.* The Kalmyk etiological folk tale
“Why the owl has no nostrils” 118
- Л. Р. Додыхудоева.* Сказка «О козе и козлятах»
на рушанском и хуфском языках
- L. R. Dodykhudoeva.* “The Goat and her kids”:
A folk tale in Rushani and Khufi 133
- Д. А. Буров, И. М. Егоров.* Materials from Kildin Saami:
A trickster tale and a personal narrative
- Д. А. Буров, И. М. Егоров.* Материалы по кильдинскому
саамскому языку: новеллистическая сказка и быличка 156

Рецензии
Reviews

- М. З. Муслимов* [Рецензия на:] Чернявский В. Ižoran keel
(Ittseopastaja) / Ижорский язык (Самоучитель)
- M. Z. Muslimov.* [Review of:] Chernyavskiy V. Ižoran keel
(Ittseopastaja) / A teach-yourself guide
to the Ingrian language..... 193

B. Cleaver. [Review of:] Tyuntesheva Ye. V., Bayyr-ool A. V., Ozonova A. A., Shagdurova O. Yu., Tazranova A. R., Fedina N. N., Koshkareva N. B., Nevskaya I. A., Shentsova I. V., Gorbunova V. A., Struchkova Ya. V. Human life space and the human's spiritual world through the prism of Siberian languages

Б. Кливер. [Рецензия на:] Тюнтешева Е. В., Байыр-оол А. В., Озонова А. А., Шагдурова О. Ю., Тазранова А. Р., Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Невская И. А., Шенцова И. В., Горбунова В. А., Стручкова Я. В. Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири 224

Хроника
Recent events

S. N. Amosova. VI конференция «Еврейское поле: новые открытия, опыт и концептуализация»

S. N. Amosova. 6th Conference “Jewish Field Studies: Findings, Experiences and Conceptualisation” 234

Севернохантыйская посессивность и типология детерминации

Степан Кириллович Михайлов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
smikhailov@hse.ru*

Во многих уральских языках показатели посессивного согласования образуют особую систему детерминации. Вслед за рядом уралистских исследований, которые доказывают, что рассматриваемые в них посессивы грамматикализовались в детерминаторы, настоящее исследование описывает семантику четырех таких детерминаторов в казымском диалекте севернохантыйского языка на полевом материале и сопоставляет их с недавними результатами из типологии и теории детерминации. Хотя эти детерминаторы затрагивают известные семантические противопоставления (известность, уникальность, салиентность, партиитивность, интенциональная жесткость), в некоторых случаях сочетания этих свойств, наблюдаемые в севернохантыйском языке, по-видимому, ранее не фиксировались в языках мира. Так, я утверждаю, что в севернохантыйском языке есть определенные посессивы, а также детерминатор, маркирующий максимально салиентного референта. В других же случаях севернохантыйские данные подтверждают находки моих предшественников с тем только различием, что в их материале рассматриваемые противопоставления выражаются элементами, не связанными с категорией посессивности. Тем самым настоящее исследование вносит вклад в типологию детерминации и в полевую семантику языков России, продолжая и развивая направление исследований в уралистике, начатое в [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001; Кузнецова 2003].

Ключевые слова: посессивы, определенность, партиитивная специфичность, салиентность, проприальный артикль, полевая семантика, севернохантыйский язык

Для цитирования: Михайлов С. К. Севернохантыйская посессивность и типология детерминации. *Родной язык*, 2023, 2: 6–51.
DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-6-51

Northern Khanty possessives and determiner typology

Stepan Kirillovich Mikhailov

*Higher School of Economics University
Moscow, Russia
smikhailov@hse.ru*

In many Uralic languages, possessive agreement markers form a special determiner system. Following several studies that argue that Uralic possessives have been grammaticalized as determiners, the present study (based on original field data) describes the semantics of four such determiners in the Kazym dialect of Northern Khanty and sets them against the background of recent investigations of typology and the theory of determiner semantics. Although these determiners involve well-known semantic features (familiarity, uniqueness, salience, partitivity, intensional rigidity), some of the combinations of these features observed in Northern Khanty appear to be previously unattested among the world's languages. For instance, I claim that in Northern Khanty, there are definite possessive markers, as well as a determiner that marks the most salient referent. In other cases, the Northern Khanty data confirm the findings of my predecessors, with the only difference being that in their data the relevant oppositions are found in expressions unrelated to possessives. Thus, this study contributes to determiner typology and to field-based semantic research in the languages of Russia, continuing the direction of Uralic studies started by [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001; Kuznetsova 2003].

Keywords: possessives, definiteness, partitive specificity, salience, proprial article, field-based semantic research, Northern Khanty

For citation: Mikhailov S. K. Northern Khanty possessives and determiner typology. *Rodnoy yazyk*, 2023, 2: 6–51.
DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-6-51

1. Введение¹

В начале 2000-х гг. Ирина Николаева и Кари Фраурюд [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001; Nikolaeva 1999] представили первые корпусные исследования показателей посессивного согласования (посессивов) в уральских языках, в которых подробно рассматривались непосессивные («дискурсивные» или «расширенные») употребления посессивов (см. также [Кузнецова 2003]). Николаева (для севернохантыйского) и Фраурюд (для удмуртского) совершают два схожих наблюдения:

- i. Уральские посессивы употребляются гораздо чаще, чем посессивные конструкции европейских языков.
- ii. Во многих употреблениях уральские посессивы функционируют как определенные детерминаторы.

¹ Я хотел бы выразить благодарность нашим друзьям из числа казымских ханты за гостеприимство и готовность работать с нами и помогать нам, делясь своим бесценным знанием языка. Без них это исследование было бы невозможно. Я благодарю С. Ю. Толдову, А. А. Козлова, Н. В. Ивлиеву и А. П. Симоненко, которые многому меня научили и сильно повлияли на мысли, изложенные здесь. Я также благодарен за комментарии и советы коллегам по экспедиции и по НУЛ по формальным моделям в лингвистике, а также участникам конференций «Sinn und Bedeutung 28», «Малые языки в большой лингвистике» (2022), XIX Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей и Четвертого выездного семинара Общества полевых лингвистов, где в разное время были представлены фрагменты настоящего исследования. Отдельная благодарность двум рецензентам журнала «Родной язык», чьи замечания позволили существенно улучшить текст статьи. Все недочеты и неточности остаются на моей совести. Текст подготовлен к печати в рамках исследования № 23-00-036 «Хантыйский язык в типологической перспективе» в рамках Программы Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Так, Фраурюд [Fraurud 2001: 251] показывает, что в корпусе удмуртского языка 30 % именных групп (ИГ) подлежащего и 40 % ИГ прямого дополнения маркированы показателем посессивности третьего лица единственного числа (POSS.3SG)², тогда как объем ИГ с посессором-местоимением 3SG в шведском и английском корпусах составляет не более, чем 1,6 % и 7 % соответственно³. Фраурюд подробно обсуждает несколько примеров таких «расширенных» употреблений посессивов, указывая на их близость с употреблениями английского определенного артикля по [Hawkins 1978], но приходит к выводу, что на данном этапе их нельзя считать грамматикализованными, поскольку употребление посессивного показателя в таких случаях необязательно.

Аналогичным образом Николаева [Nikolaeva 1999: 82] сопоставляет ассоциативные употребления⁴ посессивов севернохантыйского языка (обдорский диалект) с ассоциативными употреблениями английского саксонского генитива (по [Taylor 1996: 346–347]) и обнаруживает, что на 16 % ассоциативных посессивов в английском (из общего числа употреблений саксонского генитива в корпусе) приходится 39 % в севернохантыйском. Николаева связывает эту разницу в частотности с тем фактом, что ассоциативная посессивность — это единственный способ выразить связь между референтами в севернохантыйском, в котором нет артиклей английского типа. В работе [Nikolaeva 2003] Николаева рассматривает больше «расширенных» употреблений посессивов из разных уральских языков в детерми-

² Аналогичная повышенная частотность наблюдается у турецкого POSS.3SG и у юкатекской посессивной клитики (< майяские) [Fraurud 2001: 251].

³ Подробности об использованных корпусах и методологии см. в исходной работе.

⁴ Под ассоциативными употреблениями посессивов понимаются употребления, при которых посессив обозначает контекстно-зависимое отношение, которое в существенной степени отходит от прототипа обладания (напр., *the secretary's typewriter* в значении «печатная машинка, которую назначили секретарю» и т. п. [Taylor 1996: 202–203]).

нативных функциях, но также склоняется к тому, что эти непосессивные употребления нельзя считать случаями грамматикализации (детерминаторов из посессивов), поскольку они не являются обязательными ни в одном из рассматриваемых языков.

Со времен этих работ возникло немало исследований посвященных непосессивным употреблениям уральских посессивов, которые описывают функционирование посессивов как детерминаторов на корпусном и полевом материале, а также в межъязыковой перспективе [Serdobolskaya et al. 2019; Сердобольская 2017; É. Kiss, Tánczos 2018; É. Kiss 2018; Halm 2018; Mikhailov 2022; Simonenko 2017; Хомченкова 2022; Михайлов 2021a; Михайлов 2021b; Gerland 2014; Janda 2015; Janda 2019; Körtvély 2010; Siegl 2015; Zayzon 2015; Budzisch 2017]⁵. Все эти исследования так или иначе поддерживают идею, что во многих уральских языках есть особая система детерминации, которая основана на показателях посессивного согласования (или даже грамматикализуется из них). Это представляет большой интерес для типологии детерминации, поскольку для других языковых семей и ареалов подобное (почти) не описано.

Цель настоящей статьи — представить более подробное семантическое описание пяти типов употреблений посессивов казымского диалекта севернохантыйского языка и соотнести их с недавними результатами из области полевой семантики детерминаторов [Schwarz 2019; Schwarz 2009; Arkoh, Matthewson 2013; Barlew 2014; Gillon 2009] и типологии и теории детерминации [Roberts 2003; Coppock, Beaver 2015; Падучева 2017; Farkas 2002; Enç 1991; Farkas, Brasoveanu 2019].

До настоящего исследования посессивы казымского диалекта были описаны в [Смирнова 2019; Михайлов 2021a;

⁵ См. также [Логвинова 2019] о данных чувашского языка и [Siegl 2015] о данных долганского языка (< тюркские).

Михайлов 2021b; Mikhailov 2022; Муравьев и др. 2023]⁶. Однако в этих работах семантика непосессивных употреблений обсуждается лишь предварительно, а основное внимание уделено либо проблеме посессивного согласования с лексическим посессором [Смирнова 2019; Муравьев и др. 2023], либо аргументам за грамматикализацию непосессивных употреблений в полноценные детерминаторы [Михайлов 2021a; Михайлов 2021b; Mikhailov 2022]. Моя же цель состоит в том, чтобы представить более подробный семантический анализ этих детерминаторов, тогда как аргументы за их грамматикализацию как отдельных единиц останутся по большей части за рамками этой работы (как и проблема согласования с лексическим посессором). Далее я буду называть грамматикализованные непосессивные употребления посессивных показателей **«бепосессивами»**, поскольку они представляют собой **употребления посессивов без (собственно) посессивного значения**⁷.

Там, где не указано иначе, я рассматриваю собственные данные, полученные в ходе полевой работы с носителями казымского диалекта севернохантыйского языка в селе Казым (ХМАО-Югра) методом элицитации по методологии Мэттьюсон [Matthewson 2004] в рамках совместных экспедиций НИУ ВШЭ и МГУ им. Ломоносова под руководством С. Ю. Толдовой и А. А. Козлова в 2018–2023 гг. Каждое суждение, представленное в работе, было получено по крайней мере с четырьмя консультантами. Всего я работал с тринад-

⁶ В очерках казымского диалекта [Каксин 2010; Sipos 2022] непосессивные употребления практически не рассматриваются. Как показывает [Михайлов 2021a], данные о непосессивных употреблениях казымского диалекта существенно отличаются от данных моих предшественников по другим диалектам, например по приуральскому диалекту [Nikolaeva 1999; Nikolaeva 2003] или по тегинскому диалекту [Кашкин 2010].

⁷ Я также надеюсь, что введение особого термина для обозначения показателей такого типа способствует их более централизованному рассмотрению исследователями уральских языков и языков других семей.

цатью консультантами. В настоящей работе я опираюсь исключительно на данные элицитации (о валидности такой методологии см. хотя бы [Davis et al. 2014]), хотя в будущем я надеюсь проверить выдвигаемые здесь обобщения и на текстовых данных.

Работа структурирована следующим образом. В разделе 2 вводятся основные понятия и противопоставления из теории детерминации, релевантные для настоящего исследования. В разделе 3 последовательно рассматривается семантика пяти казымских хантыйских (бес)посессивов: собственно посессива, ассоциативного посессива, партитивного артикля, показателя топика и проприального артикля⁸. Раздел 4 указывает возможные направления дальнейших исследований и суммирует основные результаты исследования.

Будет показано, что, хотя севернохантыйские беспосессивы затрагивают известные семантические противопоставления (известность, уникальность, салиентность, партитивность, интенциональная жесткость), в некоторых случаях сочетания этих свойств, наблюдаемые в севернохантыйском языке, по-видимому, ранее не фиксировались в языках мира. В других же случаях севернохантыйские данные подтверждают находки моих предшественников с тем только различием, что в их материале рассматриваемые противопоставления выражаются элементами, не связанными с категорией посессивности.

Таким образом, настоящая статья вносит вклад в теорию и типологию детерминации, проливая свет на возможные типы детерминаторов и их диахронические источники.

⁸ Проприальный артикль — это артикль, который употребляется с именами собственными в аргументной позиции [Миһоз 2019].

2. Детерминация и посессивность: основные понятия⁹

Вопросы, касающиеся детерминации, — это вопросы соотнесения свойства, обозначаемого именной группой, с его носителями. Есть ли у свойства лишь один уникальный носитель? Считает ли говорящий, что адресату известен конкретный носитель свойства, к которому отсылает говорящий? Отсылает ли говорящий к одному конкретному носителю свойства, или к любому носителю свойства, или вообще ни к одному?

Специализированными средствами выражения или маркирования детерминации являются артикли, как, например, определенный и неопределенный артикли в английском языке. Помимо артиклей детерминацию маркируют указательные и неопределенные местоимения.

Двумя принципиальными измерениями детерминации являются определенность и специфичность¹⁰. Едва ли можно сказать, что существуют общепринятые определения этих понятий. Тем не менее, работая с конкретным эмпирическим материалом, мы можем отталкиваться от предварительных определений и уточнять их при необходимости. Поскольку в настоящей работе речь идет о показателях, связанных прежде всего с определенностью, в этом

⁹ Близкий синоним понятия «детерминация» — это референциальный или денотативный статус [Падучева 2017]. Я использую понятие «детерминация» вслед за [Corroock, Beaver 2015; Löbner 2011; Плунгян 2011], поскольку оно более прозрачно связано с понятием «детерминатор».

¹⁰ Вслед за [Farkas, Brasoveanu 2019], я использую зонтичный термин «специфичность» вместо традиционно принятого «референтность», поскольку последний слишком узок и охватывает только один вид специфичности. В частности, ниже фигурируют партитивно-специфичные (5) и эпистемически-неспецифичные (7) ИГ. Ни тот, ни другой статус нельзя свести к референтности, поскольку и партитивно-неспецифичные, и эпистемически-неспецифичные ИГ могут тем не менее быть референтными (см. соответствующие примеры ниже).

разделе я сфокусируюсь именно на ней, а противопоставления, релевантные для зоны неопределенности, останутся по большей части за кадром (см. [Падучева 2017; Farkas, Brasoveanu 2019]).

Вслед за Крейги Робертс [Roberts 2003], я понимаю определенность как совокупность нескольких импликаций (конкретнее, пресуппозиций), которые несет именная группа. Определение Робертс дано в (1)¹¹.

(1) Пресуппозиции существования и уникальности определенных ИГ (адаптировано с переводом из [Roberts 2003: 308]).

В данном контексте S употребление определенной ИГ _{i} несет пресуппозицию, что существует дискурсивный референт x_i , который служит антецедентом этой ИГ и обладает следующими свойствами:

- 1) существование x_i следует из общего фона разговора в S (*пресуппозиция слабой известности*);
- 2) x_i удовлетворяет дескриптивному значению ИГ _{i} и является единственным дискурсивным референтом в S , для которого это верно (*пресуппозиция информационной уникальности*).

Это определение опирается на несколько понятий, которые следует пояснить. Во-первых, речь идет не о действительных референтах (индивидах в мире, о котором идет речь), а о **дискурсивных референтах** — сущностях, содержащих совокупность информации об одном индивиде, существование которого предполагается участниками разговора в рамках данного отрезка дискурса (хотя его существование в актуальном мире не является необходимым и не подразумевается с необходимостью).

Дискурсивные референты являются частью **общего фона разговора** [Stalnaker 1974; Долгоруков и др. 2021] —

¹¹ Теория Робертс основана на материале английского языка и охватывает следующие типы определенных ИГ: ИГ с определенным артиклем, ИГ с указательными местоимениями, личные местоимения, имена собственные.

множества фактов, взаимно известных говорящему и адресату. Одно из необходимых условий определенности по Робертс, слабая известность, определяется именно через общий фон разговора (1).

Ценность понятия слабой известности можно проиллюстрировать следующим примером (2).

(2) а. #Every car had a puncture in **the tire**¹².

б. Every unicycle had a spoke missing from **the wheel**.

(адаптировано из [Roberts 2003: 291])

Рассмотрим сначала предложение (2б). Именная группа ‘колесо’ здесь употребляется в контексте, в котором ранее был введен моноцикл. Исходя из знаний о мире, которые составляют часть общего фона разговора, можно утверждать, что (для каждого моноцикла) существует одно единственное колесо. Тем самым следствия из общего фона разговора удовлетворяют пресуппозиции слабой известности и информационной уникальности ИГ *the wheel*, которые привносит определенный артикль *the* в (2б), что и делает необходимым его употребление в этом примере. Отметим, что употребление *the* здесь обязательно даже несмотря на то, что ‘колесо’ здесь не является известным в традиционном смысле, так как оно не упоминалось в предшествующем контексте (сильная известность по Робертс).

Пример (2а) показывает, что информационная уникальность референта также является необходимым условием употребления определенного артикля. В случае его неуникальности (как в (2а): у машины обычно несколько шин) употребление определенного артикля становится невозможным.

Приименные посессивные конструкции (посессивы) типа *мой дом, рисунок этой девочки, Sue's book* ‘книга Сью’

¹² Я использую следующие знаки приемлемости: # — высказывание грамматично, но неприемлемо по семантическим или прагматическим причинам; * — высказывание неграмматично; ?? — высказывание «затруднено» (используется в примерах ниже, цитируемых из [Михайлов 2021а]).

и т. п. — это еще один класс выражений, связанных с детерминацией. В некоторых языках посессивы находятся в дополнительной дистрибуции с артиклями, как, например, в случае саксонского генитива в английском (*Sue's book*), и имеют дистрибуцию схожую с определенными ИГ. Джон Тэйлор [Taylor 1996], основываясь на материале английского языка, анализирует посессивы как особые дискурсивные средства, которые позволяют ввести референта через его связь с другим известным референтом¹³. Согласно его анализу, таким образом, посессивы связаны с известностью — одним из двух необходимых условий определенности.

В отношении саксонского генитива интересный контраст обнаруживают Лиз Коппок и Дэвид Бивер [Coppock, Beaver 2015]. В зависимости от позиции, в которой употреблена группа с саксонским генитивом, меняется ее детерминация. В аргументных позициях такие группы ведут себя, как определенные, вызывая противоречие в тесте «противоречия» (negation test [Löbner 2011]), как в (3а), где двум идентичным группам *Mary's pet rabbit* приписываются взаимоисключающие свойства, что делает высказывание неприемлемым. (Ср. (3б), которое показывает, что неопределенные ИГ с *some* не вызывают противоречие в этом тесте, а значит, являются недетерминированными (indeterminate) по Коппок и Биверу.)

- (3) а. **#Mary's pet rabbit is in the cage and Mary's pet rabbit is outside the cage.**
 б. *Some rabbit is in the cage and some rabbit is outside the cage.* (адаптировано из [Coppock, Beaver 2015: 417])

Поразительное наблюдение состоит в том, что в предикатной позиции группы с саксонским генитивом недетерминированы (4а) так же, как группы с *some* (4б), но в отличие от групп с *the* (4в).

¹³ Однако см. критику анализа Тэйлора в [Barker, Polinsky 1998] в связи с неопределенными посессорами (например, *some girl's book* 'книга (какой-то) девочки'). См. также [Barker 2000].

- (4) a. The rabbit in the cage is **Mary's pet** and the rabbit sitting just outside the cage is **Mary's pet**.
б. The rabbit in the cage is a pet Mary owns and the rabbit sitting just outside the cage is a pet Mary owns.
в. #The rabbit in the cage is the pet Mary owns and the rabbit sitting just outside the cage is the pet Mary owns.
(адаптировано из [Там же: 418])

Исходя из этих наблюдений, Коппок и Бивер считают саксонский генитив не маркированным по определенности, а его поведение в аргументной позиции объясняют скрытой операцией йота-сдвига [Partee 1987], которая делает из предикатных именных групп определенные аргументные ИГ.

Как обсуждалось в разделе 1 настоящей статьи, во многих уральских языках посессивы также используются для маркирования известных референтов ([Nikolaeva 2003; Fraurud 2001] и др.). Так, согласно [Михайлов 2021а; Михайлов 2021b; Mikhailov 2022], в казымском диалекте севернохантыйского языка некоторые посессивы грамматикализовались в детерминаторы разных типов. (В этой связи я буду называть их «беспосессивами», как в разделе 1.) Однако основная цель работ Михайлова состоит в том, чтобы доказать синхронную независимость беспосессивов от посессивов в собственно посессивных функциях на основании различий между ними в ряде семантических и морфосинтаксических свойств. При этом семантическая характеристика этих беспосессивов в этих работах дается лишь предварительно. Именно поэтому настоящая статья имеет целью соотнести казымские хантыйские беспосессивы с существующей теорией и типологией детерминации в ходе более подробного рассмотрения их семантики.

Перед тем как перейти к обзору севернохантыйских данных, необходимо представить еще один тип детерминации, близкий к определенности, но отличный от нее, а именно — партитивную специфичность. Партитивная специфичность имеет место, когда референт ИГ является ча-

стью известного в данном контексте референта [Енç 1991; Farkas 2002; Farkas, Brasoveanu 2019]. Так, например, в турецком партитивно-специфичные прямые дополнения маркируются винительным падежом (5), а опущение винительного падежа в этом примере вызывает импликацию, что эти две девочки не относятся к числу детей из предшествующего контекста.

(5) [Контекст: «В комнату зашли несколько детей»]¹⁴

İki **kız-#(i)** taniyordum.

two girl-ACC I:knew

‘Я знал двух девочек [из этих детей]’. (адаптировано с переводом из [Енç 1991: 6])

Тесная связь партитивной специфичности с определенностью подтверждается тем, что типологически дифференцированное маркирование прямого дополнения (differential object marking, DOM) нередко зависит от того, является ли референт определенным/партитивно-специфичным или нет [Farkas 2002]. Именно так в турецком винительный падеж используется в контекстах полной определенности или партитивной специфичности прямого дополнения, а не партитивно-специфичные и неопределенные дополнения остаются немаркированными¹⁵. Иными словами, турецкий DOM объединяет определенные и партитивно-специфичные ИГ в один класс, противопоставляя их остальным типам ИГ. Согласно [Михайлов 2021a], один из севернохантыйских беспосессивов (грамматикализованный из POSS.3SG) выражает именно партитивную специфичность (см. ниже §3.3).

¹⁴ При указании контекста в примерах вне кавычек я привожу экстралингвистический контекст, а в кавычках — лингвистический контекст (стимул на языке примера опускается для экономии места).

¹⁵ Подробное обсуждение семантики винительного падежа в турецком см. в классической статье Мюрвет Энч [Енç 1991].

3. Севернохантыйские беспосессивы в типологии детерминации

В этом разделе будут представлены данные о наличии у севернохантыйских беспосессивов, выделенных в [Mikhailov 2022; Михайлов 2021a; Михайлов 2021b], импликаций, которые традиционно относят к зоне детерминации [Roberts 2003; Farkas 2002; Падучева 2017; Плуныян 2011]. Конкретнее, речь пойдет о пресуппозициях известности (существования), уникальности и партитивной специфичности. Кроме того, будет показано, что некоторые употребления также требуют включения в анализ менее широко обсуждаемых импликаций салиентности (ср. [Barlew 2014]) и интенциональной жесткости [Kripke 1980; Muñoz 2019].

3.1. Собственно посессив

Собственно посессив выражает прототипические посессивные отношения [Михайлов 2021b], которые основаны либо на прототипе обладания [Taylor 1996], либо на семантике вершинного имени [Partee, Borschev 2003] (ср. ассоциативный посессив, §3.2).

Собственно посессив не требует уникальности референ-та, что показано в примере (6) при помощи теста противоречия [Coppock, Beaver 2015] (см. также §2).

(6) *[Контекст: Ребенок устроил беспорядок на кухне. Родители говорят: «Что ты тут устроил?»]*

paːsan	əxtij-ən	näj	juntut-en	uːl,
стол	на-LOC	ты	игрушка-POSS.2SG	лежать[NPST.3SG]
kəg_ɫaŋəɫ-ən	näj	juntut-en	uːl,	
плита-LOC	ты	игрушка-POSS.2SG	лежать[NPST.3SG]	
paːsan	ilprij-ən	näj	juntut-λ-an	kɛrit'χ-əɫ-ət
стол	под-LOC	ты	игрушка-PL-POSS.2SG	валяться-NPST-3PL

Дословно: 'На столе твоя игрушка лежит, на плите твоя игрушка лежит, под столом твои игрушки валяются'.

От ИГ, несущей пресуппозицию уникальности, в таком контексте ожидается неприемлемость, как это имеет место, например, с английским определенным артиклем или саксонским генитивом в аргументных позициях [Там же]. Однако для севернохантыйских ИГ, маркированных собственно посессивом, подобные контексты не исключены, что позволяет утверждать, что они не требуют уникальности. Иными словами, собственно посессив не маркирован по определенности, поскольку не требует уникальности и не исключает ее.

Это утверждение подкрепляется тем наблюдением, что собственно посессив сочетается с эпистемически-неспецифичным местоимением *tułsər* ‘какой-то’ (7)¹⁶.

(7) [Контекст: Говорящий в гостях у друга.]

tułsər	an-en	mij-a	
какой-то	чашка-POSS.2SG		дать-IMP[SG]
‘Дай мне какую-нибудь твою чашку’.			

Можно сказать, что собственно посессив функционирует как модификатор, который сужает экстенционал именной группы ‘чашка’ до множества ‘чашки, которые тебе принадлежат’, но при этом не детерминирует именную группу. Поэтому он может свободно сочетаться с неопределенным местоимением *tułsər*.

При этом оказывается, что собственно посессив несет пресуппозицию существования референта, что подтверждается следующими примерами. Собственно посессив не употребляется в предикатной посессивной конструкции с глаголом *tǎjtǐ* ‘иметь’ в экзистенциальном значении и не может иметь узкую сферу действия по отношению к отри-

¹⁶ Эпистемическая специфичность затрагивает вопрос, есть ли у говорящего на примете конкретный индивид, соответствующий данной именной группе, или нет [Farkas, Brasoveanu 2019: 12], ср. русское местоимение неизвестности *какой-то* [Падучева 2016].

цанию (8а)¹⁷. Добавление посессива приводит к смене интерпретации глагола на ‘временное обладание’ (8б).

- (8) а. **nǎŋ** **welik** änt täj-λ-ən
ты велосипед NEG иметь-NPST-2SG
‘У тебя нет велосипеда’.
- б. **nǎŋ** **welik-en** änt täj-λ-ən
тывелосипед-POSS.2SG NEG иметь-NPST-2SG
‘У тебя [сейчас] нет твоего велосипеда [например, он сломан]’.
- Ожид.: #У тебя нет велосипеда.

Александра Симоненко [Simonenko 2017] показывает, что показатели посессивного согласования делятся на два типа в зависимости от возможности иметь узкую сферу действия по отношению к отрицанию. Мокшанские, луговомарийские и турецкие посессивы свободно употребляются в конструкции типа (8а) с узкой сферой действия по отношению к отрицанию, тогда как бурятские и коми ижемские посессивы в такой конструкции могут иметь только широкую сферу действия (как в (8б)) [Там же: 431–432]. Симоненко связывает это различие с наличием пресуппозиции существования у посессива. Если посессив несет такую пресуппозицию, то употребление его в сфере действия отрицания привело бы к противоречию: пресуппозиция ‘существует х такой, что х связан отношением обладания с у (посессором)’ противоречит ассерции ‘не существует х такого, что х связан отношением обладания с у (подлежащим)’ (где у — один и тот же референт). В языках, где употребление посессива в сфере действия отрицания возможно, посессив не несет пресуппозиции существования.

Применяя рассуждение Симоненко к казымским хантыйским данным в (8), мы получаем, что собственно посессив несет пресуппозицию существования референта ИГ, как и посессивы бурятского и коми ижемского языков. Та-

¹⁷ Т. е. в значении ‘у референта ИГ-подлежащего есть индивид из экстенционала ИГ-прямого дополнения’.

ким образом, собственно посессив не маркирован по определенности, но производит референтные ИГ.

3.2. Ассоциативный посессив

Согласно Ирине Николаевой [2003], которая рассматривает ассоциативные употребления ряда уральских посессивов, ассоциативная посессивность имеет место, когда посессив обозначает отношения, которые не основаны на посессивном прототипе (обладания, части-целого, социальных отношений) [Taylor 1996] или на семантике вершинного имени [Partee, Borschev 2003]. Ассоциативные отношения временны и контекстно-зависимы.

Употребление ассоциативного посессива несет пресуппозицию, что между референтом ИГ и посессором есть контекстно-доступное отношение. В (9) чашка, маркированная ассоциативным POSS.2SG, не принадлежит подруге говорящего и никак с ней не связана помимо того, что они находятся рядом. Тем не менее посессивное маркирование здесь возможно и даже обязательно. (Неупотребление посессива приводит к неприемлемости высказывания, что маркировано как *an-#(en)* со знаком неприемлемости (#) снаружи скобок.)

(9) [Контекст: У говорящего в гостях подруга. На столе одна чашка. Он говорит подруге:]

an-#(en) mi-je
 стакан-POSS.2SG дать-IMP.SG>SG
 ‘Передай чашку’. [Михайлов 2021b: 112]

При этом в минимально отличном контексте с несколькими чашками (10) употребление ассоциативного посессива невозможно.

(10) [Контекст, как в (9), но чашек несколько.]

an-#(en) mi-ja
 стакан-POSS.2SG дать-IMP[SG]
 ‘Передай чашку’. [Там же: 113]

Исходя из этих наблюдений можно утверждать, что ассоциативный посессив несет пресуппозицию уникальности [Михайлов 2021b].

Обязательность его употребления в случаях типа (9) можно объяснить прагматическим принципом *Maximize Presupposition!* («употребляй как можно больше выражений с пресуппозициями, которые удовлетворяются в данном контексте»), который Ирэна Хайм [Heim 1991; Heim 2019] вводит для объяснения конкуренции между определенным и неопределенным артиклем в языках типа английского: неупотребление элемента с пресуппозицией уникальности в контексте, где уникальность референта допускается общим фоном разговора, вызывает импликацию, что референт не уникален. В примере (9) немаркированная форма по моему предположению и вызывает импликацию неуникальности. Поскольку в данном контексте эта импликация ложна, она приводит к неприемлемости.

Ассоциативный посессив также требует существования или известности референта, как показывают примеры (11) и (12). В этих примерах говорящий просит адресата сделать костер в разных контекстах: в (12) дрова сложены, и костер просто нужно разжечь, а в (11) костер нужно делать «с нуля». В случае (11) референт неизвестен адресату в силу несуществования, в (12) референт известен в силу доступности во внеязыковом контексте. Маркирование ассоциативным посессивом обязательно в случае известности референта и невозможно при неизвестности.

- (11) **tut-#en** wɛr-a
 огонь-POSS.2SG делать-IMP[SG]
 ‘Сделай костер’.

Комментарий консультанта к *-en*: «[если используется маркированная форма] то это костер в месте, где мы обычно зажигаем костры, [с немаркированной формой] это костер на новом месте».

- (12) **tut-#(en)** әлл'-е
 огонь-POSS.2SG зажечь-IMP.SG>SG
 'Зажги костер'.

Комментарий консультанта к -Ø: «[только маркированную форму можно использовать], если дрова уже сложены и подготовлены».

Эти наблюдения сближают ассоциативный посессив с определенными детерминаторами типа английского артикля *the*, который также требует уникальности и известности референта ИГ [Roberts 2003] (см. §2). В связи с этим я предполагаю, что ассоциативный посессив является определенным детерминатором.

Последнее предположение подтверждается, в частности, несочетаемостью ассоциативного посессива с эпистемически-неспецифичным местоимением *tuɫsəɾ* (13). Здесь, как и в примерах (9) и (10), адресата и референта связывают лишь контекстуальные отношения физической близости. При этом употребление ассоциативного посессива невозможно в присутствии местоимения *tuɫsəɾ*.

- (13) [Контекст: У говорящего в гостях подруга. На столе несколько чашек. Он говорит ей:]
 tuɫsəɾ **an-#(en)** miɟ-a
 какой-то чашка-POSS.2SG дать-IMP[SG]
 'Дай мне какую-нибудь чашку'.

Этот факт представляется ожидаемым в рамках предложенного выше анализа. Ассоциативный посессив не сочетается с неопределенным местоимением *tuɫsəɾ*, поскольку он определенный: местоимение и посессив несут взаимопротиворечащие импликации. Этим ассоциативный посессив отличается от собственно посессива, который является лишь посессивным модификатором, ограниченным прототипическими посессивными отношениями и не маркированным по определенности, см. (14) (повторяемый из (7)).

(14) [Контекст: *Говорящий в гостях у друга.*]

mul̩sər **an-en** mij-a
какой-то чашка-POSS.2SG дать-IMP[SG]
'Дай мне какую-нибудь твою чашку'.

Отметим, что ассоциативный посессив, как и собственно посессив, может иметь любое сочетание лица-числа. Так, в (15) ассоциативный посессив несет признаки 1SG, поскольку маркирует ассоциативное отношение между референтом ИГ и говорящим, которое было введено в предшествующем нарративном контексте.

(15) [Контекст: *«Я нашел на улице паспорт. Пошел в администрацию, встретил своего друга, поговорили.»*]

nɛm **пeрeк-#(ɛm)** suwet-ən ɣāj-s-ɛm
имя бумага-POSS.1SG совет-LOC оставить-PST-1SG>SG
'[А затем] оставил в администрации паспорт.
{Пусть найдут хозяина, вернут ему.}'

3.3. Партитивный артикль

Партитивный артикль (грамматикализированный из POSS.3SG) маркирует именные группы, отсылающие к части контекстно-заданного множества. Иными словами, он маркирует партитивно-специфичные ИГ [Enç 1991; Farkas 2002; Farkas, Brasoveanu 2019].

В отличие от собственного и ассоциативного посессива, партитивный артикль никогда не изменяется по лицу-числу. В связи с этим и другими отличиями, обсуждаемыми в [Михайлов 2021a], я считаю, что он синхронно является отличной от собственно посессивов единицей. (При этом я продолжу глоссировать все обсуждаемые здесь показатели как обычные посессивы, поскольку они формально совпадают, см. [Mikhailov 2022].)

Пример употребления партитивного артикля приведен в (16). Здесь партитивный артикль с числительным *i* 'один' используется, чтобы отослать к одной из двух собак из предшествующего контекста. При этом употребление не-

маркированной формы в контексте, где уместно употребление партитивного артикля, приводит к неприемлемости. Я связываю этот эффект с принципом *Maximize Presupposition!* [Heim 1991] (ср. обсуждение ассоциативного посессива под (9) и (10)), предполагая соответственно, что партитивный артикль несет партитивную пресуппозицию ('референт данной ИГ является (собственной) частью другого известного референта').

(16) [Контекст: «Я шел по улице и увидел двух собак».]

i	amp-#(əλ)	ma	peλ-am-a
один	собака-POSS.3SG	я	на-POSS.1SG-DAT
χurət-ti	pit-əs		
лаять-NFIN.NPST	статья-PST[3SG]		

'Одна из собак на меня залаяла'.

При этом невозможно употребление партитивного артикля в случае полного совпадения референта данной ИГ и антецедента, как в минимально отличном примере (17). Вместо него должен быть употреблен показатель топики, грамматикализированный из POSS.2SG (см. следующий раздел).

(17) [Контекст: «Я шел по улице и увидел собаку».]

#amp-əλ	ma	peλ-am-a
собака-POSS.3SG	я	на-POSS.1SG-DAT
χurət-ti	pit-əs	
лаять-NFIN.NPST	статья-PST[3SG]	

Ожид.: #Собака на меня залаяла.

Неприемлемость (17) говорит о том, что севернохантыйский партитивный артикль отличается от некоторых других показателей партитивной специфичности, таких как турецкий винительный падеж [Enç 1991] или коми ижемский (бес)посессив 3SG [Simonenko 2017], тем, что он маркирует отношение **собственно** части-целого между референтом данной ИГ и антецедентом и не допускает их полного

совпадения¹⁸. Отметим также, что из строгой партитивной специфичности такого рода, с одной стороны, следует уникальность референции, а с другой — известность референта (как части другого известного референта).

3.4. Показатель топика

Как показано в [Михайлов 2021a], показатель топика является определенным детерминатором, как и ассоциативный посессив. Показатель топика формально совпадает с POSS.2SG, но, в отличие от собственного и ассоциативного посессивов, никогда не изменяется по лицу-числу. На основании этого и некоторых других аргументов [Михайлов 2021a] утверждает, что показатель топика следует считать грамматикализованным детерминатором.

Как определенный детерминатор, показатель топика не употребляется с неизвестными референтами (18) и обязательен с известными (и топикальными по предположению [Михайлов 2021a]) референтами (20). (Следующие три примера образуют один нарратив.)

(18) ma χot-a луη-s-эм.
я дом-DAT войти-PST-1SG
šáta šǎldat-**(#en)** oməs-λ.
там.LOC солдат-POSS.2SG сидеть-NPST[3SG]
'Я вошел в дом. Там сидел солдат'. [Там же: 132]

(19) ma šǎldat-**(??en)** χuśa wana mǎn-s-эм, puškan-эн
я солдат-POSS.2SG к ближеидти-PST-1SG ружье-LOC
šǎš-s-эм
показать-PST-1SG>SG
'Я подошел к солдату и наставил на него ружье'.
[Там же]¹⁹

¹⁸ Согласно [Simonenko 2017], схожими ограничениями с севернохантыйским артиклем подвержен лугово-марийский посессив 3SG в партитивной функции.

¹⁹ Второе упоминание ИГ 'солдат', где показатель топика менее предпочтителен, чем немаркированная форма, обсуждается ниже.

- (20) **šaldat-#(en)** rakn-əs
 солдат-POSS.2SG испугаться-PST[3SG]
 ‘Солдат испугался’. [Там же]

К этим примерам можно добавить следующий пример, который показывает, что показатель топики также требует уникальности. В (21а) показатель топики маркирует ИГ в двойственном числе, которая отсылает к уникальному максимальному индивиду из экстенционала ИГ (т. е. к обеим собакам из предшествующего контекста). В (21б) при попытке отослать к одной из двух собак употребление показателя топики становится невозможным, поскольку данная ИГ не обозначает максимальное контекстно-доступное множество собак. Вместо показателя топики должен быть употреблен партитивный артикль (см. §3.3).

- (21) [Контекст: «Я шел по улице и увидел двух собак».]

а. **amp-ηəl-an** ma pəl-am-a
 собака-du-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT
 χurət-ti pit-s-əηən
 лаять-NFIN.NPST стать-PST-3DU
 ‘Собаки на меня залаяли’.

б. **i amp-əl/#-en** ma pəl-am-a
 один собака-POSS.3SG/-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT
 χurət-ti pit-əs
 лаять-NFIN.NPST стать-PST[3SG]
 ‘Одна из собак на меня залаяла’.

Любопытными представляются случаи, в которых показатель топики не употребим с известными уникальными референтами, что и отличает его от определенных артиклей типа английского. Таков пример (19) со вторым упоминанием солдата, а также пример с паспортом (15) из §3.2, повторенный с изменениями как (22). В этом примере ассоциативный POSS.1SG является единственным возможным вариантом маркирования, а показатель топики исключен.

(22) [Контекст: «Я нашел на улице паспорт. Пошел в администрацию, встретил своего друга, поговорили.»]

нем нѣрек-ѣм/#-ѣн suwet-ən xəj-s-ѣн
 имя бумага-POSS.1SG/-POSS.2SG совет-LOC оставить-PST-1SG>SG
 ‘[А затем] оставил в администрации паспорт.
 {Пусть найдут хозяина, вернут ему.’}

На первый взгляд этот пример подтверждает предположение из [Михайлов 2021a], что показатель топики требует топикальности референта. Действительно, если под топикальностью понимать статус референта, при котором высказывание сообщает новую информацию **о нем** (aboutness topic [Nikolaeva 2001; Lambrecht 1994]), паспорт в примере (22) явно не топикален. Более конкретно можно сказать, что топикальный референт должен быть данным в обсуждаемом вопросе (question under discussion), на который отвечает это высказывание [Roberts 2012; Roberts 2019]²⁰. Поскольку в (22) представлено продолжение повествования с одним действующим лицом-говорящим, это высказывание отвечает на вопрос типа «Что ты сделал дальше?» или «Что было дальше?». Из этого мы заключаем, что паспорт в (22) не является топикальным, поскольку он не входит в обсуждаемый вопрос, на который отвечает (22), что и объясняет неприемлемость показателя топики в этом примере согласно предположению из [Михайлов 2021a].

Однако не все употребления показателя топики вписываются в описанную выше логику, поскольку есть случаи, в которых ИГ, маркированная показателем топики, тем не менее находится в узком фокусе, как, например, в (23). В этом примере ИГ с относительным придаточным и пока-

²⁰ В рамках модели обсуждаемых вопросов [Roberts 2012] каждое высказывание в дискурсе отвечает на скрытый или явный вопрос. Ответы связаны с вопросами ограничением, что составляющая данного ответного высказывания, которая соответствует вопросительной части обсуждаемого вопроса, должна быть фокусом. Это ограничение отражает классическое наблюдение (см. хотя бы [Lambrecht 1994]), что фокусом является та часть высказывания, на которую различаются ответ и вопрос.

зателем топика отсылает к одной из двух обсуждаемых девочек, как ответ на вопрос «Кто будет играть солнышко?». Согласно модели, описанной выше, ответ на такой вопрос несет узкий фокус. При этом употребление показателя топика здесь обязательно.

(23) [Контекст: Мы готовим спектакль в школе. Только двум девочкам осталось дать роль. Мы обсуждаем, кому лучше дать роль солнышка: «— Девочка, сидящая слева, высокая. — А девочка, сидящая справа, хорошо поет. И кто будет играть солнышко?»]

jām **pɛlək-ən** **oməs-ti** **ewij-en**
 хороший сторона-LOC сидеть-NPST.NFIN девочка-POSS.2SG
 χātɫ im-ije at jɔnt-λ
 день женщина-DIM OPT играть-NPST[3SG]
 ‘Пусть солнышко играет девочка, сидящая справа’.

Этот пример нам показывает, что показатель топика не может требовать топикальности референта. В отличие от других явлений в языках мира, которые заточены на информационно-структурную топикальность²¹, показатель топика не исключен с фокусными составляющими.

Вместо этого я выдвигаю гипотезу, что показатель топика маркирует максимально салиентного референта, что мотивировано нижеследующими примерами. Вслед за Дж. Барлю [Barlew 2014], К. Робертс [Roberts 2011] и другими, я понимаю под салиентностью функцию количества внимания коммуникантов, которое направлено на референта²². Если референт релевантен для достижения целей коммуникантов, был недавно упомянут или же перцептивно выделяется во внеязыковом контексте, то на него направле-

²¹ Как, например, синтаксическая роль согласуемого объекта в приуральском диалекте севернохантыйского языка, описанная в классической статье [Nikolaeva 2001].

²² Т. е. степень салиентности референта прямо пропорциональна количеству внимания. См. также ссылки в процитированных работах на обильную экспериментальную психологическую литературу по проблеме внимания.

но внимание коммуникантов и, следовательно, он салиентен. Любые топикальные референты по определению салиентны, но это справедливо не только для них²³.

Так, в примере (23) выше обсуждаемые девочки салиентны, поскольку они релевантны для целей коммуникантов. Другой случай салиентности референтов имеет место с ИГ с дейктическими демонстративами, как в (24). При дейктическом употреблении демонстратива, которое сопровождается указательным жестом, говорящий направляет внимание адресата на определенного референта (см. хотя бы [Diessel 2006]). В результате референт салиентен, и выполняется условие для употребления показателя топика, как в (24).

(24) [Контекст: «Кто тебя ударил?»]

ma **ši** **aj_ik-en-en** xəts'-əs-ij-əm
я DEM мальчик-POSS.2SG-LOC ударить-PST-PASS-1SG
'Меня ударил тот мальчик'.

Следует заметить, что употребления с ИГ с дейктическими демонстративами для показателя топика крайне характерны. Многие такие случаи особенно ярко указывают на нерелевантность собственно информационно-структурных противопоставлений для его употребления. Так, в примере (24) ИГ с демонстративом находится в узком фокусе, но показатель топика употребляется с ней вопреки этому²⁴.

Севернохантыйский показатель топика не первый детерминатор в известной типологии, для семантики которого релевантна салиентность. До настоящей работы к салиентности в семантике детерминатора прибегал Джефферсон Барлю [Barlew 2014], который анализирует артикль языка булу (< банту, Камерун) и показывает, что этот ар-

²³ Чем объясняется хорошая корреляция употреблений показателя топика с топикальным статусом ИГ.

²⁴ Несмотря на эти соображения, я не считаю нужным переименовывать этот показатель, поскольку текущее название и так интуитивно отражает большую часть его употреблений.

тикль требует салиентности референта. Важное отличие севернохантыйского показателя топика от салиентного артикля языка булу состоит в том, что севернохантыйский показатель имеет особое ограничение на единственность: в нормальном случае в рамках одной клаузы можно употребить лишь один показатель топика²⁵.

Это ограничение проиллюстрировано в (25). В этом примере фигурируют два референта, упомянутые в непосредственно предшествующем контексте, что делает их салиентными. При этом только один из них (в этом примере девочка) может быть маркирован показателем топика, тогда как для второго (для мальчика) маркирование показателем топика исключено несмотря на то, что он тоже салиентен в этом примере. Вместо этого мальчик маркируется ассоциативным посессивом 3SG, так как он связан с девочкой ассоциацией по предшествующему контексту (см. §3.2)

(25) [Контекст: «Я шел по улице и увидел мальчика и девочку».]

ew-en aj_ik-eλ/#-en
 девочка-POSS.2SG мальчик-POSS.3SG/-POSS.2SG
 χäts-əs-λe
 ударить-PST-3SG>SG
 ‘Девочка ударила мальчика’.

Исходя из этого ограничения, я и предполагаю, что показатель топика маркирует **максимально салиентного** референта в данном контексте, что отличает его как от классических определенных артиклей типа английского, так и от салиентного артикля языка булу [Barlew 2014]. Предполагая, что максимально салиентным может быть лишь один референт в контексте данного высказывания, можно считать, что в случаях типа (25) говорящему приходится выбирать, какого из референтов с равной салиентностью вы-

²⁵ Это обобщение было впервые сформулировано в неопубликованном отчете [Муравьев 2022], см. также [Муравьев и др. 2023].

делить, а какого маркировать как менее салиентного, что должно соответственно влиять на их салиентность в последующем контексте. В будущих исследованиях было бы интересно проверить эту гипотезу на корпусном материале.

3.5. Проприальный артикль

Последний беспосессив, который мы рассмотрим, — это проприальный артикль (формально эквивалентный POSS.2SG и показателю топика), который маркирует имена людей²⁶ и в целом вписывается в семантический профиль проприальных артиклей, сформулированный Патриком Муньосом [Muñoz 2019]. По Муньосу проприальный артикль берет имена предикатного типа и производит именные группы аргументного типа, которые отсылают к конкретному индивиду-носителю данного имени (соответственно известному и уникальному)²⁷.

Для проприального артикля справедливы все аргументы за грамматикализацию показателя топика из [Михайлов 2021a]. В частности, проприальный артикль никогда не изменяется по лицу-числу. Исходя из этого я считаю его синхронно отдельной от собственно посессивов единицей. Ниже также приводится ряд семантических аргументов за различение проприального артикля и показателя топика.

Сперва рассмотрим, как проприальный артикль вписывается в профиль, описанный в [Muñoz 2019]. Во всех аргументных позициях имена людей обязательно маркируются проприальным артиклем (26), а в предикатных позициях наоборот не могут им маркироваться (27)²⁸. Это соответству-

²⁶ Другие типы имен собственных, например топонимы, не маркируются этим показателем. Я не включаю эти примеры здесь для экономии места.

²⁷ От йота-сдвига (см. обсуждение (3) и (4)) и каноничных определенных артиклей проприальный артикль отличается тем, что он сочетается только с именами собственными и производит интенционально жесткие ИГ, см. ниже.

²⁸ Некоторые из моих консультантов свободно допускают немаркированные имена собственные в аргументных позициях, что

ет анализу Муньюса, при котором артикль производит аргументные ИГ из предикатных имен собственных.

(26) [Контекст: *Вася и Катя ищут мячик. Воспитательница им говорит:*]

m'aʃok-ən pet'aj-*(en)-ən wɚ-s-i
 мячик-POSS.2NSG П.-POSS.2SG-LOC взять-PST-PASS[3SG]
 'Мячик [уже] забрал Петя'.

(27) ma ləxɜ-ɛm nɛm-əl ʃoʃa/*ʃoʃaj-en
 я друг-POSS.1SG имя-POSS.3SG Л. / Л.-POSS.2SG
 'Моего друга зовут Леша'.

Учитывая идентичный план выражения и схожую семантическую функцию проприального артикля и показателя топики — оба выполняют функцию определенного детерминатора, но для разных классов имен — можно предположить, что проприальный артикль на самом деле является лишь дополнительным употреблением показателя топики с именами собственными. Это придало бы нашему описанию некоторую желаемую минимальность. Проблема, однако, состоит в том, что проприальный артикль, во-первых, не подвержен ограничениям, которым подвержен показатель топики, а во-вторых, имеет собственное ограничение, которое отличает его от показателя топики. Обсудим эти различия по порядку.

В первую очередь отметим, что проприальный артикль не требует салиентности. В (26), например, Петя не упомянут в предшествующем контексте и не присутствует в речевой ситуации, иными словами, он вообще не находится в поле внимания участников разговора. Тем самым я утверждаю, что проприальный артикль не требует салиентности.

может свидетельствовать о недостаточной грамматикализации проприального артикля в их идиолектах. В этом разделе я рассматриваю только суждения носителей, которые не принимают немаркированные аргументные имена собственные.

Пример (28) показывает, что проприальный артикль не подвержен ограничению на единственность (ср. показатель топика (25)).

(28) **mašaj-en** **petr-en** šiwalə-s-λe
 М.-POSS.2SG П.-POSS.2SG увидеть-IPST-3SG>SG
 ‘Маша увидела Петю’.

Последнее различие между двумя показателями вытекает из обобщения Патрика Муньоса. Муньос показывает, что проприальный артикль отличается от определенного артикля тем, что проприальный артикль производит интенционально жесткие ИГ (rigid designators [Kripke 1980]), т. е. такие ИГ, которые не могут варьироваться в референции в сфере действия (модального или темпорального) квантора²⁹. Определенный артикль же производит интенционально нежесткие ИГ. В применении к севернохантыйским данным мы ожидаем, что ИГ с проприальным артиклем будут жесткими, а ИГ с показателем топика будут нежесткими.

Для начала рассмотрим пример с показателем топика. В (29) квантор *kašəŋ šos* [каждый час] задает варьирование по ситуациям, в которых говорящий встречает собаку. В таком высказывании повторное упоминание собаки в сфере действия этого квантора может варьироваться в референции вместе с ним, отсылая к разным собакам в разных ситуациях (что фиксируется правым контекстом, указанным в переводе).

(29) *kašəŋ* *šos* *amp* *šiwalə-t-əm-ən*
 каждый час собака увидеть-NFIN.NPST-1SG-LOC
amp-en *ma pɛλ-am-a* *χurət-λ*
 собака-POSS.2SG я на-POSS.1SG-DAT лаять-NPST[3SG]

²⁹ Иными словами, ИГ с проприальным артиклем не могут иметь дистрибутивную референцию, см. [Шмелев 2002: 98 и сл.; Падучева 2017].

‘Каждый раз, когда я встречаю собаку, собака на меня лает. {Иногда это большая собака, иногда собака поменьше.}’

Тем самым можно утверждать, что показатель топики действительно производит интенционально нежесткие именные группы.

В случае же с проприальным артиклем это не так. В примере (30) имя собственное *was'a* может варьироваться в референции вместе с квантором *kašəŋ ol* ‘каждый год’, только если оно не будет маркировано проприальным артиклем³⁰. Добавление же проприального артикля приводит к однозначно жесткой интерпретации имени собственного (подарок получает один и тот же Вася каждый год), что приводит к неприемлемости в этом контексте.

(30) [Контекст: «Каждый год лучшему ученику 4-го класса мы дарим подарок».]

kašəŋ ol mojləpsi wɕj-λ was'a / #was'aj-en
каждый год подарок взять[NPST.3SG] V. / V-POSS.2SG
‘Каждый год подарок получает [какой-нибудь] Вася. {В том году это был Вася Тасьманов, а в этом году это Вася Тарлин.}’

Итак, мы увидели, что проприальный артикль отличается в отношении детерминации от показателя топики, поскольку он не требует салиентности, не подвержен ограничению на единственность и производит интенционально жесткие ИГ. Эти наблюдения подтверждают анализ проприальных артиклей в [Muñoz 2019], как и, шире, релевантность интенциональной жесткости для типологии детерминации.

³⁰ В этом примере я также фиксирую варьирование в референции правым контекстом, см. перевод.

4. К системе детерминации севернохантыйского языка

В настоящей работе мы обсудили множество беспосессивных детерминаторов казымского диалекта севернохантыйского языка.

Было показано, что семантику этих беспосессивов можно достаточно точно определить, оперируя известными противопоставлениями из области детерминации, такими как: известность, уникальность, партитивная специфичность, салиентность и интенциональная жесткость. Это говорит в пользу того, что уральские беспосессивы функционируют как полноценные детерминаторы, и открывает пространство для семантических исследований, которые рассматривают беспосессивы на равных с детерминаторами других языковых семей и используют тесты из обширной литературы по детерминации, как настоящее исследование.

Благодаря этим тестам, в настоящей работе было показано, что собственно посессив казымского диалекта севернохантыйского языка не маркирован по определенности, а следовательно, является таким же посессивным модификатором, как саксонский генитив английского языка [Coppock, Beaver 2015], примененные посессивные конструкции в русском и прочие известные посессивные конструкции [Partee, Borschev 2003]. Это принципиально отличает собственно посессив от четырех других рассмотренных здесь показателей-беспосессивов.

Интересным представляется вопрос о взаимодействии казымских хантыйских беспосессивов друг с другом. Представленные в настоящей статье данные могут создать у читателя впечатление, что все они находятся в дополнительном распределении по контекстам, так что в каждом возможном контексте в зависимости от типа детерминации данной ИГ может употребляться один и только один из беспосессивов, либо же вообще никакой. Это предполагаемое распределение сформулировано в списке ниже, где

обобщаются основные выводы о семантике рассмотренных нами показателей³¹:

- показатель топика употребляется с максимально салиентными уникальными референтами;
- ассоциативный посессив употребляется с уникальными референтами, которые связаны контекстно-заданным отношением с другим референтом и не употребляется с максимально салиентными референтами;
- партитивный артикль употребляется с неуникальными партитивно-специфичными референтами;
- проприальный артикль употребляется с собственными именами людей, производя интенционально жесткие ИГ (в отличие от всех показателей выше);
- во всех остальных случаях употребляются немаркированные ИГ.

Руководствуясь логикой *Maximize Presupposition!* [Heim 1991] (см. §3.2) и прочих подобных принципов прагматической конкуренции, можно было бы попытаться упростить этот анализ. Например, можно предположить, что партитивный артикль на самом деле не требует строгой партитивной специфичности, но контексты полного совпадения референтов для него исключены в результате конкуренции с показателем топика и ассоциативным посессивом, за которыми эти контексты закреплены принципом *Maximize Presupposition!*

По предварительным данным, однако, по крайней мере некоторые пары беспосессивов не находятся в дополнительном распределении, что говорит против упрощения нашего описания через *Maximize Presupposition!* и против распределения, обозначенного выше. Пары беспосессивов, которые могут встречаться с одной и той же ИГ по моим

³¹ Подчеркнутые части эксплицитно задают предполагаемое дополнительное распределение, которое, однако, ниже оспаривается (вместе с ним соответственно оспариваются и подчеркнутые части этих обобщений).

предварительным данным, — это ассоциативный посессив и показатель топики, а также ассоциативный посессив и проприальный артикль. Например, в (28) из §3.5, повторенном ниже как (31), становятся доступны оба эти показателя, если контекст влечет наличие ассоциации между Петей и Машей. В таком случае говорящий может выбрать маркировать Петю ассоциативным посессивом вместо проприального артикля.

(31) [Контекст: *Петя — Машин муж.*]

maʃaj-en **petr-əl/-en** ʃiwaλə-s-λe
 M.-POSS.2SG П.-POSS.3SG/-POSS.2SG видеть-PT-3SG>SG
 ‘Маша увидела Петю’.

Тем не менее эти данные нуждаются в дальнейшей проверке, а вопрос взаимного распределения беспосессивов остается открытым, как для пар с партитивным артиклем, так и для остальных пар. Проблема взаимного распределения беспосессивов несомненно требует дальнейших исследований.

Относительно типологической перспективы можно сказать, что севернохантыйские беспосессивы реализуют как известные типы детерминаторов (партитивный и проприальный артикли), так и, по-видимому, ранее не фиксировавшиеся (ассоциативный посессив как определенный посессивный детерминатор и показатель топики как максимально салиентный детерминатор). Тем самым настоящая работа вносит вклад в полевую семантику языков России и в типологию детерминации, продолжая и развивая направление исследований, начатое в [Nikolaeva 2003; Fraurud 2001; Кузнецова 2003].

Условные сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; 3SG>SG — участник третьего лица единственного числа действует на участника единственного числа (аналогично для других сочетаний

лица-числа); DAT — датив; DEM — демонстратив; DIM — диминутив; DU — дуалис; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFIN — общая нефинитная форма; NPST — не прошедшее время; NSG — неединственное число; OPT — оптатив; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — показатель посессивного согласования; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Долгоруков и др. 2021 — Долгоруков В. В., Зевахина Н. А., Попова Д. П. *Введение в лингвистическую прагматику*. Москва, 2021.

Каксин 2010 — Каксин А. Д. *Казымский диалект хантыйского языка*. Ханты-Мансийск, 2010.

Кашкин 2010 — Кашкин Е. В. *Дискурсивные функции посессивных показателей в тегинском говоре хантыйского языка*. Неопубликованный экспедиционный отчет (с. Теги, ХМАО-Югра). 2010.

Кузнецова 2003 — Кузнецова А. И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник статей*. Суйхконен П., Комри Б. (ред.). Ижевск, Лейпциг, 2003, 249–259.

Логвинова 2019 — Логвинова Н. Н. Непосессивные функции показателя посессивности третьего лица в малокарачклинском говоре чувашского языка. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2019, XV: 86–129.

Михайлов 2021a — Михайлов С. К. Против моносемических подходов к севернохантыйской дискурсивной посессивности. *Типология морфосинтаксических параметров*, 2021, 4, 118-146.

Михайлов 2021b — Михайлов С. К. 2-в-1: Две посессивные конструкции в одной парадигме севернохантыйских

суффиксов. *Малые языки в большой лингвистике. Вып. 3.* Москва, 2021, 106–117.

Муравьев 2022 — Муравьев Н. А. *Обвиация в казымском хантыйском.* Неопубликованный экспедиционный отчет (с. Казым, ХМАО-Югра). 2022.

Муравьев и др. 2023 — Муравьев Н. А., Михайлов С. К., Маслюков В. Р. *Обвиация в Северной Евразии? Данные севернохантыйского языка.* Доклад, представленный на 13-ой конференции «Типология морфосинтаксических параметров» (ИЯз РАН, Москва). 2023.

Падучева 2016 — Падучева Е. В. *Местоимения неизвестности (серия на -то).* Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2016. URL: <http://rusgram.ru>

Падучева 2017 — Падучева Е. В. *Референциальный статус именной группы.* Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2017. URL: <http://rusgram.ru>

Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира.* Москва, 2011.

Сердобольская 2017 — Сердобольская Н. В. Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском. *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2017, XIII: 76–122.

Смирнова 2019 — Смирнова А. А. *Семантика посессивности в казымском хантыйском.* Неопубликованный экспедиционный отчет (с. Казым, ХМАО-Югра). 2019.

Хомченкова 2022 — Хомченкова И. А. Дискурсивные функции посессивного показателя третьего лица единственного числа в горномарийском языке. *Урало-алтайские исследования*, 2022, 45: 148–168.

Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. *Русский язык и внеязыковая действительность.* Москва, 2002.

Arkoh, Matthewson 2013 — Arkoh R., Matthewson L. A familiar definite article in Akan. *Lingua*, 2013, 123: 1–30.

Barker 2000 — Barker C. Definite possessives and discourse novelty. *Theoretical linguistics*, 2000, 26: 211–228.

Barker, Polinsky 1998 — Barker C., Polinsky M. Review of "Possessives in English" (1996) by John R. Taylor. *Language*, 1998, 74: 838–844.

Barlew 2014 — Barlew J. Saliency, uniqueness, and the definite determiner -te in Bulu. *Semantics and linguistic theory*, 2014, 24: 619–639.

Budzisch 2017 — Budzisch J. On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup. *Уралo-алтайские исследования*, 2017, 25: 58–66.

Coppock, Beaver 2015 — Coppock E., Beaver D. Definiteness and determinacy. *Linguistics and philosophy*, 2015, 38: 377–435.

Davis et al. 2014 — Davis H., Gillon C., Matthewson L. How to investigate linguistic diversity: Lessons from the Pacific Northwest. *Language*, 2014, 90: e180–e226.

Diessel 2006 — Diessel H. Demonstratives, joint attention, and the emergence of grammar. *Cognitive linguistics*, 2006, 17: 463–489.

É. Kiss 2018 — É. Kiss K. Possessive agreement turned into a derivational suffix. *Boundaries crossed, at the interfaces of morphosyntax, phonology, pragmatics and semantics*. Bartos H., den Dikken M., Bánréti Z., Váradi T. (eds.). Cham, 2018, 87–105.

É. Kiss, Tánczos 2018 — É. Kiss K., Tánczos O. From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt -jez suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism. *Language*, 2018, 94: 733–757.

Enç 1991 — Enç M. The semantics of specificity. *Linguistic inquiry*, 1991, 22: 1–25.

Farkas 2002 — Farkas D. F. Specificity distinctions. *Journal of semantics*, 2002, 19: 213–243.

Farkas, Brasoveanu 2019 — Farkas D. F., Brasoveanu A. Kinds of (non)specificity. *The Wiley Blackwell companion to semantics*. Gutzmann D., Matthewson L., Meier C., Rullmann H., Zimmermann T. (eds.). 2019, 1–26.

Fraurud 2001 — Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? *Dimensions of possession*. Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). Amsterdam, 2001, 243–267.

Gerland 2014 — Gerland D. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function. *Frames and concept types: applications in language and philosophy*. Gammerschlag T., Gerland D., Osswald R., Petersen W. (eds.). Dordrecht, 2014, 269–292.

Gillon 2009 — Gillon C. The semantic core of determiners: Evidence from Skwxwú7mesh. *Determiners: variation and universals*. Ghomeshi J., Paul I., Wiltschko M. (eds.). Amsterdam, 2009, 177–214.

Halm 2018 — Halm T. From possessive suffix to affective demonstrative suffix in Hungarian: A grammaticalization analysis. *Morphology*, 2018, 28: 359–396.

Hawkins 1978 — Hawkins J. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London, 1978.

Heim 1991 — Heim I. Artikel und definitheit. *Semantik*. Von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). New York, 1991, 487–535.

Heim 2019 — Heim I. Definiteness and indefiniteness. *Semantics — noun phrases and verb phrases*. Portner P., Heusinger K., Maienborn C. (eds.). Berlin, Boston, 2019, 33–69.

Janda 2015 — Janda G. E. Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric linguistics*, 2015, 6: 243–258.

Janda 2019 — Janda G. E. *Funktionen von Possessivsuffixen in den Ugrischen Sprachen* [Possessive suffixes and their functions in Ugric languages]. Cologne, 2019.

Körtvély 2010 — Körtvély E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession and semantic-pragmatic definiteness. *Finnisch-Ugrische mitteilungen*, 2010, 32/33: 321–343.

Kripke 1980 — Kripke S. A. *Naming and necessity*. Cambridge, 1980.

Lambrecht 1994 — Lambrecht K. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge, 1994.

Löbner 2011 — Löbner S. Concept types and determination. *Journal of semantics*, 2011, 28: 279–333.

Matthewson 2004 — Matthewson L. On the methodology of semantic fieldwork. *International journal of American linguistics*, 2004, 70: 369–415.

Mikhailov 2022 — Mikhailov S. *Diagnosing and distinguishing Northern Khanty POSS.2SG unpossessives*. Talk presented at the Talk series of the Uralic information centre, Hungarian Research Centre for Linguistics. 2022.

Muñoz 2019 — Muñoz P. The proprial article and the semantics of names. *Semantics and pragmatics*, 2019, 12: 1–36.

Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. *Ostyak*. München, 1999.

Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*, 2001, 39: 1–49.

Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: collection of papers*. Suihkonen P., Comrie B. (eds.). Izhevsk, Leipzig, 2003, 130–145.

Partee 1987 — Partee B. H. Noun phrase interpretation and type-shifting principles. *Studies in discourse representation theory and the theory of generalized quantifiers*. Groenendijk J., de Jongh D., Stokhof M. (eds.). Dordrecht, 1987, 115–143.

Partee, Borschev 2003 — Partee B. H., Borschev V. Genitives, relational nouns, and argument-modifier ambiguity. *Modifying adjuncts*. Lang E., Maienborn C., Fabricius-Hansen C. (eds.). Boston, 2003, 67–112.

Roberts 2003 — Roberts C. Uniqueness in definite noun phrases. *Linguistics and philosophy*, 2003, 26: 287–350.

Roberts 2011 — Roberts C. *Solving for interpretation*. Manuscript presented at the Workshop on Meaning and Understanding at the Centre for Advanced Study. Oslo, 2011.

Roberts 2012 — Roberts C. Information structure in discourse: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and pragmatics*, 2012, 5: 1–69.

Roberts 2019 — Roberts C. Topics. *Semantics — Sentence and information structure*. Portner P., Maienborn C., Heusinger K. V. (eds.). Berlin, Boston, 2019, 381–412.

Schwarz 2009 — Schwarz F. *Two types of definites in natural language*. Ph.D. thesis. University of Massachusetts. Amherst, 2009.

Schwarz 2019 — Schwarz F. Weak vs. strong definite articles: Meaning and form across languages. *Definiteness across languages*. Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). Berlin, 2019, 1-37.

Serdobolskaya et al. 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangel'skiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. Johanson L., Mazzitelli L. F., Nevskaya I. (eds.). Amsterdam, 2019, 291–311.

Siegl 2015 — Siegl F. The non-possessive use of px2p in Nganasan and Dolgan — a reappraisal. *Finnisch-Ugrische mitteilungen*, 2015, 39: 67–100.

Simonenko 2017 — Simonenko A. Towards a semantic typology of specific determiners. *Proceedings of the 21st Amsterdam colloquium*. Cremers A., van Gessel T., and Roelofsen F. (eds.). 2017, 425–434.

Sipos 2022 — Sipos M. North Khanty. *The Oxford guide to the Uralic languages*. Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). Oxford, 2022, 582–607.

Stalnaker 1974 — Stalnaker R. Pragmatic presuppositions. *Semantics and philosophy*. Munitz M. K., Unger P. K. (eds.). New York, 1974, 197–219.

Taylor 1996 — Taylor J. R. *Possessives in English: An exploration in cognitive grammar*. Oxford University Press, 1996.

Zayzon 2015 — Zayzon R. Observations on non-possessive usages of personal markers (possessive suffixes) in Nganasan. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric linguistics*, 2015, 6: 259–278.

References

Arkoh R., Matthewson L. A familiar definite article in Akan. *Lingua*, 2013, 123: 1–30.

Barker C. Definite possessives and discourse novelty. *Theoretical linguistics*, 2000, 26: 211–228.

Barker C., Polinsky M. Review of “Possessives in English” (1996) by John R. Taylor. *Language*, 1998, 74: 838–844.

Barlew J. Saliency, uniqueness, and the definite determiner -te in Bulu. *Semantics and linguistic theory*, 2014, 24: 619–639.

Budzisch J. On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup. *Урало-алтайские исследования*, 2017, 25: 58–66.

Coppock E., Beaver D. Definiteness and determinacy. *Linguistics and philosophy*, 2015, 38: 377–435.

Davis H., Gillon C., Matthewson L. How to investigate linguistic diversity: Lessons from the Pacific Northwest. *Language*, 2014, 90: e180–e226.

Diessel H. Demonstratives, joint attention, and the emergence of grammar. *Cognitive linguistics*, 2006, 17: 463–489.

Dolgorukov V. V., Zevakhina N. A., Popova D. P. *Vvedenie v lingvisticheskuyu pragmatiku* [Introduction to Linguistic Pragmatics]. Moskva, 2021. (In Russ.)

É. Kiss K. Possessive agreement turned into a derivational suffix. *Boundaries crossed, at the interfaces of morphosyntax, phonology, pragmatics and semantics*. Bartos H., den Dikken M., Bánréti Z., Váradi T. (eds.). Cham, 2018, 87–105.

É. Kiss K., Tánzos O. From possessor agreement to object marking in the evolution of the Udmurt -jez suffix: A grammaticalization approach to morpheme syncretism. *Language*, 2018, 94: 733–757.

Enç M. The semantics of specificity. *Linguistic inquiry*, 1991, 22: 1–25.

Farkas D. F. Specificity distinctions. *Journal of semantics*, 2002, 19: 213–243.

Farkas D. F., Brasoveanu A. Kinds of (non)specificity. *The Wiley Blackwell companion to semantics*. Gutzmann D., Mat-

thewson L., Meier C., Rullmann H., Zimmermann T. (eds.). 2019, 1–26.

Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? *Dimensions of possession*. Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). Amsterdam, 2001, 243–267.

Gerland D. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function. *Frames and concept types: applications in language and philosophy*. Gamerschlag T., Gerland D., Osswald R., Petersen W. (eds.). Dordrecht, 2014, 269–292.

Gillon C. The semantic core of determiners: Evidence from Skwxwú7mesh. *Determiners: variation and universals*. Ghomeshi J., Paul I., Wiltschko M. (eds.). Amsterdam, 2009, 177–214.

Halm T. From possessive suffix to affective demonstrative suffix in Hungarian: A grammaticalization analysis. *Morphology*, 2018, 28: 359–396.

Hawkins J. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London, 1978.

Heim I. Artikel und definitheit. *Semantik*. Von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). New York, 1991, 487–535.

Heim I. Definiteness and indefiniteness. *Semantics — noun phrases and verb phrases*. Portner P., Heusinger K., Maienborn C. (eds.). Berlin, Boston, 2019, 33–69.

Janda G. E. *Funktionen von Possessivsuffixen in den Ugrischen Sprachen* [Possessive suffixes and their functions in Ugric languages]. Cologne, 2019.

Janda G. E. Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric linguistics*, 2015, 6: 243–258.

Kaksin A. D. *Kazymskii dialekt khantyiskogo yazyka* [Kazym dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiisk, 2010. (In Russ.)

Kashkin E. V. *Diskursivnye funktsii posessivnykh pokazatelei v teginskom govore khantyiskogo yazyka* [Discourse functions of possessive indicators in the Tegin dialect of the Khanty language]. Neopublikovannyi ekspeditsionnyi otchet (s. Tegi, KhMAO-Yugra). 2010. (In Russ.)

Khomchenkova I. A. Diskursivnye funktsii posessivnogo pokazatelya tret'ego litsa edinstvennogo chisla v gornomariiskom yazyke [Discourse functions of the possessive indicator of the third person singular in the Mountain Mari language]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, 2022, 45: 148–168. (In Russ.)

Körtvély E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession and semantic-pragmatic definiteness. *Finisch-Ugrische mitteilungen*, 2010, 32/33: 321–343.

Kripke S. A. *Naming and necessity*. Cambridge, 1980.

Kuznetsova A. I. Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenii v agglyutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskie funktsii posessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative indicators: deictic functions of the possessive in the Uralic languages]. *Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoi i Tsentral'noi Azii: sbornik statei*. Suikhkonen P., Komri B. (red.). Izhevsk, Leiptsig, 2003, 249–259. (In Russ.)

Lambrecht K. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge, 1994.

Löbner S. Concept types and determination. *Journal of semantics*, 2011, 28: 279–333

Logvinova N. N. Neposessivnye funktsii pokazatelya posesivnosti tret'ego litsa v malokarachkinskome govore chuvashskogo yazyka [Non-possessive functions of the indicator of third-person possessivity in the Malokarachkinsky dialect of the Chuvash language]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 2019, XV: 86–129. (In Russ.)

Matthewson L. On the methodology of semantic fieldwork. *International journal of American linguistics*, 2004, 70: 369–415.

Mikhailov S. *Diagnosing and distinguishing Northern Khanty POSS.2SG unpossessives*. Talk presented at the Talk series of the Uralic information centre, Hungarian Research Centre for Linguistics. 2022.

Mikhailov S. K. 2-v-1: Dve posessivnye konstruksii v odnoi paradigme severnokhantyiskikh suffiksov. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. Vyp. 3. Moskva, 2021, 106–117. (In Russ.)

Mikhailov S. K. Protiv monosemicheskikh podkhodov k severnokhantyiskoi diskursivnoi posessivnosti [Against monosemic approaches to Northern Khanty discursive possessivity]. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*, 2021, 4, 118-146. (In Russ.)

Muñoz P. The proprial article and the semantics of names. *Semantics and pragmatics*, 2019, 12: 1–36.

Murav'ev N. A. *Obviatsiya v kazymskom khantyiskom* [Obviation in Kazym Khanty]. Neopublikovannyyi ekspeditsionnyi otchet (s. Kazym, KhMAO-Yugra). 2022. (In Russ.)

Murav'ev N. A., Mikhailov S. K., Maslyukov V. R. *Obviatsiya v Severnoi Evrazii? Dannye severnokhantyiskogo yazyka* [Obviation in Northern Eurasia? Data from the Northern Khanty language]. Doklad, predstavlennyi na 13-oi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov» (IYaz RAN, Moskva). 2023. (In Russ.)

Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. *International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia: collection of papers*. Suihkonen P., Comrie B. (eds.). Izhevsk, Leipzig, 2003, 130–145.

Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*, 2001, 39: 1–49.

Paducheva E. V. *Mestoimeniya neizvestnosti (seriya na -mo)* [Pronouns of obscurity (episode on -to)]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. 2016. URL: <http://rusgram.ru> (In Russ.)

Paducheva E. V. *Referentsial'nyi status imennoi gruppy* [Referential status of a noun phrase]. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. 2017. URL: <http://rusgram.ru> (In Russ.)

Partee B. H. Noun phrase interpretation and type-shifting principles. *Studies in discourse representation theory and the theory of generalized quantifiers*. Groenendijk J., de Jongh D., Stokhof M. (eds.). Dordrecht, 1987, 115–143.

Partee B. H., Borschev V. Genitives, relational nouns, and argument-modifier ambiguity. *Modifying adjuncts*. Lang E., Maienborn C., Fabricius-Hansen C. (eds.). Boston, 2003, 67–112.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Roberts C. Information structure in discourse: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and pragmatics*, 2012, 5: 1–69.

Roberts C. *Solving for interpretation*. Manuscript presented at the Workshop on Meaning and Understanding at the Centre for Advanced Study. Oslo, 2011.

Roberts C. Topics. *Semantics — Sentence and information structure*. Portner P., Maienborn C., Heusinger K. V. (eds.). Berlin, Boston, 2019, 381–412.

Roberts C. Uniqueness in definite noun phrases. *Linguistics and philosophy*, 2003, 26: 287–350.

Schwarz F. *Two types of definites in natural language*. Ph. D. thesis. University of Massachusetts. Amherst, 2009.

Schwarz F. Weak vs. strong definite articles: Meaning and form across languages. *Definiteness across languages*. Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). Berlin, 2019, 1-37.

Serdobol'skaya N. V. Invariant opredelennosti i differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v besermyanskom udmurtskom [Invariant of certainty and differentiated marking of the direct object in Besermyansk Udmurt]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2017, XIII: 76–122. (In Russ.)

Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. *Possession in languages of Europe and North and Central Asia*. Johanson L., Mazzitelli L. F., Nevskaya I. (eds.). Amsterdam, 2019, 291–311.

Shmelev A. D. *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [Russian language and extra-linguistic reality]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Siegl F. The non-possessive use of px2p in Nganasan and Dolgan — a reappraisal. *Finnisch-Ugrische mitteilungen*, 2015, 39: 67–100.

Simonenko A. Towards a semantic typology of specific determiners. *Proceedings of the 21st Amsterdam colloquium*. Cremers A., van Gessel T., and Roelofsen F. (eds.). 2017, 425–434.

Sipos M. North Khanty. *The Oxford guide to the Uralic languages*. Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (eds.). Oxford, 2022, 582–607.

Smirnova A. A. *Semantika posessivnosti v kazymskom khandyiskom* [Semantics of possessivity in Kazym Khanty]. Neopublikovannyi ekspeditsionnyi otchet (s. Kazym, KhMAO-Yugra). 2019. (In Russ.)

Stalnaker R. Pragmatic presuppositions. *Semantics and philosophy*. Munitz M. K., Unger P. K. (eds.). New York, 1974, 197–219.

Taylor J. R. *Possessives in English: An exploration in cognitive grammar*. Oxford University Press, 1996.

Zayzon R. Observations on non-possessive usages of personal markers (possessive suffixes) in Nganasan. *Eesti ja soomeugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric linguistics*, 2015, 6: 259–278.

Метафизические понятия Нового Завета на РЖЯ: роль пространственных отношений при переводе фраз, описывающих воздействие Бога на человека

Артем Владимирович Овчаренко

*Институт перевода Библии
Москва, Россия
ovchaart@gmail.com*

Со второй половины XX в. наблюдается повышение интереса к социокультурному своеобразию глухих и к жестовым языкам. Все шире список тех государств, где жестовые языки получают признание наряду с другими языками национальных меньшинств. На самих глухих во многих странах стало принято смотреть не как на нозологическую группу лиц с ограниченными возможностями, но как на социолингвистическое сообщество, выделяющееся множеством своеобразных черт. Многочисленные исследования по всему миру были посвящены жестовым языкам как лингвистическим системам. При этом меньше внимания было уделено литературно-выразительным возможностям жестовых языков. Если глухие — особое языковое сообщество со своеобразной культурой, то у него может и даже должна быть и своя литература. Интерес представляют те литературные средства жестовых языков, которые обусловлены их кинетической модальностью. Настоящая статья рассматривает пространство как литературное средство русского жестового языка. Материалом рассмотрения является перевод избранных книг Нового Завета на русский жестовый язык, осуществленный Институтом перевода Библии. Тезис статьи заключается в том, что русский жестовый язык способен более тонко и выразительно, чем звуковые языки, передавать идею воздействия Бога на человека. Это позволяет с оптимизмом смотреть на развитие в будущем художественной литературы на русском жестовом языке.

Ключевые слова: русский жестовый язык, перевод Библии, выразительные возможности русского жестового языка, пространство, локусы, топографическая функция пространства

Для цитирования: Овчаренко А. В. Метафизические понятия Нового Завета на РЖЯ: роль пространственных отношений при переводе фраз, описывающих воздействие Бога на человека. *Родной язык*, 2023, 2: 52–77.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-52-77

Translating New Testament metaphysical concepts into Russian Sign Language: The role of space in expressing God's influence on a person

Artem Vladimirovich Ovcharenko

Institute for Bible Translation

Moscow, Russia

ovchart@gmail.com

Since the second half of the 20th century, there has been an increasing interest in sign languages and the sociocultural identity of the deaf. In an ever increasing number of countries, sign languages have come to be officially recognized on par with other minority languages, with deaf people now considered a separate sociolinguistic community, not a group of disabled people. Sign languages as linguistic systems have already received much attention around the world. Nevertheless, less attention has been devoted to the capability of sign languages for literary expression. The present article investigates kinetic modality, specifically the use of space, in Russian Sign Language (RSL) as a means of expressiveness. The materials examined in this article are selected books of the New Testament that have been translated into RSL by the Institute for Bible Translation in Moscow. The article demonstrates that RSL is capable of conveying the notion of God's influence on a person more subtly than spoken languages. This leads us to see the future development of literature in RSL with a great deal of optimism.

Keywords: Russian Sign Language, Bible translation, expressivity, spatial loci, topographical function of space

For citation: Ovcharenko A. V. Translating New Testament metaphysical concepts into Russian Sign Language: The role of space in expressing God's influence on a person *Rodnoy yazyk*, 2023, 2: 52–77.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-52-77

Введение: перевод Нового Завета на РЖЯ как культурная задача

С 2017 г. Институтом перевода Библии совместно с «Центром по работе с глухими и слабослышащими Десница» ведется работа по переводу текстов Нового Завета на РЖЯ. К настоящему моменту переведены три книги — Евангелие от Марка (далее — Мк.), Первое послание апостола Иоанна Богослова (далее — 1 Ин.) и Послание апостола Иакова, ведется работа над четвертой книгой — Посланием апостола Павла к Филиппийцам. Работу выполняет мультидисциплинарная команда специалистов. В смысловой переводческой работе, начиная от первичного перевода и заканчивая утверждением итогового варианта, одну из ключевых ролей выполняют глухие носители РЖЯ.

Поскольку сообщество неслышащих Российской Федерации является отдельной социолингвистической группой, которая характеризуется рядом особенностей [Allen 2015], то РЖЯ можно рассматривать как язык национально-го меньшинства. Перевод библейских текстов на РЖЯ может обогатить язык глухих и поспособствовать его дальнейшему развитию [Алексеев 2010].

Сама по себе задача перевода на РЖЯ глубокого, мировоззренческого текста, написанного на древнегреческом языке, ставит перед рабочей группой множеством проблем. Среди них, разумеется, есть проблемы переводоведения и проблемы лингвистики РЖЯ. Однако в данном конкретном случае работа усложняется тем фактом, что тексты Нового Завета не являются просто древними памятниками, с которыми требуется познакомить современного носителя РЖЯ. Они сакральны для христианских сообществ, в частности для православного сообщества. С их содержанием знако-

мы многие представители русскоязычного большинства, которым окружены носители РЖЯ. Тексты Нового Завета знакомы большинству в переводе на русский, мало кто может прочесть их в греческом оригинале. Самым авторитетным русскоязычным переводом является Синодальный перевод. Некоторые носители РЖЯ, относящие себя к тому или иному христианскому сообществу, знакомятся с Новым Заветом по русскому переводу, как правило по Синодальному, и именно этот перевод считают «правильным». Вероятно, такое отношение к русскоязычному переводу Священного Писания усугубляется доминированием русскоязычной культуры в целом, так что при этом «все, что относится к ней, становится всеобщим, универсальным, не подлежащим сомнению или перекодированию, а только прямому заимствованию» [Десницкий 2015: 118].

Из этого вытекает, что наша переводческая деятельность, помимо лингвистических и переводоведческих задач, сталкивается с решением задач дипломатических. Нам приходится аргументировать, почему несоответствие нашего перевода русскому Синодальному переводу не является ошибкой или искажением. Поэтому иногда мы идем на компромисс, и первоначальный вариант перевода на РЖЯ, который казался нам оптимальным, сознательно корректируем, чтобы он был ближе к русскому Синодальному переводу. В этом следует видеть нашу уступку сообществу верующих глухих, которые из благих побуждений держатся за букву русскоязычного перевода.

Тем не менее, в целом ряде случаев мы сознательно игнорируем русский Синодальный перевод. Это не связано с недоверием ни к русскому языку, ни к качеству Синодального перевода. Русский язык является языком одной из богатейших мировых культур, на нем написаны высочайшие литературные шедевры. Так же и авторитет Синодального перевода, значимость его для традиции русского благочестия остаются вне сомнений. Однако наше игнорирование порой обусловлено исключительно лингвистическими фактами. А именно: РЖЯ как пространственно-кинетиче-

ский язык обладает арсеналом средств, которые в ряде случаев дают переводчику большую свободу для передачи тонких и порой имплицитно подразумеваемых смысловых нюансов.

Автор этого текста не имеет лингвистического образования. Знакомство с РЖЯ было получено в практическом преломлении в ходе церковного служения на благо глухих. По этой причине при обсуждении переводческой группой сложных мест оригинала носителям РЖЯ обычно предоставляется большая свобода в выборе языковых средств. Лишь впоследствии черновой жестовый текст дорабатывается с учетом требований богословской и культурно-исторической корректности. В своей же основе жестовый текст перевода является продуктом творчества носителей РЖЯ, которые, хотя и отталкиваясь от рекомендаций богословского редактора, всякий раз следуют за собственной языковой интуицией. Следовательно, перевод на РЖЯ, при том что является переводом художественным, интересен как лингвистический материал. Анализ переводческих решений позволяет сделать выводы относительно художественных возможностей РЖЯ в целом при переводе текстов, имеющих высокое культурное значение.

В этой статье хотелось бы обобщить те решения, которые были приняты при переводе конструкций Нового Завета, описывающих воздействие Бога на человека. Тезис статьи заключается в том, что РЖЯ обладает более богатым арсеналом выразительных средств для перевода подобных конструкций, чем звуковые языки, в частности русский язык.

Типология некоторых метафизических понятий Нового Завета

Тексты Нового Завета представляют собой уникальное явление с культурно-мировоззренческой точки зрения. С одной стороны, они содержат множество понятий ближневосточной культуры, которые не имеют аналога в совре-

менном обществе (к примеру, одноэтажные дома с плоской крышей, форма одежды, сельскохозяйственная практика и пр.). С другой стороны, в своей совокупности они образуют сложную и богатую картину мира. Реконструкция этой картины породила мощную традицию богословия на греческом Востоке и на латинском Западе [Реале, Антисери 1997: 8–24]. Многие метафизические понятия прочно вошли в лексиконы современных европейских языков. Некоторые из них описывают невидимые сущности, то есть те или иные «объекты», не воспринимаемые органами чувств (к примеру, «ангел», «бес», «Святой Дух» и пр.). Другие описывают невидимые состояния, в которых может пребывать человек (в частности, «грех», «вера», «покаяние» и пр.) [Green et al. 2013].

В любом языке имеются лексические средства для наименования внешних по отношению к человеку объектов. Так же как мы называем видимые для нас объекты, такие как «дерево», «дом» или «стена», мы можем использовать тот или иной термин для наименования невидимых объектов. Неудивительно поэтому, что во многих языках имеются отдельные слова для понятий «Ангел» или «бес». Подобная лексика есть и в РЖЯ [Сысоева 2017].

Также в любом языке имеются средства для передачи внутренних состояний человеческой души, в частности эмоций. Это объясняет относительную легкость перевода метафизических понятий Нового Завета, обозначающих состояния человека. Для их перевода мы, как правило, подбираем тот или иной эквивалент из ядерной лексики РЖЯ [Буркова, Киммельман 2019: 218].

Особую группу, однако, составляют выражения, которые подразумевают воздействие Бога на человека. Подобные выражения сложны тем, что они описывают не сущность («Бог») и не состояние человека («радость»), но целую ситуацию или сцену. А именно: невидимая сущность («Бог») воздействует на человека, и тот нечто испытывает.

Пространство как выразительное средство РЖЯ: анализ конкретных переводческих решений

Широко известно, что РЖЯ, как и другие жестовые языки, задействует локусы пространства для референции [Прозорова, Кибрик 2006]. Иными словами, человек, говорящий на РЖЯ, использует точку в пространстве как эквивалент личного местоимения 3-го лица. Если в рассказе, передаваемом на РЖЯ, фигурирует несколько участников, то за каждым из них может быть закреплен определенный локус. Это, конечно, может быть сделано и произвольно: так, чтобы локусы только отсылали к фигурантам рассказа, но сами друг с другом не взаимодействовали. Но если локусы, отсылая к фигурантам рассказа, выполняют также топографическую функцию, то есть иконически передают пространственные отношения между фигурантами рассказа, то при этом информация в памяти реципиента «сохраняется более точно и менее подвержена искажению из-за промежуточных деталей» [Emmorey et al. 1995: 60]. С этим тезисом сложно не согласиться. В случае художественного перевода евангельских сцен с несколькими участниками топографическая функция локусов становится не рекомендацией, но необходимостью.

Показательным примером может служить сцена из Евангелия от Марка, где к Иисусу Христу в толпе приближается женщина, страдающая кровотечением. Она прикасается к Его одежде и исцеляется. В греческом тексте говорится, что из Него вышла сила (табл. 1).

Таблица 1

Адрес	Греческий термин / выражение	Русский Синодальный перевод	Перевод РЖЯ
Мк. 5:30	Τὴν δύναμιν ἐξ αὐτοῦ ἐξεληθοῦσαν	вышла из Него сила	СИЛА, ВЫСОСАЛАСЬ (ВЫШЛА), ЛЕЧИТЬ

Греческий текст не уточняет, ни что это была за сила, ни из какой части тела Иисуса Христа она вышла, ни на кого была направлена, ни, наконец, какой эффект произвела. Из контекста, конечно, очевидно, что это была какая-то чудодейственная сила, воздействие которой на женщину имело благотворный эффект. Однако этот имплицитный смысл не выражается с привлечением специальных лексических средств, а лишь подразумевается. Переводы на звуковые языки также этот смысл не делают явным. Поэтому читатель, не очень глубоко знакомый с богословием Нового Завета, при прочтении стиха в переводе на русский может остаться в недоумении. Прояснение всех этих нюансов остается на совести проповедников или толкователей Нового Завета. Они должны объяснить, что речь идет о том, что Иисус Христос есть Бог и что Его невидимая сила подействовала на нездоровую женщину и исцелила ее.

В РЖЯ имеются средства, которые являются более удобными для пояснения этого богословского смысла. За счет своей пространственно-кинетической природы РЖЯ не позволяет перевести «силу» без уточнения, кому она принадлежит и на кого направлена. Иначе зрителю будет ничего не понять. По этой причине при переводе данной конструкции переводчики вынуждены пояснить пространственные отношения участников сцены, сформировав ее топографию. Для этого лексема «ἐξέλθοῦσαν» (причастие от глагола ἐξέρχομαι — «выходить») переводится двумя согласующимися глаголами ВЫСАСЫВАТЬСЯ и ЛЕЧИТЬ (рис. 1). Особенность последних заключается в том, что их семантика зависит от оформления в пространстве [Буркова, Кимельман 2019: 204, 229–230]. Так, в пространстве они могут быть согласованы с локусами, один из которых связан с субъектом, а другой — с объектом действия. Направленное движение от одного локуса к другому в контексте позволяет передать информацию о том взаимодействии, в какое вступают участники сцены. В момент перевода корпус переводчика отождествляется с Иисусом Христом. Локус, обозначающий кровоточивую женщину, расположен слева

от переводчика (справа от зрителя). Поэтому согласующийся глагол ВИСАСЫВАТЬСЯ показывает, что сила вышла как бы из туловища Иисуса Христа в направлении женщины. Согласующийся глагол ЛЕЧИТЬ также направлен от корпуса переводчика в сторону женщины. Из этого зрителю понятно, что из Иисуса Христа вышла не какая-то абстрактная сила неясной природы, но эта сила была направлена на больную женщину и имела благотворное воздействие.

Рисунок 1. Исполнение согласующихся глаголов ВИСАСЫВАТЬСЯ и ЛЕЧИТЬ при переводе фразы «τὴν δύναμιν ἐξ αὐτοῦ ἐξέλεθοῦσα» (Мк. 5:30)

Жест ВИСАСЫВАТЬСЯ		Жест ЛЕЧИТЬ
Начало движения	Конец движения	
		

Другой пример представлен в табл. 2. Здесь передаются слова пророка Иоанна Крестителя об Иисусе Христе. В греческом тексте здесь метафора. Глагол βαπτίζω, который традиционно переводят на русский язык «крестить», имеет своим первоначальным смыслом «погружать». Это глагол физического действия, который описывает ситуацию, когда кто-либо погружает какой-то предмет в жидкость. Буквально греческая фраза звучит так: «будет погружать вас в Святом Духе». Русский перевод «будет крестить вас Духом Святым» дает понимание, что Иисус Христос будет иметь какое-то воздействие, однако, в целом, суть этого действия остается затуманенной. Русскоязычному читателю без об-

ращения за помощью к специальным толкованиям достаточно сложно разобраться, о чем идет речь.

Таблица 2

Адрес	Греческий термин / выражение	Русский Синодальный перевод	Перевод РЖЯ
Мк. 1:8	βαπτίσει ὑμᾶς ἐν πνεύματι ἁγίῳ	Он будет крестить вас Духом Святым	КРЕСТИТЬ (П+П), ВАС, ДУХ^СВЯТОЙ, СХОДИТЬ

С одной стороны, переводческая группа была вынуждена при переводе использовать профессиональный диалектизм КРЕСТИТЬ [Сысоева 2017: см. «Крещение. Вариант 1»], чтобы наш жестовый текст не слишком отличался от русского Синодального перевода. Вместе с тем, за счет наличия в РЖЯ большого набора периферийных жестов переводчики нашли легкий способ прояснить суть этого выражения. Они добавили жест, который можно отнести к числу семантических классификаторов [Буркова, Киммельман 2019: 225]. Шевелящиеся пальцы этого жеста иконически обозначают что-то негустое, разреженное, наподобие облаков или сияния (см. рис. 2). Движение сверху вниз означает, что эта разреженная сущность опускается сверху вниз. Верхний локус заранее зарезервирован в качестве указания на Бога. В итоге глухому зрителю понятно из контекста следующее: если Иоанн Креститель крестил (жест КРЕСТИТЬ) путем погружения человека в воду, то Иисус Христос будет крестить таким образом, что на человека будет от Бога сходить Святой Дух в качестве чего-то разреженного, негустого.

РЖЯ как пространственно-кинетический язык имеет широкий арсенал средств для передачи физических действий. Прежде всего, следует упомянуть периферийную лексику, которая формируется по иконическому принципу в самый момент речевого акта и не сохраняется в памяти но-

Рисунок 2. Исполнение жеста СХОДИТЬ при переводе фразы «βαπτίσει ὑμᾶς ἐν πνεύματι ἁγίῳ» (Мк. 1:8)

Жест СХОДИТЬ		
Начало движения	Середина движения	Конец движения
		

сителя [Буркова, Киммельман 2019: 223–229]. Среди жестов, вошедших в группу ядерной лексики, также немало глаголов физического действия, таких как ВЕСТИ или НЕСТИ и многие другие. Вероятно, многие из этих жестов первоначально возникли стихийно как периферийные и лишь впоследствии приобрели статус ядерных, сохраняющихся в языковой памяти носителей. Как бы то ни было, можно утверждать, что РЖЯ обладает богатым арсеналом для выражения семантики физических действий. Если в других семантических областях можно наблюдать существенную зависимость РЖЯ от русского языка, то в области глаголов физического действия язык глухих демонстрирует гибкость и автономность от русского языка. Это проявляется, в частности, в том, что в РЖЯ иначе, чем в русском языке, строятся синонимические отношения. Если в русском языке глагол «носить» может быть использован для различных ситуаций, когда в качестве объекта, к которому прилагается соответствующее действие, может выступать «костюм», «сумка», «девушка», «прическа» и многое другое, то в РЖЯ во всех этих случаях будет использован отдельный жест. Это обусловлено тем, что в каждом случае физическое дей-

стве будет внешне существенно отличаться. Известна курьезная ошибка начинающих переводчиков, которые при переводе фразы «носитель языка» первое слово передают жестом, обозначающим «нести сумку». Глухие воспринимают подобные курьезы как грубейшую ошибку.

Таблица 3

Адрес	Греческий термин / выражение	Русский Синодальный перевод	Перевод РЖЯ
Мк. 1:12	τὸ πνεῦμα αὐτὸν ἐκβάλλει εἰς τὴν ἔρημον	Дух ведет Его в пустыню	ДУХ, СВЯТОЙ, ВСЕЛИЛСЯ, жест ИИСУС ХРИСТОС, ПОБУЖДАЕТ, ТЯНЕТ, ПОВЕЛОВАЕТ, КУДА?, ИДТИ, ПУСТЫНЯ

Эта особенность РЖЯ ставит переводчика в трудное положение всякий раз, когда в евангельском повествовании используется глагол физического действия. Примером может служить стих Мк. 1:12 (табл. 3). Не только Синодальный перевод, но и многие другие переводы трактуют глагол *ἐκβάλλω* как «вести». Но к этому стандартному и, казалось бы, единственному возможному решению не может прибегнуть переводчик РЖЯ, который вынужден подобрать такой глагол физического действия, который иконически не противоречил бы описываемой сцене. Глагол ВЕСТИ, применяемый к вождению автомобиля и иконически имитирующий руль, являлся бы анахронизмом. Но и другие глаголы физического действия, если оставаться в рамках синонимов русского «вести», вероятно, также сформировали бы искаженную картину. Так, сцена была бы передана неверно, если бы у зрителя сформировалось представление, что Святой Дух «ведет» Иисуса как пастух — вьючное животное, кавалер — даму или учитель — школьника. Поэтому

переводчики, оставив бесперспективные в данном случае попытки сохранить близость к Синодальному переводу, задалась целью воспроизвести сцену иконически: как это могло *выглядеть* в действительности.

Когда задача была сформулирована таким образом, всем стало очевидно, что воздействие Святого Духа на Иисуса Христа в описываемой сцене не сопровождалось физическим действием. Святой Дух действовал на внутреннее состояние Богочеловека Иисуса Христа. По этой причине перевод передает этот глагол сразу тремя жестами, которые в своей совокупности формируют достаточно внятную для глухого зрителя картину. А именно: Святой Дух как бы входит внутрь Иисуса Христа и оказывает на Него изнутри воздействие, суть которого выражается тремя глаголами: ПОБУЖДАЕТ, ТЯНЕТ, ПОВЕЛЕВАЕТ. И только после указания направления — жест ПУСТЫНЯ — переводчик использует глагол ИДТИ, который в данном случае уже выступает глаголом физического действия. Иными словами, после того как описана суть внутреннего, невидимого воздействия Святого Духа на Иисуса, переводчик, отождествляя себя с Иисусом, показывает, как Он идет по направлению к пустыне. Фактически выходит, что один греческий глагол (*ἐκβάλλω*) передается с привлечением четырех жестовых лексем: Святой Дух ВСЕЛИЛСЯ, ПОБУЖДАЕТ, ТЯНЕТ, ПОВЕЛЕВАЕТ, в результате чего Иисус Христос ИДЕТ. Однако последующая апробация среди носителей РЖЯ подтвердила правильность принятого решения, поскольку перевод не оставил у зрителя неясностей и, несмотря на кажущуюся избыточность привлеченных лексем, сформировал в их сознании сцену, наиболее соответствующую евангельскому стиху.

Несколько интересных примеров можно привести из Первого послания апостола Иоанна Богослова (далее — 1 Ин.). В своем тексте автор в разных местах использует понятия, которые можно вполне осмыслить только в контексте всего произведения. Перевод их с помощью конкретных жестовых лексем становится совершенно непонятным в

отрыве от контекста. Речь идет об отвлеченных существительных «жизнь», «истина», «свет» и «слово». Для всех четырех понятий можно отыскать эквиваленты, вероятно, в большинстве языков. Тем не менее, переводчики на звуковые языки заинтересованы точно передать соответствующие понятия, однако их мало заботит место локализации соответственно «жизни», «истины» и «света». В итоге прочтение перевода данного текста, в частности русского Синодального перевода, оставляет впечатление неконкретности, отвлеченности. Читатель вынужден обращаться к специальной литературе, чтобы разобраться.

Пространственно-кинетическая природа РЖЯ существенно облегчает для глухого зрителя прочтение этих мест. С одной стороны, в лексике РЖЯ имеются жесты ЖИЗНЬ, ИСТИНА (см. НАСТОЯЩИЙ), СВЕТ и СЛОВО [Базоев и др. 2019], относящиеся к числу ядерной лексики. Однако, с другой стороны, переводчики не могут сосредоточиться только на переводе лексем, они вынуждены учитывать и пространственные отношения. Так, если жесты ЖИЗНЬ, ИСТИНА и СЛОВО являются полностью оформленными, то есть воспроизводятся одинаково вне зависимости от контекста, то жест СВЕТ имеет направленность.

Когда встала задача, как прояснить пространственные отношения, то переводческая группа остановилась на комбинированном решении, а именно: в одних случаях указанные понятия переводятся как описывающие Бога в Самом Себе, тогда как в других они описывают опыт человека, на которого воздействует Бог (см. табл. 4). Такое переводческое решение было основано на концептуальной схеме, широко применяемой в догматическом богословии, согласно которой учение о Боге разделяется на два раздела: с одной стороны, учение о Боге в Самом Себе (*Deus ad intra*), а с другой стороны, учение о Боге по отношению к творению (*Deus ad extra*) [Давыденков 2017: 35].

Таблица 4. Перевод отвлеченных существительных «свет», «слово жизни», «жизнь» и «истина» из 1 Ин.

Адрес	Греческий термин / выражение	Русский Синодальный перевод	Перевод РЖЯ
<i>Перевод понятий как описывающих Бога в Самом Себе (Deus ad intra)</i>			
1Ин. 1:5	ὁ θεὸς φῶς ἐστίν	Бог есть свет	БОГ, ЕСТЬ, СВЕТЛЫЙ <НАВЕРХУ>
1Ин. 1:1	περὶ τοῦ λόγου τῆς ζωῆς	Слово жизни	СЛОВО, ЖИЗНИ, ДВУМЯ ЛАДОНЯМИ НАВЕРХ
<i>Перевод понятий как описывающих опыт человека, на которого Бог воздействует (Deus ad extra)</i>			
1Ин. 1:2	ἡ ζωὴ ἐφανερώθη	Жизнь явилась	ЖИЗНЬ, УКЗ ДВУМЯ ЛАДОНЯМИ НАВЕРХ, СПУСТИЛАСЬ, ЯРКО
1Ин. 2:4	ἐν τούτῳ ἡ ἀλήθεια οὐκ ἔστιν	нет в нем истины	У НЕГО, ВНУТРИ, НЕТ, ИСТИНЫ, УКЗ НАВЕРХ

Пространственная система координат требует от переводчика РЖЯ согласовывать в пространстве участников переводимой сцены. Поэтому свои локусы резервируются, с одной стороны, для «Бога», «божественного» и, с другой стороны, для «человека», «земного». Так, локус «Бог» оказывается сверху над переводчиком, а локусом «человеческого», «земного» является либо нейтральная зона перед переводчиком, либо сам он. Это соотношение переводчик сохраняет на протяжении всего текста. При переводе фразы «Бог есть свет» в начальных стихах 1 Ин. переводчик исполняет всю фразу на более высоком локусе, давая понять, что жест СВЕТ отождествляется с Самим Богом и описывает, таким образом, Бога в Самом Себе (рис. 3). Тот же самый прием использован при переводе фразы «Слово жизни» (1 Ин. 1:1). Эта

фраза обозначает Иисуса Христа [Naas et al. 1972: 12–13]. Он называется «Словом», а при переводе ЖИЗНЬ переводчик дополнительно указывает наверх, давая понять зрителю, что ЖИЗНЬ связана с «божественной» областью (рис. 4). Таким образом, в обоих случаях жесты СВЕТ и ЖИЗНЬ обозначают Бога как невидимую сущность, внешнюю по отношению к человеку, пребывающую в трансцендентной области «божественного», в восприятии зрителя — где-то наверху.

Рисунок 3. Исполнение жеста СВЕТ в фразе «ὁ θεὸς φῶς ἐστίν» (1 Ин. 1:5)

Рисунок 4. Исполнение жеста ЖИЗНЬ при переводе фразы «περὶ τοῦ λόγου τῆς ζωῆς» (1 Ин. 1:1)

Однако в других контекстах, когда апостол Иоанн пишет о воздействии Бога на мир людей, переводчик совмещает оба локуса.

Так, фраза «жизнь явилась» (1 Ин. 1:2) передается динамически как движение сверху вниз (жест СПУСКАТЬСЯ), которое сопровождается актом оптического восприятия (жест ЯРКО) (рис. 5). Жест ЯРКО, являющийся одной из модификаций жеста СВЕТ, выбран в качестве перевода греческого глагола в пассивном залоге ἐφανερώθη ‘была явлена’. Жест иконически воспроизводит опыт субъекта, которому в глаза бьет яркий свет. В данную секунду переводчик отождествляет себя с областью «человеческого». Из исполнения жеста ЯРКО зрителю ясно, что источник света, бьющего в глаза, также находится в области «человеческого». С учетом предыдущего жеста СПУСКАТЬСЯ вся фраза недвусмысленно указывает на Иисуса Христа, Который, таким образом, «спустился» из «божественной» области и здесь, в области «человеческого», является источником света для людей. Таким образом, достаточно отвлеченная, абстрактная конструкция, как она представлена в переводах на звуковые языки, на РЖЯ становится более привязанной к человеческому опыту. В целом такой перевод согласуется с метафорами, применяемыми автором 1 Ин. Кроме того, он согласуется с метафорами оптического восприятия, которые патристика заимствует из античного платонизма для описания опыта Бога [Фестюжьер 2009: 5]. Наконец, передача опыта Бога с помощью метафоры оптического восприятия света является понятной для глухого зрителя, у которого оптическая перцепция является основным каналом передачи информации [Богданова 2002: 33].

Схожая стратегия была задействована для перевода фразы «нет в нем истины» (1 Ин. 2:4), относящейся к «лжецу» (см. табл. 4).

Рисунок 5. Исполнение комбинации жестов СПУСТИТЬСЯ, ЯРКО при переводе фразы «ἡ ζωὴ ἐφανέρωθη» (1 Ин. 1:2)

СПУСТИТЬСЯ		ЯРКО	
Начало движения	Конец движения	Начало движения	Конец движения
			

Рисунок 6. Различное исполнение жеста ВНУТРИ
(а) На корпусе переводчика (как в 1 Ин. 2:4); (б) В нейтральной зоне (как в 1 Ин. 2:27)

а	б	
	Начало движения	Конец движения
		

Фраза о гипотетическом грешнике «нет в нем истины» переводится У НЕГО, ВНУТРИ, НЕТ, ИСТИНЫ, УКЗ НАВЕРХ. Здесь помимо наложения двух локусов переводчик использует дополнительный жест ВНУТРИ, направленный на его туловище (рис. 6а). Поскольку в данную секунду перевод-

чик отождествляет себя с «лжецом», то жест ВНУТРИ дает понимание, что речь ведется о внутреннем опыте «лжеца». В его душе отсутствует невидимая связь с «истиной». При переводе последнего слова переводчик использует дополнительный указательный жест, направленный вверх, то есть в область «божественного» (рис. 7). Глухому зрителю из этого перевода ясно, что слово «истина» ассоциируется с Богом и что у гипотетического «лжеца» отсутствует с ней внутренняя связь.

Рисунок 7. Исполнение жеста ИСТИНА при переводе фразы «ἐν τοῦτω ἡ ἀλήθεια οὐκ ἔστιν» (1 Ин. 2:4)

Жест ВНУТРИ в приведенном примере переводчик исполняет на самом себе. Однако в некоторых случаях переводчик не может воспользоваться тем же самым решением для передачи мысли о внутренней связи человека с Богом. 1 Ин. — не отвлеченный богословский текст, а письмо, написанное к конкретной аудитории. По этой причине его автор в одних местах говорит отвлеченно о некотором гипотетическом человеке в 3-м лице, но порой обращается к своей аудитории, используя формы 2-го лица, либо же говорит о себе, используя формы 1-го лица. В тех случаях, когда автор обращается к своей аудитории, исполнять жест ВНУТРИ на

собственном туловище нежелательно во избежание возможной путаницы между «вы» и «мы».

Таблица 5

Адрес	Греческий термин / выражение	Русский Синодальный перевод	Перевод РЖЯ
1 Ин. 2:27	τὸ χρίσμα ὃ ἐλάβετε ἀπ' αὐτοῦ ἐν ὑμῖν μένει	помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает	БОГ, ВАС, ВСЕХ, УЖЕ, ПОМАЗАЛ, И, ЭТО, ЖИВЕТ, ДЕЙСТВУЕТ, В ВАС (внутри)

Любопытным примером является стих 1 Ин. 2:27. Решение, принятое переводческой группой, отражено в табл. 5. Переводчик при передаче этой фразы обращается фактически к зрителю, который выступает в качестве адресата 1 Ин. Соотнося «помазание» со зрителем, он обязан уточнить, каким именно образом оно упорядочено в пространстве. Но буквальное прочтение стиха 1 Ин. 2:27 выглядит несуразно. Ведь *χρίσμα* 'помазание' как результат физического действия «помазывать», по идее, должно находиться снаружи человеческого тела, тогда как автор, напротив, заявляет, что оно пребывает *ἐν ὑμῖν* 'в вас'. Буквальный перевод мог бы повлечь нежелательные ассоциации, будто помазание в виде мази каким-то образом оказалось внутри зрителя.

Переводческая группа передает это непростое место следующим образом. Для передачи *ἐν ὑμῖν* используется жест ВНУТРИ, но исполняемый не на корпусе переводчика, а в нейтральной позиции, направленный от корпуса (рис. 6b). Он относится к числу периферийной лексики и иконически изображает движение кисти, которая входит в небольшой резервуар и там что-то схватывает. Семантически этот жест можно трактовать как «внутри некоторого объема». Переводчик исполняет жест с редупликацией,

то есть повторяет его дважды, формируя тем самым маркер множественности. Таким образом получается «внутри вас» (а не «внутри тебя»). Исходя из общего контекста получается, что жест ВНУТРИ с редупликацией означает «внутри ваших тел». Таким образом, жест ВНУТРИ локализует «помазание» внутри корпуса зрителя. Но возникает вопрос, что именно оно там делает. Если перевести просто «находится», — решение, которое, казалось бы, напрашивается, — то у зрителя возникнет путаница в силу той несурзаицы при буквальном переводе, о которой говорилось выше. Поэтому жестовые глаголы были подобраны таким образом, чтобы зрителю было ясно, что речь идет не о физическом пребывании «помазания» внутри, но о чем-то другом. Фактический перевод указывает на то, что «помазание» является чем-то живым и активным (табл. 5). С учетом общего контекста зрителю понятно, что под этим понимается действие Бога внутри человека. В целом такой перевод согласуется с сакраментологией Восточной Церкви, в частности с учением о Таинстве Миропомазания [Малков 2019: 101–108; Леонов 2013: 384–385].

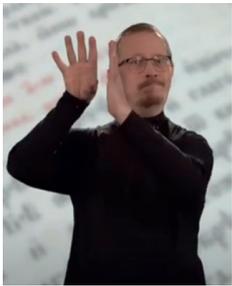
В качестве последнего примера того, как пространственно-кинетическая природа РЖЯ заставляет переводчика прояснять богословские нюансы, можно привести стих 1 Ин. 3:24 (табл. 6). Его сложность состоит в том, что здесь речь ведется одновременно о двух процессах: с одной стороны, человек пребывает в Боге, с другой стороны, Бог пребывает в человеке. Для точной передачи смысла переводчик вынужден сформировать топографию сцены, то есть зарезервировать за каждым участником конкретный локус и выстроить между ними пространственную связь. Локус Бога остается неизменным на протяжении всей книги («наверху»). Для локуса «человека» избирается нейтральная зона перед переводчиком.

Таблица 6

Адрес	Греческий термин / выражение	Русский Синодальный перевод	Перевод РЖЯ
1 Ин. 3:24	ἐν αὐτῷ μένει, καὶ αὐτὸς ἐν αὐτῷ	тот пребывает в Нем, и Он в том	укз, ТОТ, ПРЕБЫВАЕТ, ВНУТРИ, БОГА, И, БОГ, ПРЕБЫВАЕТ, В НЕМ

Для передачи мысли, что «человек» пребывает в Боге, переводчик использует тот же самый периферийный жест ВНУТРИ, направленный от корпуса переводчика и означающий «внутри некоторого резервуара» (рис. 8). Учитывая сравнительно более высокое исполнение жеста переводчиком, а также благодаря следующему за ним жесту БОГ зритель понимает, что «человек» находится внутри Бога наподобие вещи, помещаемой в больший по размеру резервуар.

Рисунок 8. Исполнение конструкции ВНУТРИ, БОГА (1 Ин. 3:24)

Жест ВНУТРИ		Жест БОГ
Начало движения	Конец движения	
		

Для передачи второй мысли («Бог пребывает в человеке») используются те же самые жесты. Отличие заключается лишь в том, что они иначе оформляются в пространстве.

В начале стиха переводчик резервирует локус в нейтральной зоне перед собой с использованием указательного жеста (рис. 9). После этого он использует жест ВНУТРИ, но оформленный в пространстве иначе, чем описывалось ранее. Жест направлен не от корпуса переводчика, но, напротив, к корпусу. После этого переводчик дополнительно использует указательный жест, чтобы избежать двусмысленности и подтвердить зрителю, что в данную секунду речь идет о «человеке». В результате у зрителя формируется объемная картина, исключая неверное понимание: с одной стороны, «человек» находится в Боге подобно тому, как какая-то вещь находится внутри резервуара большего объема, с другой стороны, и Бог находится внутри «человека» как в некоем резервуаре (рис. 9). Из общего контекста зрителю понятно, что речь идет о взаимодействии человека и Бога.

Рисунок 9. Исполнение жеста ВНУТРИ для передачи мысли «Бог пребывает в человеке»

Заключение

Подводя итог, хотелось бы сделать следующий вывод. Возможность использования пространства в РЖЯ, а также иконичность, положенная в основу многих его лексических форм, создают уникальные возможности для перевода некоторых смысловых нюансов, в выражении которых

звуковые языки испытывают существенные затруднения. Одним из примеров, когда РЖЯ как пространственно-кинетический язык оказывается в преимуществе над языками звуковыми, является передача сцен и концептов, связанных с воздействием Бога на человека.

Данный конкретный пример позволяет смотреть с оптимизмом на задачу художественного перевода на РЖЯ не только текстов Священного Писания, но и других крупных памятников культуры, например, произведений выдающихся писателей и поэтов.

Список сокращений

РЖЯ — русский жестовый язык

Литература

Алексеев 2010 — Алексеев М. Е. Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов России. *Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения*. Москва, 2010, 56–66.

Базоев 2019 — Базоев В. З. и др. *Словарь русского жестового языка*. Москва, 2019.

Богданова 2002 — Богданова Т. Г. *Сурдопсихология*. Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Москва, 2002.

Буркова, Киммельман 2019 — Буркова С. И., Киммельман В. И. *Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык*. Учебник. Новосибирск, 2019.

Давыденков 2017 — Давыденков О. *Догматическое богословие*. Учебное пособие. Москва, 2017.

Десницкий 2015 — Десницкий А. *Современный библейский перевод. Теория и методология*. Москва, 2015.

Леонов 2013 — Леонов В. *Основы православной антропологии*. Учебное пособие. Москва, 2013.

Малков 2019 — Малков П. Ю. *Введение в Литургическое Предание: Таинства Православной Церкви*. Курс лекций Москва, 2019.

Прозорова, Кибрик 2006 — Прозорова Е., Кибрик А. Референция в звучащих и жестовых языках. *Современные аспекты жестового языка*. Сборник статей. Москва, 2006, 162–179.

Реале, Антисери 1997 — Реале Дж., Антисери Д. *Западная философия от истоков до наших дней*. Том 2. Средневековье. Санкт-Петербург, 1997.

Сысоева 2017 — Сысоева А. *Словарь православной лексики русского жестового языка*. URL: <https://www.voginfo.ru/lexicon/index.html>.

Фестюжьер 2009 — Фестюжьер А.-Ж. *Созерцание и созерцательная жизнь по Платону*. Санкт-Петербург, 2009.

Allen 2015 — Allen T. E. The Deaf Community as a “Special Linguistic Demographic”: Diversity Rather Than Disability as a Framework for Conducting Research with Individuals Who Are Deaf. *Research Methods in Sign Language Studies. A Practical Guide*. West Sussex, 2015, 21–40.

Green et al. 2013 — Green J. B. et al. (eds.). *Dictionary of Jesus and the Gospels*. Downers Grove, 2013.

Emmorey et al. 1995 — Emmorey K., Corina D., Bellugi U. Differential Processing of Topographic and Referential Functions of Space. *Language, gesture, and space*. Hillsdale N.J., 1995, 43–62.

Haas et al. 1972 — Haas C., de Jonge M., Swellengrebel J. L. *A Handbook on The Letters of John*. New York, 1972.

References

Alexeev M. E. Perevod Biblii kak faktor sohraneniya i razvitiya yazykov narodov Rossii [Bible translation as a factor in preserving and developing the languages of Russia]. *Perevod Biblii kak faktor sohraneniya i razvitiya yazykov narodov Rossii i stran SNG: problemy i resheniya*. Moskva, 2010, 56–66. (In Russ.)

Allen T. E. The Deaf Community as a “Special Linguistic Demographic”: Diversity Rather Than Disability as a Framework for Conducting Research with Individuals Who Are Deaf. *Research Methods in Sign Language Studies. A Practical Guide*. West Sussex, 2015, 21–40.

Bazoev et al. (eds.). *Slovar russkogo zhestovogo yazyka* [The Russian Sign Language Dictionary]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Bogdanova T. G. *Surdopsichologia*. [Psychology of the deaf] Moskva, 2002. (In Russ.)

Burkova S. I., Kimmelman V. I. *Vvedeniye v lingvistiku zhestovykh yazykov. Russkiy zhestovyy yazyk* [Introduction to Sign Language Linguistics: Russian Sign Language]. Novosibirsk, 2019. (In Russ.)

Davydenkov O. *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic Theology]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Desnitskiy A. *Sovremennyy bibleyskiy perevod. Teoriya i metodologiya* [The Contemporary Bible Translation. Theory and Methodology]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Emmorey K., Corina D., Bellugi U. Differential processing of topographic and referential functions of space. *Language, gesture, and space*. New Jersey, 1995, 43–62.

Festugière A.-J. *Contemplation et vie contemplative selon Platon*. Sankt-Petersburg, 2009. (Russian translation)

Green J. B. et al. *Dictionary of Jesus and the Gospels*. Downers Grove, 2013.

Haas C., de Jonge M., Swellengrebel J. L. *A Handbook on The Letters of John*. New York, 1972.

Leonov V. *Osnovy pravoslavnoy antropologii* [Fundamentals of Orthodox Anthropology]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Malkov P. Y. *Vvedeniye v Liturgicheskoye Predaniye: Tayinstva Pravoskavnoy Tserkvi* [Introduction to Liturgical Tradition: Sacraments of the Orthodox Church]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Prozorova E., Kibrik A. Referentsiya v zvuchatschich i zhestovykh yazykakh [A Reference in Spoken and Sign Languages]. *Sovremennye aspekty zhestovogo yazyka*. Moskva, 2006, 162–179. (In Russ.)

Reale G., Antiseri D. *Storia della filosofia*. Volume 3: *Patristica e scolastica*. Sankt-Petersburg. (Russian Translation).

Sysoeva A. *Slovar pravoslavnoy lexiki russkogo zhestovogo yazyka* [Dictionary of Russian Sign Language Orthodox Vocabulary]. URL: <https://www.voginfo.ru/lexicon/index.html>.

**Стихотворения Расула Гамзатова «Журавли»
и «Белые журавли»: глоссированный
текст с подстрочным переводом**

Тимур Анатольевич Майсак

*Институт языкознания РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
timur.maisak@gmail.com*

В работе представлен лингвистический разбор текстов двух стихотворений аварского поэта Расула Гамзатова — «Журавли» («Къункъраби», ок. 1965) и «Белые журавли» («ХъахIал къункъраби», 1971), первое из которых широко известно в русском переводе Наума Гребнева 1968 года. Дополнительно рассмотрен текст стихотворения Гамзатова о птицах, имеющий одну совпадающую с «Журавлями» строфу и близкое содержание. Все три стихотворения представлены в виде глоссированных текстов с тремя строками (международная транскрипция аварского текста, поморфемный разбор, буквальный перевод); приводятся и кириллические оригиналы. На основе сопоставления оригиналов произведений сделан вывод о том, что «Журавли» и «Белые журавли» являются разновидностями одного и того же стихотворения — более ранним и более поздним вариантом, причем более поздний вариант («Белые журавли») ближе к русскому переводу Н. Гребнева. Оба стихотворения по структуре и содержанию соответствуют «песенной» версии «Журавлей», появившейся в 1969 году и представляющей собой сокращенный вариант перевода Н. Гребнева. Полный вариант стихотворения «Журавли» (с двумя строками, опущенными в песне) в аварском оригинале, по-видимому, неизвестен.

Ключевые слова: поэзия, Расул Гамзатов, аварский язык, проблемы перевода, глоссированный текст

Для цитирования: Майсак Т. А. Стихотворения Расула Гамзатова «Журавли» и «Белые журавли»: глоссированный текст с подстрочным переводом. *Родной язык*, 2023, 2: 78–101.

Благодарности:

Мы выражаем искреннюю признательность двум анонимным рецензентам, М. А. Магомедову и Я. Г. Тестельцу за высказанные замечания и консультации по вопросам аварской поэзии.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-78-101

A linguistic analysis of several Avar poems by Rasul Gamzatov

Timur Anatolievich Maisak

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Higher School of Economics University
Moscow, Russia
timur.maisak@gmail.com*

The article presents a linguistic analysis of two poems written by well-known Avar poet Rasul Gamzatov, namely “The Cranes” (/q’unq’rabi/, ca. 1965) and “The White Cranes” (/qahal q’unq’rabi/, 1971). Both were originally written in Avar, but the earlier poem also became widely known in the Russian translation by Naum Grebnev (1968). Additionally, a third poem by Gamzatov, written on a similar topic and with one stanza fully identical to the corresponding stanza of “The Cranes”, is also taken into consideration. All three poems are presented in a unified format, as glossed texts comprising three lines: the linguistic transcription of the Avar text, interlinear morpheme-by-morpheme glossing, and a close-to-literal Russian translation. The Avar texts are also given in the original Cyrillic orthography. As the comparison of these poems shows, “The Cranes” and “The White Cranes” are in fact two versions, one earlier, one later, of the same poem. The later version is also closer to the Russian translation by Grebnev. From the standpoint of structure and content, both poems resemble the song version of “The Cranes”, which appeared in 1969 as a shortened and slightly edited version of Grebnev’s translation. Interestingly, the full original version of “The Cranes” in Avar (including the two stanzas which were left out of the song version) appears to have never been published.

Keywords: poetry, Rasul Gamzatov, Avar language, translation, glos-
sed text

For citation: Maisak T. A. A linguistic analysis of several Avar poems
by Rasul Gamzatov. *Rodnoy yazyk*, 2023, 2: 78–101.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-78-101

К 100-летию Расула Гамзатова (1923–2003)

1. Введение

1.1. «Журавли» Расула Гамзатова: из истории создания

Стихотворение выдающегося аварского поэта Расула Гамзатова «Журавли» («Къункъраби») является, вероятно, самым известным его произведением, в особенности в русском переводе Наума Гребнева. История написания этого стихотворения хорошо известна и отражена в том числе в статье самого Гамзатова «Зов белых журавлей» [Гамзатов 1991; см. также Казиев 2018: 250–257]. Замысел стихотворения возник у поэта в 1965 году после посещения Хиросимы и осмотра памятника японской девочке Садако Сасаки, которая держит в руках бумажного журавлика. В те же дни Гамзатов получил телеграмму о смерти матери и вынужден был вернуться в Дагестан. По его словам, «на всей воздушной трассе я думал о журавлях, о женщинах в белом одеянии, о маме, о моих погибших двух братьях, о девяноста тысячах погибших дагестанцев, о двадцати миллионах (а теперь выяснилось, что их было двадцать семь миллионов) не вернувшихся с войны, о маленькой кукле погибшей девочки Освенцима... О многом думал, но мысли всегда возвращались к белым журавлям» [Гамзатов 1991].

По всей видимости, в том же году был написан и первый вариант стихотворения на аварском языке. В переводе Наума Гребнева «Журавли» были опубликованы в журнале «Новый мир» в 1968 году, в подборке из пяти стихотворений Гамзатова [Гамзатов 1968]. В этом переводе шесть неповторяющихся строф, первая строчка звучит как «Мне ка-

жется порою, что джигиты...» На стихотворение обратил внимание певец Марк Бернес, который решил создать на его основе песню. Музыка написал композитор Ян Френкель, текст Гребнева был частично изменен и сокращен (так, слово «джигиты» было заменено на «солдаты», третья и четвертая строфы были опущены, а первая строфа повторена в конце). Песня, записанная в июле 1969 года, приобрела всесоюзную, а затем и международную популярность. Стихотворение «Журавли» переводилось на иностранные языки, по мотивам стихотворения было создано несколько памятников, центральным образом которых стали летящие журавли.

Существует несколько работ, в которых анализируется русский перевод стихотворения в сопоставлении с аварским оригиналом [Кассиев 1986; Магомедов 2013; Лифшиц 2017]. В указанных работах, однако, не производится лингвистический анализ собственно аварского текста (хотя он и может частично цитироваться), дается лишь буквальный перевод на русский язык. В настоящей статье мы бы хотели восполнить этот пробел и привести аварский текст «Журавлей» с лингвистическим разбором, следующим Лейпцигским правилам глоссирования (см. подробнее 1.2 ниже).

Ситуация осложняется тем, что у Расула Гамзатова имеется более одного стихотворения о журавлях, которых лирический герой принимает за души погибших на войне мужчин. Собственно стихотворение «Къункъраби» (далее при ссылках на текст «К»), которое можно считать оригиналом по отношению к переводу Гребнева, публикуется в виде четырех или пяти строф (в последнем случае пятая строфа повторяет первую); этот текст максимально близок к «песенному» варианту стихотворения в русском переводе. Вопрос о том, был ли опубликован полный аварский вариант стихотворения из шести неповторяющихся строф (источник для перевода Гребнева 1968 года), остается открытым.

Далее, хотя то же самое стихотворение «Журавли» иногда упоминается под альтернативным названием «Белые

журавли» (в том числе в статье [Гамзатов 1991]), у поэта есть отдельное стихотворение «Белые журавли» («ХъахIал къункъраби», далее при ссылках на текст «ХК»), датированное 1971 годом. Как и песенный вариант «Журавлей», «Белые журавли» содержат пять строф, последняя из которых почти полностью повторяет первую¹. Первые две строки «Белых журавлей» совпадают с первыми двумя строками собственно «Журавлей», в остальном текст отличается, хотя его содержание идентично «Журавлям». Таким образом, «Белые журавли», вероятно, являются более поздним и переработанным вариантом «Журавлей», написанным уже после публикации русского перевода и успеха одноименной песни.

Третьим из этого ряда является стихотворение без названия 1967 года. В нем шесть неповторяющихся строф, хотя первые две строки первой строфы совпадают с соответствующими строками «Журавлей» и «Белых журавлей». Дальнейшее содержание стихотворения отличается от указанных двух стихотворений: в частности, в нем упоминаются и другие птицы, а также говорится о том, что именно кричат птицы с вышины. Тем не менее, сходство этого третьего стихотворения с двумя «Журавлями» нам представляется достаточно большим для того, чтобы рассмотреть его вместе с ними². Таким образом, ниже в разделе 2 будут приведены в глоссированном виде все три стихотворения.

¹ Различие состоит в использовании в конце второй строки выражения *къанабакъ лъечIин* либо *къаникъ лъун гъечIин* (оба означают 'не положены в могилы', но в первом случае использована синтетическая форма аориста, а во втором — аналитическая форма перфекта; различаются также единственное и множественное число существительного 'плита, могильный камень').

² Заметим, что перечисленные три стихотворения далеко не исчерпывают состав «стихотворений о журавлях» у Расула Гамзатова (ср. также «Журавли в Гунибе», «Перелетный косяк журавлей», «Когда летят журавли» и др.), однако прочие произведения и по тексту, и по содержанию отстоят гораздо дальше.

Отметим, что аварское стихосложение — силлабическое, с равным числом слогов в каждой строке и, как правило, без рифм. Все три рассматриваемых ниже стихотворения используют одиннадцатисложный размер с цезурой, делящей стих на отрезки 6 + 5 слогов. За исключением последнего, все три стихотворения состоят из четверостиший; в третьем стихотворении четные строфы содержат дополнительную пятую строку (причем одну и ту же).

1.2. Принципы представления текста

Согласно общепринятым на сегодня конвенциям лингвистического представления текстов, глоссированный текст приводится в международной транскрипции, с поморфемным разбором (в котором каждое слово сопровождается морфемным членением и буквальным переводом лексических и грамматических компонентов), а также переводом.

В первой строке мы используем латинскую транскрипцию, принятую в отечественной (а во многом и в зарубежной) дагестановедческой традиции. Как известно, в аварском языке не все фонологические контрасты находят отражение в графике (это касается «сильных», или интенсивных, согласных /s:/, /c:/, /χ:/, /ʈ:/ и пр., а также неабруптивной латеральной аффрикаты /ʎ/, см. [Алексеев и др. 2012: 68–71]), однако в настоящей публикации сделана попытка представить текст именно в фонологической транскрипции, а не в транслитерации. Текст разбит на морфемы, для отделения клитик используется знак «=».

Во второй строке приводится поморфемный разбор, следующий Лейпцигским правилам глоссирования [Comrie et al. 2008]. Для перевода лексических значений мы пользовались словарем [Гимбатов 2006] (в его неофициальной электронной версии, представленной на сайте <http://avar.me/>), наиболее полным и современным, хотя, к сожалению, пока

Стихотворения поэта о журавлях собраны, в частности, в издании [Гамзатов 2003].

еще официально не изданным. Сокращения для грамматических ярлыков раскрываются в конце работы.

В третьей строке приводится буквальный перевод, раскрывающий содержание аварского оригинала наиболее близко к тексту. Литературный перевод стихотворения «Журавли», выполненный Н. Гребневым, хорошо известен; в качестве альтернативного перевода этого текста см. вариант Ю. Лившица [Лифшиц 2017], которому принадлежит также и единственный известный нам перевод третьего стихотворения («Птицы»).

Тексты стихотворений ниже предваряются оригиналом в кириллице.

3. Тексты стихотворений с разбором

3.1. Журавли / Къункъраби (~ 1965)

Текст стихотворения приводится в том виде, как он опубликован в юбилейных изданиях «Журавли Расула Гамзатова» [Гамзатов 2003: 8] и «Многоголосая песня “Журавлей”» [Гамзатов 2008: 8], а также в Аварской Википедии³. В некоторых из указанных изданий первая строфа в конце повторяется; ниже при разборе текста мы не приводим этот повтор. Незначительные различия также могут наблюдаться в пунктуации: например, слово «рагъда» в первой строке в части изданий выделено запятыми с обеих сторон, в части изданий запяты отсутствуют.

Подстрочный перевод стихотворения в сопоставлении с переводом Н. Гребнева рассмотрен в статье [Лифшиц 2017]; автором подстрочного перевода указана Патимат Гамзатова.

Къункъраби

(0.1) *q'unq'ra-bi*
журавль-PL
'журавли'

³ https://av.wikipedia.org/wiki/ХъахIал_къункъраби

*Дида ккола, рагъда, камурал васал
Курго рукъун гъечIин, къанабакъ лъечIин.
Доба борхалъуда хъахIил зобазда
ХъахIал къункърабазде сверун ратилин.*

(1.1) *di-da k:-ola, rav-da,*
я-SUP.ESS оказываться-PRS война-SUP.ESS
katu-ra-l was-al
не_хватать-PFV.PTCP-PL парень-PL
'Мне кажется, (что) на войне пропавшие парни (или:
сыновья)'

(1.2) *ki-r=go r-uq'-un heč'=in,*
где-PL=INT PL-хоронить-PFV.CVB COP.NEG=PTCL
q'an-ab-ał' ĩe-č'=in.
плита-OBL.PL-SUB.ESS класть-AOR.NEG=PTCL
'нигде не похоронены, не положены в могилы (букв.
под плиты)'.
(1.3) *do-b-a b-orxał-u-da qañil zob-az-da*
ТОТ-N-ESS N-высота-OBL-SUP.ESS⁴ синий небо-OBL.PL-SUP.ESS
'(Что) там в вышине, в синих небесах'

(1.4) *qaña-l q'unq'ra-b-az-de*
белый-PL журавль-PL-OBL.PL-SUP.LAT
s:wer-un r-ati-l=in.
поворачиваться-PFV.CVB PL-найти-FUT=PTCL
'в белых журавлей, наверное, превратились'.

*Гъел иххаз хаселаз халатал саназ
Нилъее салам къун роржунел руго.
Гъелъин нилъ пашманго, бутIрулги рорхун,
Ралагъулел зодихъ цибаб нухалда.*

(2.1) *he-l iħ:a-z ħasel-az*
ЭТОТ-PL весна-OBL.PL(ERG) зима-OBL.PL(ERG)
ħ:alata-l san-az
длинный-PL ГОД.PL-OBL.PL(ERG)

⁴ Исходно существительное 'высота' — это масдар (отглагольное имя) глагола *борхалъизе* 'становиться высоким'.

‘Они по весне⁵ и осени⁶ (букв. веснами, осенями),
долгие годы’

- (2.2) *niʎe-je* *salam* *ʎ'-un*
 МЫ.INCL-DAT приветствие ДЛИННОЕ
r-orž-un-e-l *r-ugo.*
 PL-лететь-PRS-PTCP-PL PL-COP
 ‘нас приветствуя, летят’.

- (2.3) *he-ʎ:=in* *niʎ* *pašman-go,*
 ЭТОТ-ERG=PTCL МЫ.INCL печальный-ADVZ
but'r-ul=gi *r-orχ-un,*
 ГОЛОВА.PL-PL=ADD PL-поднимать-PFV.CVB
 ‘Поэтому мы, печалюсь, подняв головы,’

- (2.4) *r-alah-ul-e-l* *zodi-q*
 PL-смотреть-PRS-PTCP-PL небо.OBL-APUD.ESS
š:iʎ-a-b *nuχ-al-da.*
 каждый<N>-N раз-OBL-SUP.ESS
 ‘смотрим в небо каждый раз’.

*Боржун унеб буго кзункзрабазул тЈел,
 Кзукџа буго чЈварал гЈудулзабазул.
 ГЈезул тЈелалда гЈоркџ цо бакІ бихЈула —
 Дун вачЈине гЈаниб кџачЈараб гуриц?*

- (3.1) *b-orž-un* *un-e-b* *b-ugo*
 N-лететь-PFV.CVB идти.PRS-PTCP-N N-COP
q'unq'ra-b-az-ul *t'el,*
 журавль-PL-OBL.PL-GEN стая
 ‘Летит (букв. летя идет) журавлиная стая’,

⁵ Слово *ихх* ‘весна; поток’, как правило, пишется с одним согласным (*их*), однако в данном случае написано автором с удвоенным согласным.

⁶ Слово *хасел* в литературном языке значит ‘зима’ (при производном от него *хасалихџлџи* ‘осень’), однако для слова ‘зима’ имеется также синоним *кџин*; кроме того, в ряде диалектов *хасел* означает ‘осень’ [Маллаева 1991], так что наиболее вероятно, что в данном фрагменте оно также использовано в этом значении.

(3.2) *q'uq'a⁷* *b-ugo* *č^wa-ra-l* *hudul-zab-az-ul.*
 группа N-COP убивать-PFV.PTCP-PL друг-PL-OBL.PL-GEN
 'это отряд убитых товарищей'.

(3.3) *he-z-ul* *t'el-al-da* *vorλ'*
 этот-OBL.PL-GEN стая-OBL-SUP.ESS внизу
co *bak'* *b-ix-ula* –
 один место N-видеть-PRS
 'Под их стаей⁸ одно место видно –'

(3.4) *dun* *w-ač'i-ne* *hani-b*
 я M-приходить-INF здесь-IN.ESS(N)
q'ač'a-ra-b *gur=iš:?*
 готовить-PFV.PTCP-N COP.NEG=Q
 'не приготовлено ли оно, чтобы мне прийти сюда?'

*Кзо щвела борхатаб хъахИлаб зодихъ,
 ХъахIаб кзункъра лзугъун дунги паркбела.
 Гъелзул гъаркъидалъун ракъалда тарал
 Киналго нуж, вацал, дица ахИла.*

(4.1) *q'o* *š^we-la* *b-orχata-b*
 день достигать-FUT N-высокий-N
qañila-b *zodi-q,*
 синий-N небо.OBL-APUD.ESS'
 День придет, в высоком синем небе'

(4.2) *qañ-a-b* *q'unq'ra* *λuh-un* *dun=gi parq'e-la.*
 белый-N журавль входит-PFV.CVB я=ADD ~~свръх~~НУТ
 'став белым журавлем, мелькну и я'.

⁷ В литературном языке *кзокъа* /q'oq'a/.

⁸ По мнению рецензента настоящей статьи, в строке К 3.3 вместо послелога *гворкъ* /vorλ'/ 'внизу, под' (содержащего показатель -λ' субэссива, падежа со значением 'под') должен быть использован послелог *гворлъ* /vorλ/, содержащий показатель -λ интерэссива, падежа со значением 'среди, между'. В этом случае послеложная группа имела бы значение 'в стае', а не 'под стаей'. Тем не менее, во всех указанных выше изданиях соответствующее слово приведено именно как *гворкъ*.

- (4.3) *he-t-ul* *harλ'i-da=tun*
 ЭТОТ-OBL.NM-GEN ЗВУК-SUP.ESS=FUNC
raλ'al-da *ta-ra-l*
 ЗЕМЛЯ-OBL-SUP.ESS ОСТАВЛЯТЬ-PFV.PTCP-PL
 'Его криком оставленных на земле'
- (4.4) *kina-l=go nuž, was:-al, di-c:a aħi-la.*
 ВСЬ-PL=INT ВЫ БРАТ-PL Я-ERG ЗВАТЬ-FUT
 'всех вас, братья, я позову'.

3.2. Белые журавли / ХъахІал къункъраби (1971)

Текст стихотворения приводится в том виде, как он опубликован в 9-томном собрании стихотворений Расула Гамзатова на аварском языке, размещенном на сайте Фонда Расула Гамзатова⁹. Интересно, что в собрания сочинений поэта на аварском языке включено именно это стихотворение, а не собственно «Къункъраби», ср. [ХІамзатов 1983: 236–237, ХІамзатов 1991: 276]. В свою очередь, в хрестоматии по аварской литературе [Испагиева, Хайбуллаев 1993: 142] стихотворение «ХъахІал къункъраби» напечатано под названием «Къункъраби».

В публикации [Кассиев 1986], рассматривающей русский перевод «Журавлей» Н. Гребнева, приведены подстрочные переводы 1, 2 и 4 строф «Белых журавлей» (автор русского подстрочного перевода — С. М. Хайбуллаев). В публикации [Магомедов 2013] рассмотрены подстрочные переводы всех четырех строф «Белых журавлей» в сопоставлении с переводом Н. Гребнева.

ХъахІал къункъраби

- (0) *qaħa-l* *q'unq'ra-bi*
 белый-PL журавль-PL
 'белые журавли'

Дида ккола рагъда камурал васал
Кирго рукъун гъечІин, къанабакъ лъечІин

⁹ <https://fondgamzatova.ru/tvorchestvo> (том 2, с. 138–139; выходные данные в издании не указаны).

*МугІрул тун рикІада хъахІул зобазда
ХъахІал къункърабазде руссун ратилин.*

(1.1) *di-da k:-ola rav-da*
я-SUP.ESS оказываться-PRS война-SUP.ESS
kam-ru-l was-al
не_хватать-PFV.PTCP-PL парень-PL
'Мне кажется, (что) на войне пропавшие парни
(или: сыновья)'

(1.2) *ki-r=go r-uq'-un heč'=in,*
где-PL=INT PL-хоронить-PFV.CVB COP.NEG=PTCL
q'an-aba-λ' ɬe-č'=in
плита-OBL.PL-SUB.ESS класть-AOR.NEG=PTCL
'нигде не похоронены, не положены в могилы (букв.
под плиты)'.
PL-поворачиваться-PFV.CVBPL-найти-FUT=PTCL

(1.3) *muɬr-ul t-un rik':ad-a*
гора.PL-PL оставлять-PFV.CVB далеко-ESS
qañil zob-az-da
синий небо-OBL.PL-SUP.ESS
'(Что) оставив горы, далеко в синих небесах'

(1.4) *qaña-l q'unq'ra-b-az-de*
белый-PL журавль-PL-OBL.PL-SUP.LAT
r-us:-un r-ati-l=in.
PL-поворачиваться-PFV.CVBPL-найти-FUT=PTCL
'в белых журавлей, наверное, превратились'.

*Гъел гъанжелъизегІан гъаркъагъинаго
Гъава къотІун руго тІавап гъабулел.
Гъелъ гуриц къункъраби роржунел мехалъ
Къваридго зобазухъ балагъулел нилъ?*

(2.1) *he-l hanže-ɬizefan harλ'avi-na=go*
этот-PL сейчас-TERM кричать.ITER-FUT=INT
'Они до сих пор, крича',

(2.2) *hawa q'ot'-un r-ugo t'awap ha'b)-ul-e-l.*
воздух резать-PFV.CVB PL-COP обход делать<N>-PRS-PTCP-PL
'рассекают воздух, летая кругами'.

(2.3) *he-t: gur=iš: q'unq'ra-bi*
 ЭТОТ-OBL.NM(ERG) СОП.NEG=Q журавль-PL
r-orž-un-e-b meχ:-a-t:
 PL-лететь-PRS-PTCP-PL время-OBL-ERG
 'Не из-за этого ли, когда летят журавли',

(2.4) *q'warid-go zob-az-uq*
 печальный-ADVZ небо-OBL.PL-APUD.ESS
b-alah-ul-e-l nił?
 N-смотреть-PRS-PTCP-PL МЫ.INCL
 'печалюсь, в небеса мы смотрим?'

*Унеб буго боржун свакараб кбукъа, —
 Дир къайицадахъал, вацал, гIагарлъи.
 Гъезул читIуралъуль буго цо манзил,
 Гъеб батизе буго дие тараб бакI.*

(3.1) *un-e-b b-ugo b-orž-un*
 идти.PRS-PTCP-N N-СОП N-лететь-PFV.CVB
s:waka-ra-b q'uq'a, —
 уставать-PFV.PTCP-N группа
 'Летит (букв. идет летя) уставший отряд'

(3.2) *di-r q'ajicadaq-al, was:-al, řagarŋi.*
 я-GEN однокашник-PL брат-PL родные
 'мои ровесники (или: однокашники), братья, родные'.

(3.3) *he-z-ul čit'ir-ał:-uł b-ugo co manzil,*
 ЭТОТ-OBL.PL-GEN очередь-OBL-INTER N-СОП один промежуток
 'В их ряду есть один промежуток,'

(3.4) *he-b b-ati-ze b-ugo di-je ta-ra-b bak'.*
 ЭТОТ-N N-найти-INF N-СОП я-DAT оставлять-PFV.PTCP
 'Наверное, это место (букв. найдется место),
 оставленное для меня'.

*Дунги воржун ина кво бачIарабго,
 Къункърабазул тIелгун дове рикIаде.
 Гъезул мацIаль дица ракъалда тарал
 Рокъулел чагIазул ахIила цIарал.*

- (4.1) *dun=gi* *w-orž-un* *i-na*
 я=ADD М-лететь-PFV.CVB идти-FUT
q'o *b-ač'a-ra-b=go*,
 день Н-приходить-PFV.PTCP-N=INT
 'И я полечу (букв. полетев пойду), когда придет день',
- (4.2) *q'unq'ra-b-az-ul* *t'el=gun* *do-w-e* *rik':ad-e*.
 журавль-PL-OBL.PL-GEN стая=COM тот-М-LAT далеко-LAT
 'с журавлиной стаей туда, вдаль'.
- (4.3) *he-z-ul* *mac':-a-t:* *di-c:a*
 этот-OBL.PL-GEN язык-OBL-ERG я-ERG
raλ'-al-da *ta-ra-l*
 земля-OBL-SUP.ESS оставлять-PFV.PTCP-PL
 'На их языке я оставленных на земле'
- (4.4) *r-oλ'-ule-l* *čaŋ-az-ul* *añi-la* *c':ar-al*.
 PL-любить-PRS.PTCP-PL человек.PL-OBL.PL-GEN звать-FUT ИМЯ-PL
 'любимых людей буду звать по имени'.
Дида ккола рагзда камурал васал
Кирго рукзун гьечИин, кзаникь лзун гьечИин.
МугИрул тун рикИкИада хзахИил зобазда
ХзахИал кзункэрабазде руссун ратилин.
- (5.1) *di-da* *k:-ola* *raŋ-da*
 я-SUP.ESS оказываться-PRS война-SUP.ESS
katu-ra-l *was-al*
 не_хватать-PFV.PTCP-PL парень-PL
 'Мне кажется, (что) на войне пропавшие парни'
- (5.2) *ki-r=go* *r-uq'-un* *heč'=in*,
 где-PL=INT PL-хоронить-PFV.CVB COP.NEG=PTCL
q'ani-λ' *ɬ-un* *heč'=in*
 плита-SUB.ESS класть-PFV.CVB COP.NEG=PTCL
 'нигде не похоронены, не положены в могилы (букв. под плиты)'.
 под плиты)'.
 'нигде не похоронены, не положены в могилы (букв.
- (5.3) *tuŋr-ul* *t-un* *rik':ad-a*
 гора.PL-PL оставлять-PFV.CVB далеко-ESS

- (1.3) *he-l rik':ad raλ'-az-ul qañil zob-az-da*
 этот-PL далеко земля-OBL.PL-GEN синий небо-OBL.PL-SUP.ESS
 '(Что) они в синих небесах далеких земель'
- (1.4) *wat'an=an aħd-ol-e-l*
 родина=QUOT кричать.ITER-PRS-PTCP-PL
ħanč':i-ł-un r-ug=in.
 птица.PL-VBZ-PFV.CVB PL-COP=PTCL
 'кричат о Родине (букв. «Родина» кричащие),
 превратились в птиц'.
Гьел роржунел ругин Африкаялбул
Я Испаниялбул рорхальабазда.
НакIказда гьоркьосан куркьбал хьвагIулел
Ракьалде нух кьосун кьваридго ругин. —
Гьелзин дун зобазухь балагьун вугев...
- (2.1) *he-l r-orž-un-e-l r-ug=in afrika-jał:-ul*
 этот-PL PL-лететь-PRS-PTCP-PL PL-COP=PTCL Африка-OBL-GEN
 '(Что) они летят в африканской'
- (2.2) *ja ispanija-ł:-ul r-orχał-ab-az-da.*
 или Испания-OBL-GEN PL-высота-PL-OBL.PL-SUP.ESS¹¹
 'или испанской вышине (букв. на высотах)'.
 (2.3) *nak':-az-da horλ'o-s:an*
 облако-OBL.PL-SUP.ESS между-IN.TRANS
kurλ'b-al xʷaɸ-ul-e-l
 крыло.PL-PL взмахивать-PRS-PTCP-PL
 '(Что) между облаками взмахивающие крыльями',
 (2.4) *raλ'-al-de nuχ q'os-un*
 земля-OBL-SUP.LAT дорога заблудиться-PFV.CVB
q'ʷarid-go r-ug=in. —
 печальный-ADVZ PL-COP=PTCL
 'потеряв дорогу на землю, печалются'.
 (2.5) *he-ł:=in dun zob-az-uq*
 этот-OBL.NM(ERG)=PTCL я небо-OBL.PL-APUD.ESS

¹¹ Либо падеж от масдара от глагола *борхалъизе* 'становиться вы-соким', ср. К 1.3.

b-alah-un *w-ug-e-w...*
 N-смотреть-PFV.CVB M-COP-PTCP-M
 'Поэтому-то я смотрю в небеса...'

*Дида гьел рихъана океаназда,
 Огь, хъахГал чайкаби, чагЛи руго гьел.
 Цо чГинкГиллзиялда диде ахГдана
 Дагъистанин абун кЛиго итаркГо.*

(3.1) *di-da he-l r-ixa-na okean-az-da,*
 я-SUP.ESS ЭТОТ-PL PL-видеть-AOR океан-OBL.PL-SUP.ESS
 'Я увидел их над океанами,'

(3.2) *oh, qaħa-l čajka-bi, čafi r-ugo he-l.*
 INTJ белый-PL чайка-PL человек.PL PL-COP
 'ох, белые чайки, они ведь люди'.

(3.3) *so č'ink'iħi-jal-da di-de aħda-na*
 один остров-OBL-SUP.ESS я-SUP.LAT кричать.ITER-AOR
 'На одном острове мне прокричали'

(3.4) *davistan=in ab-un k'i-go itark'o.*
 Дагестан=QUOT говорить-PFV.CVB два-NUM ястреб
 '«Дагестан» (букв. сказав) два ястреба'.

*Гъаб дир бетГералда гъезул тГелаца
 ТГаван гъабичГеб бакГ кибго хутГичГо.
 Цоця ахГула – «лзимал, лзимал» – ан.
 Цогьял ахГдола – «эбел, эбел» – ан.
 Гъелзин дун зобазухъ валагъун вугев...*

(4.1) *ha-b di-r bet'er-al-da he-z-ul t'el-a-c:a*
 ЭТОТ-N-я-GEN голова-OBL-SUP.ESS ЭТОТ-OBL.PL-GEN стая-OBL-ERG
 'Вот над моей головой нигде не осталось'

(4.2) *t'awap ha'b'i-č'-e-b bak'*
 обход делать<N>-AOR.NEG-PTCP-N место
ki-b=go χ:ut'i-č'o.
 где-N=INT оставаться-AOR.NEG
 'места, где бы ни облетела их стая (букв. стая не облетевшее место)'.

(4.3) *soja-c:a añ-ula* – «*ʔimal, ʔimal*» – *an.*
 один-ERG звать-PRS ребенок.PL ребенок.PL QUOT
 ‘Один зовёт: «Дети, дети»’.

(4.4) *cogija-l añd-ola* – «*ebel, ebel*» – *an.*
 другой-PL кричать.ITER-PRS мать мать QUOT
 ‘Другие кричат: «Мама, мама»’.

(4.5) *he-ʔ=in dun zob-az-uq*
 этот-OBL.NM(ERG)=PTCL я небо-OBL.PL-APUD.ESS
w-alah-un w-ug-e-w...
 N-смотреть-PFV.CVB M-COP-PTCP-M
 ‘Поэтому-то я смотрю в небеса...’

*РачГуна некИсиял къайи цадахъал,
 Кзукъа-кзукъа гъабун, – кзункъраби гИадин,
 Гъез кИи-кИиял рекъон, яги цо-цояз
 Цадахъ вилъльайилан ахГула диде.*

(5.1) *r-aʕ'u-na nek's:ija-l q'aji cadaq-al,*
 PL-приходить-PRS давнишний-PL однокашник-PL¹²
 ‘Приходят давние приятели,’

(5.2) *q'uq'a~q'uq'a ha(b)-un, – q'unq'ra-bi ʔadin,*
 RDP~группа делать<N>-PFV.CVB журавль-PL словно
 ‘разбиваются на группы, словно журавли’.

(5.3) *he-z k'i~k'ija-l req'on,*
 этот-OBL.PL(ERG) RDP~оба-PL соответствовать-PFV.CVB
ja=gi so~soja-z
 или=ADD RDP~один-OBL.PL(ERG)
 ‘они, собравшись по двое или поодиночке’.

(5.4) *cadaq w-iʔa=jilan añ-ula di-de.*
 вместе M-идти.IMP=QUOT звать-PRS яSUBLAT
 ‘зовут меня: «Пойдем вместе»’.

*Воржина, кзункъраби, кзо цварабго дун,
 Цоги ахИичЛеб кечИ ахГулев вуго.*

¹² Записано в два слова (букв. *къайи* ‘товар, груз, утварь’ + *цадахъа(б)* ‘совместный, общий’). Это сочетание может записываться и в виде одного слитного слова (ср. *къайицадахъал* в ХК 3.2).

БукІина дирги ракІ мискинаб зодихъ,
 WatІан, ватІанилан, эбел, эбелин, —
 Гьелзин дун зобазухъ валагъун вугев...

- (6.1) *w-orži-na*, *q'unq'ra-bi*, *q'o*
 М-лететь-FUT журавль-PL день
š:wa-ra-b=go *dun*,
 достигать-PFV.PTCP-N=INT я
 'Я полечу, журавли, когда придет день,'
- (6.2) *cogi ahi-č'-e-b* *keč'* *añ-ul-e-w* *w-ugo*.
 еще петъ-AOR.NEG-PTCP-N песня петъ-PRS-PTCP-ММ-COP
 'и буду петъ еще не спетую песню.'
- (6.3) *b-uk'i-na di-r=gi rak' miskina-b zodi-q*,
 N-быть-FUT я-GEN=ADD сердце бедный-N небо.OBL-APUD.ESS
 'Будет и мое сердце бедное в небе,'
- (6.4) *wat'an*, *wat'an=ilan*, *ebel*, *ebel=in*, —
 родина родина=QUOT мать мать=QUOT
 'со словами: «Родина, Родина», «Мама, мама»'.
- (6.5) *he-ł:=in* *dun* *zob-az-uq*
 этот-OBL.NM(ERG)=PTCL я небо-OBL.PL-APUD.ESS
w-alah-un *w-ug-e-w...*
 N-смотреть-PFV.CVB M-COP-PTCP-M
 'Поэтому-то я смотрю в небеса...'

Заключение

Сравнение оригиналов и подстрочных переводов стихотворений «Журавли» (К) и «Белые журавли» (ХК) показывает, что они во многом являются разновидностями одного и того же стихотворения — более ранним и более поздним вариантом, соответственно. В обоих произведениях по четыре неповторяющиеся строфы, первая строка в обоих вариантах совпадает, за исключением начала третьей строки, ср. '(Что) там в вышине, в синих небесах' (К) — 'Оставив горы, далеко в синих небесах' (ХК). В остальном, если сравнивать оригиналы по двустигшиям, мы видим, что при раз-

личии в языковых средствах (выборе лексем или грамматических форм, порядке слов) содержание всех двустушии почти идентично, ср. 'Поэтому мы, печалась, подняв головы, / смотрим в небо каждый раз' (К) — 'Не из-за этого ли, когда летят журавли, / печалась, в небеса мы смотрим?' (ХК), 'Под их стаяй одно место видно — / не приготовлено ли оно, чтобы мне прийти сюда?' (К) — 'В их ряду есть один промежуток, / Наверное, это место, оставленное для меня' (ХК), 'Его криком оставленных на земле / всех вас, братья, я позову' (К) — 'На их языке я оставленных на земле / любимых людей буду звать по имени' (ХК) и пр. Нельзя не заметить, что в ряде отношений именно более поздний вариант ХК ближе к русскому переводу Н. Гребнева.

Оба стихотворения по структуре и содержанию соответствуют «песенной» версии «Журавлей», появившейся в 1969 году и представляющей собой сокращенный вариант перевода Н. Гребнева 1968 года. Важной задачей гамзатоведения является, по нашему мнению, обнаружение и публикация того аварского оригинала стихотворения, с которого был сделан русский перевод (и которое по сравнению с вариантом К включает две дополнительные строфы¹³).

Третье же стихотворение (условно, «Птицы»), повторяя первую строфу К и ХК, устанавливает преемственность по отношению к этим произведениям и развивает ту же тему, подчеркивая многократность и «всемирность» встреч лирического героя с птицами, представляющими собой воплощения умерших людей. Он встречает птиц в небе над разными странами, некоторые из них зовут оставшихся на земле матерей, другие — своих детей, герою же слышится, как, обращаясь к нему, птицы упоминают родину и, даже еще более конкретно, Дагестан. Как и в К / ХК, журавли словно зовут героя с собой, и он обещает, что когда-то тоже

¹³ Ср. мнение об этих двух строфах М. А. Магомедова, который предполагает, что «видимо, они существовали и в каком-то аварском варианте, но потом были вначале исключены из перевода, а затем и из оригинала» [Магомедов 2013: 89].

полетит с ними и будет «петь еще не спетую песню», взывая к родине и матери.

Сокращения

ADD — аддитив ('и, тоже'); ADVZ — адвербиализатор; AOR — аорист (перфективное прошедшее); APUD — локализация 'рядом, возле'; COM — комитатив; COP — связка; CVB — деепричастие; DAT — датив; ERG — эргатив; ESS — эссив; FUNC — функтив ('в качестве'); FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IN — локализация 'внутри'; INCL — инклюзив; INF — инфинитив; INT — интенсификатор (клитика); INTER — локализация 'в массе'; INTJ — междометие; ITER — итератив («учащность»); LAT — латив; M — мужской род; N — средний род; NEG — отрицание; NM — не мужской род; NUM — показатель количественного числительного; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRS — презенс; PTCL — частица; PTCP — причастие; Q — показатель общего вопроса; QUOT — квотатив (показатель цитирования); RDP — редупликация; SUB — локализация 'под, снизу'; SUP — локализация 'над, сверху'; TERM — терминатив ('вплоть до'); TRANS — транслатив; VBZ — вербализатор;

Немаркированные значения категорий (абсолютив, единственное число) в строке глоссирования не обозначаются. Ярлыки для значений категории локализации носят условный характер: во многих случаях соответствующие падежи используются не в своих «ядерных» локативных значениях или даже не имеют ядерного локативного значения.

Литература

Алексеев и др. 2012 — Алексеев М. Е., Атаев Б. М., Магомедов М. А., Магомедов М. И., Мадиева Г. И., Саидова П. А., Самедов Дж. С. *Современный аварский язык*. Махачкала, 2012.

Гамзатов 1968 — Гамзатов Р. Пять стихотворений. Перевел с аварского Н. Гребнев. *Новый мир*, 1968, 4: 55–57.

Гамзатов 1991 — Гамзатов Р. Зов белых журавлей. *Правда*, 1991, 150, 24 июня: 5.

Гамзатов 2003 — Гамзатов Р. *Журавли Расула Гамзатова: Стихи. Иллюстрации. Фотографии*. Сост. М. Ахмедов, М. Ахмедова. Махачкала, 2003.

Гамзатов 2008 — Гамзатов Р. Г. *Многоголосая песня «Журавлей»: Стихотворение Р. Гамзатова «Журавли» на языках разных народов*. Сост. М. М. Ахмедов. Махачкала, Москва, 2008.

Испагиева, Хайбуллаев 1993 — Испагиева Б. Г., Хайбуллаев М. Х. (сост.) *Авар литература / Аварская литература. Учебник-хрестоматия для 6 класса*. Махачкала, 1993.

Казиев 2018 — Казиев Ш. *Расул Гамзатов*. Сер. Жизнь замечательных людей, вып. 1907. Москва, 2018.

Касиев 1986 — Касиев Э. Ю. О передаче национально-своеобразия и стиля стихотворения Р. Гамзатова «Журавли» при переводе на русский язык. *Мастерство Расула Гамзатова: сб. статей*. Сост. С. М. Хайбуллаев. Махачкала, 1986, 150–156.

Лифшиц 2017 — Лифшиц Ю. Загадка гамзатовских «Журавлей». *Поэтический альманах «45-я параллель»*, 2017, 23 (407). URL: https://45parallel.net/yuriy_lifshits/zagadka_gamzatovskikh_zhuravley/

Магомедов 2013 — Магомедов М. А. Стихотворение Р. Гамзатова «Журавли»: язык и стиль. *Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы*, 2013, 4: 86–89.

Маллаева 1991 — Маллаева З. М. Темпоральная лексика аварского языка. *Выражение временных отношений в языках Дагестана*. Отв. ред. З. Г. Абдуллаев. Махачкала, 1991, 77–86.

Хамзатов 1983 — Хамзатов Р. *Тассаришарал асарал: Тпоцбесеб том [Избранные произведения. Первый том]*.

Хамзатов 1991 — Хамзатов Р. XI. *Анльго томалде данде гьарурал асарал [Собрание сочинений в 6-ти томах]*.

Comrie et al. 2008 — Comrie B., Haspelmath M., Bickel B. *The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-*

by-morpheme glosses. Revised version of February 2008. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>

References

Alekseev M. E., Ataev B. M., Magomedov M. A., Magomedov M. I., Madieva G. I., Saidova P. A., Samedov Dzh. S. *Sovremennyj avarskij yazyk* [Modern Avar language]. Mahachkala, 2012. (In Russ.)

Comrie et al. 2008 — Comrie B., Haspelmath M., Bickel B. *The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses*. Revised version of February 2008. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>

Gamzatov R. G. *Mnogogolosaya pesnya «Zhuravlej»: Stihotvorenie R. Gamzatova «Zhuravli» na yazykah raznyh narodov* [Polyphonic song “The Cranes”: R. Gamzatov’s poem “The Cranes” in the languages of different nations]. Sost. M. M. Ahmedov. Mahachkala, Moskva, 2008. (In Russ.)

Gamzatov R. Pyat’ stihotvorenij [Five poems]. Perevel s avarskogo N. Grebnev. *Novyj mir*, 1968, 4: 55–57. (In Russ.)

Gamzatov R. *Zhuravli Rasula Gamzatova: Stihi. Illyustracii. Fotografii* [The Cranes by Rasul Gamzatov: Poems. Illustrations. Photos]. Sost. M. Ahmedov, M. Ahmedova. Mahachkala, 2003. (In Russ.)

Gamzatov R. Zov belyh zhuravlej [Call of the white cranes]. *Pravda*, 1991, 150, 24 iyunya: 5. (In Russ.)

HIamzatov 1983 — HIamzatov R. *TIassarishcharal asaral: Tlocebeseb tom* [Selected works]. Mahachkala, 1983. (In Avar.)

HIamzatov R. HI. *Anl”go tomalde dande g’arural asaral* [Collected works]. T. 2. Mahachkala, 1991. (In Avar.)

Ispagieva B. G., Hajbullaev M. H. (sost.) *Avar literatura / Avarskaya literatura* [Avar literature]. Uchebnik-hrestomatiya dlya 6 klassa. Mahachkala, 1993. (In Russ.)

Kassiev E. Yu. O peredache nacional’nogo svoeobraziya i stilya stihotvoreniya R. Gamzatova «Zhuravli» pri perevode na russkij yazyk [On the transfer of national identity and style of R. Gamzatov’s poem “The Cranes” when translated into Russian].

an]. *Masterstvo Rasula Gamzatova: sb. statej*. Sost. S. M. Hajbullaev. Mahachkala, 1986, 150–156. (In Russ.)

Kaziev Sh. *Rasul Gamzatov*. Ser. Zhizn' zamechatel'nyh lyudej, vyp. 1907. Moskva, 2018. (In Russ.)

Lifshic Yu. Zagadka gamzatovskih «Zhuravlej» [The mystery of Gamzatov's "The Cranes"]. *Poeticheskij al'manah «45-ya parallel'»*, 2017, 23 (407). URL: https://45parallel.net/yuriy_lifshits/zagadka_gamzatovskikh_zhuravley/ (In Russ.)

Magomedov M. A. Stihotvorenje R. Gamzatova «Zhuravli»: yazyk i stil' [R. Gamzatov's poem «The Cranes»: Language and style]. *Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Cadasy*, 2013, 4: 86–89. (In Russ.)

Mallaeva Z. M. Temporal'naya leksika avarskogo yazyka [Temporal vocabulary of the Avar language]. *Vyrazhenie vremennyh otnoshenij v yazykah Dagestana*. Otv. red. Z. G. Abdullaev. Mahachkala, 1991, 77–86. (In Russ.)

**Дяң ката [Берегиня]:
текст об обрядовой кукле лесных ненцев¹**

Валентина Алексеевна Явид

*Школа-интернат основного общего образования
д. Харампур Пуровского района ЯНАО, Россия
yavidv@bk.ru*

Алексей Андреевич Козлов

*Институт языкознания РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия
scripturas@mail.ru*

Мария Васильевна Аристова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Школа «Летово»
anilotut@gmail.com*

Статья представляет собой публикацию текста на пуровском диалекте лесного ненецкого языка. Текст посвящен традиционной обрядовой кукле лесных ненцев — Берегине (Дяң ката, «бабушке земли»). Автор текста — носительница лесного ненецкого языка, публикация подготовлена в сотрудничестве с лингвистами. Текст снабжен русским переводом и поморфемным глоссированием. Ор-

¹ Статья подготовлена к печати в рамках исследования № 23-00-036 «Хантыйский язык в типологической перспективе» в рамках Программы Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

фографическая система, в которой записан текст, освещена в предисловии. Не описанные или плохо описанные для лесного ненецкого языка явления снабжены грамматическим комментарием.

Ключевые слова: лесной ненецкий, обрядовая кукла, документация языка

Для цитирования: Явид В. А., Козлов А. А., Аристова М. В. Дяң ката [Берегиня]: текст об обрядовой кукле лесных ненцев. *Родной язык*, 2023, 2: 102–117.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-102-117

A Forest Nenets text about the Дяң ката ritual doll

Valentina Alekseevna Yavid

*Kharampur village School
Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Russia
yavidv@bk.ru*

Aleksey Andreevich Kozlov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Higher School of Economics University
Moscow, Russia
scripturas@mail.ru*

Maria Vasilievna Aristova

*Higher School of Economics University,
Letovo School
Moscow, Russia
anilotut@gmail.com*

This article presents a text in the Pur dialect of the Forest Nenets language. The text has to do with the traditional ritual doll of the Forest Nenets – *Дяң ката*, ‘Grandmother of the Earth’. The text’s author is a native speaker of Forest Nenets, and its publication was prepared in collaboration with linguists. The text is accompanied by a Russian transla-

tion and interlinear morpheme-by-morpheme glossing. The orthographic system used for transcribing the text is introduced in the preface. Linguistic phenomena that have previously not been sufficiently described for the Forest Nenets language are commented on in footnotes.

Keywords: Forest Nenets, ritual doll, language documentation, mother-tongue text

For citation: Yavid V. A., Kozlov A. A., Aristova M. V. A Forest Nenets text about the *d'aj kata* ritual doll. *Rodnoy yazyk*, 2023, 2: 102–117.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-102-117

1. Предисловие

Настоящая статья представляет собой публикацию рассказа на лесном ненецком языке с лингвистическим и антропологическим комментарием. Автор рассказа — Валентина Алексеевна Явид, педагог Школы-интерната деревни Харампур (ЯНАО, Пуровский район), носительница пуровского диалекта лесного ненецкого языка.

Текст посвящен Берегине (*Дяу ката*, дословно ‘бабушка земли’) — кукле, которую сделал шаман Ыника. Такие куклы сохранились во многих ненецких семьях.

Кукла считалась женской помощницей, в первую очередь при родах. После рождения ребенка кукле принято было дарить кусочек меха или ткани. Этот кусочек привязывался на тело куклы — чем больше в семье детей, тем больше становилась и сама кукла. Помимо тканевых подарков, кукле дарили небольшие ценные вещи — например, цепочки или монетки. Таким образом, разворачивая одежду куклы, можно увидеть артефакты нескольких эпох — начиная от современных ярких тканей и заканчивая телом, состоящим из кусочка беличьего меха и двух советских медных пуговиц-глаз.

Хранительницей Берегини, о которой идет речь, в данный момент является В. А. Явид. Предыдущая хозяйка куклы, Лилия Кантлевна Агичева, передала куклу В. А. Явид после того, как сама приняла христианство. В июле 2022 г. с Берегиней познакомилась антрополог М. В. Аристова. При начале общения с куклой ее угостили джемом, пома-

зав джемом лицо куклы (согласно комментарию В. А. Явид, раньше лицо куклы мазали кровью). После этого В. А. Явид по одной снимала платья и шубы, принадлежащие кукле, комментируя историю каждого из предметов одежды.

У тундровых ненцев такая кукла называется *мяд' пу-хуця* [чум-GEN старуха] 'хозяйка чума', а также *я' небя* [земля-GEN мать] [Хомич 1966: 202–204].

В тексте есть некоторые детали, не отмеченные в имеющихся описаниях лесного ненецкого языка. Поэтому он снабжен лингвистическим комментарием, авторы которого — М. В. Аристова и А. А. Козлов.

За важные примечания и дополнения мы благодарны анонимному рецензенту журнала «Родной язык», а также Д. А. Бурову. Текст подготовлен к печати в рамках исследования № 23-00-036 «Хантыйский язык в типологической перспективе» в рамках Программы Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

2. Замечания о фонетике и орфографии

Фонетика и фонология лесного ненецкого языка еще содержат много нерешенных вопросов, несмотря на пионерскую статью Тапани Салминена [Salminen 2007]. Соответственно, не существует и полностью устоявшейся системы правописания. В данном тексте мы опираемся на орфографическую систему, представленную в словаре под редакцией М. Я. Бармич и И. А. Вэлло [Бармич, Вэлло 2002] с учетом фонологической теории Т. Салминена.

1. Мы используем графемы <'> («одиночный тасер») и <'>> («двойной тасер») для обозначения преаспирации и гортанного смывного соответственно. Звуки, обозначаемые этими графемами, являются вариантами одной фонемы: преаспирация регулярно выступает в качестве аллофона гортанного смывного перед смывными (и спорадически другими шумными) согласными: *мяля'ку* (10) 'замша', но *тай''ня* 'затем'. Следует обратить внима-

ние на то, что фонологическая нагрузка этих графем в лесном ненецком принципиально отличается от ситуации в тундровом ненецком языке, где они представляют собой разные морфемы [Люблинская 2014; Salminen 2007].

2. Для обоих ненецких языков Т. Салминен постулирует на глубинном уровне редуцированную гласную фонему / ʌ /. Эта фонема иногда произносится как краткий гласный, качество которого определяют большей частью окружающие согласные, а иногда реализуется нулем звука. Однако, согласно Салминену, наличие этого гласного всегда сказывается на ритмической структуре. В форме / $\text{n}^{\text{h}}\text{e-t}^{\text{o}}\text{-ta}$ / [женщина-DEST-PX.3SG] между двумя [t] обычно не произносится гласного звука, однако с точки зрения ритмической структуры слово остается трехсложным. В настоящей публикации мы не обозначаем фонему / ʌ / никакой графемой.

Следует отметить, что в перспективе В. А. Явид предлагает для таких последовательностей написание с «одиночным тасером» типа *нет'та* или *пыт'тата* (8) = / $\text{pit}^{\text{o}}\text{-ta-ta}$ /. Пока мы сохраняем для графемы <'> то значение, которое задумали М. Я. Бармич и И. А. Вэлло, а именно значение преаспирации.

3. Графема / ä / обозначает открытый гласный нижнего подъема (IPA: [æ]), чередующийся с [ы] (IPA: [i]) в позициях, которые Т. Салминен называет **безударными**. (В фонологической транскрипции Т. Салминена оба аллофона записываются фонемой / ä ./) **Ударные** позиции — это, в частности, позиции в слоге перед не реализующимся вокально / ʌ /. (ср. понятие «сильных позиций редуцированных» в палеославистике). Это чередование представлено в тексте: панэ-т / panä-t^{o} / IPA: [panæ-t] (9) в ударной позиции в слоге перед / ʌ / и паны / panä / IPA: [pani].

3. Ненецкий текст и его русский перевод

¹ Њыди” понанта тачипя Ыника дилмай пушанта няң

² Тай”ня ъопкал нюч дякумай, пушадюм пон канэлшто-

май. ³ Талјам дилманч шел пуша'коди нэлтомай. ⁴ Ѓамы дёлшкана Ыника џыдихи" пушатта мэмай, тай"ня чики пушанта няџ шичан каймэхэџ. ⁵ Шанли дили" каймяхат, чики тачипя џай џыдихи" нетта мэмай. ⁶ Няймы нюудеч дякумай. ⁷ Кукэхана, Ыника, тачипя нив"џа, дяџ катам шелтаваньш пџа'. ⁸ Чики дяџ катаџ хэмхаматата шелтаџа, тата пыттата дику. ⁹ Дяџ ката панэт пушадюм хэтмай каџулотмы пылычена тыџ пенахат. ¹⁰ Четаџ чики паны ташта мяля'ку џэ" кадя. ¹¹ Чики дяџ ката шанат дялнасата тадя, кулкали" тэмс. ¹² Ѓысы чел не"ша" ни" таштомай мячисэтта, деты џашким ня"ампатуџ. ¹³ Ѓыли" понанта лапкахана дякоштуш дялнас, не"ша" хоматаштутонш деты паныдџетуџ, џутахана хэтмы". ¹⁴ Чики дяџ катам маньсалтахай, апади ня"амџа хэла'ку дялнас пелям, таньшику пџш кууди паталта, ма"ай, мань немян ми"мы мячисы, мань дялјам маньсома"ханай. ¹⁵ Тай"ня, чики дялнас хампљаџкдю" пота! ¹⁶ Таньшанена џайва видјам апади ми"мы, ни нюта дялјам маньсома"хана. ¹⁷ Кулкали шаны" видя"уди", веша"уди кимяхама ми"мы". ¹⁸ Нэ'пјак веша тадя, дю" веша. ¹⁹ Нимјаш тонла, шедај кадяш, џучей дяллы"ш. ²⁰ Дяџ катам канылтаџ пултат ниџ мышчештутунш. ²¹ Четаџ не"шай" поџкна тачипя дику, куше понанта тачипя" тачипялмай. ²² Пы'туџ шелутуџ нянантуџ канаџатунш. ²³ Че'таџ кимяхал дехела тачипялјам. ²⁴ Не"ша" чедими" куше мэ"хома, кимялиџ дечашалма мет.

¹ Давным-давно жил шаман Ыника со своей женой. ² У них не было ни одного ребенка, его жена постоянно болела. ³ И вот они жили-жили — и старуха умерла. ⁴ Через некоторое время Ыника взял другую жену, потом с этой женой они разошлись. ⁵ Несколько месяцев прошло, этот шаман опять другую жену взял. ⁶ Но детей у них не было. ⁷ Тогда Ыника — он же шаман! — решил сделать берегиню. ⁸ Этой берегине он глаза сделал, а тело нет. ⁹ Ягушку для берегини его жена сшила из камуса черного жертвенного оленя. ¹⁰ Сейчас эта ягушка уже похожа на старую замшу. ¹¹ У этой берегини много лоскуточков ткани, разного вида. ¹² Ненки, жительницы стойбищ, дарили ей подарки, если у них рождались дети. ¹³ Раньше в магазинах не

было ткани и ненцы берегли новые платья, сшитые руками. ¹⁴ Пока я рассматривала эту берегиню, сестра показала мне белый кусочек ткани с голубыми горошинами и говорит: «Это твоя мама отдала в подарок берегине, когда ты родилась». ¹⁵ Значит, этому кусочку ткани пятьдесят лет. ¹⁶ Синюю ленточку сестра подарила этой кукле, когда у нее родилась младшая дочка. ¹⁷ Кто-то жертвовал разные цепочки, ленточки, денежки. ¹⁸ Есть бумажные деньги, десять рублей. ¹⁹ Сколько было денег, мы не подсчитали, потому что сердце забилось, руки задрожали. ²⁰ Берегиню клали в изголовье к тому, кто был болен. ²¹ Сейчас среди лесных ненцев ни одного шамана нет, и никто не знает, как шаманы камлали. ²² Они всё свое мастерство забрали с собой. ²³ Сейчас никто не знает, как камлать. ²⁴ Но вообще ненцы знают, как сделать хорошо, чтобы человек выздоровел.

4. Глоссированный текст с поморфемным комментарием

- (1) Ёуди” пона-нта тачипя Ыника дили-май
еще долго-GEN-PX.3SG шаман Ыника жить-EVID
пуша-н-та² ня-ё³

² Некоторые вопросы фонетики лесного ненецкого языка нуждаются в подробном исследовании. Так, часто слово *пуша* ‘старуха’ произносится с преаспирацией перед вторым слогом [pʰhʃa], что согласно системе М. Я. Бармич и И. А. Вэлло соответствовало бы орфографии пу’ша (с использованием графемы /ʰ/ — т. н. «одионочного тасера»). Однако в словаре [Бармич, Вэлло 2002] это слово записано без графемы /ʰ/. Необходимы дальнейшие исследования по прояснению сегментного состава этого и похожих корней.

³ Несмотря на то что в современном пуровском диалекте лесного ненецкого языка базовый порядок слов — SOV, глагол совсем не всегда занимает конечную позицию. В настоящем тексте из 30 клауз, содержащих финитный глагол, 9 (а среди них и настоящее предложение) содержат постглагольные составляющие. Неясно, можно ли приписать это контактному влиянию русско-

	жена-GEN-PX.3SG	с-GEN	
	‘Давным-давно жил шаман Ыника со своей женой’.		
(2)	Тай”ня	җоп=кал ⁴	ню-ч
	затем	один-ADD	ребенок-PX.3DU
	пуша-дюм ⁵	пон	канэ-л-што-май.
	жена-SLCT	долго	болеть-DUR-HAB-EVID
	‘У них не было ни одного ребенка, его жена постоянно болела’.		
(3)	Талям	дили-ма-н-ч	шел ⁶
	так	жить-NMZ-GEN-PX.3DU	дело[GEN]

го языка: по нашим данным, такой порядок слов встречается и в речи носителей, не говоривших на русском языке до 7–10 лет и сейчас общающихся главным образом на ненецком.

⁴ Аддитивная интраклитика =кал ‘даже, хотя бы’ имеет вариант =калт, используемый в неконечной позиции (ср. тундровое -хэрт-). Сочетаясь с основами вопросительных местоимений, она образует неопределенные местоимения, употребляющиеся в контексте отрицания.

⁵ Вслед за Н. Б. Кошкаревой, напр. [Кошарева 2005: 295], пример (138), мы глоссируем этот показатель как SLCT (селектив). В большинстве самодийских языков он действительно употребляется при выборе из множества [Буркова 2010: 261–262], например тундровое ненецкое *уарка-юм* [большой-SLCT] ‘старшая (из двух сестер)’. Однако в пуровском диалекте лесного ненецкого языка когнатный показатель -дюм употребляется также в функции посессива 3-го лица единственного числа при одушевленных обладаемых. Наряду с ним употребляется общесамодийский показатель -та, в частности, по нашим данным, в настоящем примере *пушадюм* без изменения смысла можно изменить на *пушата*.

⁶ Полипредикативная конструкция со словом *шел* ‘дело’ и зависящей от него номинализацией имеет временное значение. Так как у основ на согласный в пуровском диалекте генитив совпал с номинативом, мы глоссируем здесь показатель генитива по функциональным причинам, а также по аналогии с тундровым ненецким послелогом *сер* [Nikolaeva 2014:15], имеющим выраженный показатель генитива.

- пуша-'коди⁷ нэлто-май.
 жена-DIM умереть-EVID
 'И вот они жили-жили — и старуха умерла'.
- (4) Ѓамы дёлш-кана Ыника
 что срок-LOC Ыника
 ңыдихи" пуша-т-та мэ-май,
 другой жена-DEST-3SG взять-EVID
 тай"ня чики пуша-н-та
 потом этот жена-GEN-PX.3SG
 ня-ң шича-н кай-мэ-хэң.
 с-GEN два-DAT пойти-EVID-DU
 'Через некоторое время Ыника взял другую жену,
 потом с этой женой они разошлись'.
- (5) Шан-ли дили-" кай-мя-хат,
 сколько-RESTR месяц-PL уйти-NMZ-ABL
 чики тачипя ңай
 этот шаман опять
 ңыдихи" не-т-та мэ-май
 другой женщина-DEST-PX.3SG взять-EVID
 'Несколько месяцев прошло, этот шаман опять другую
 жену взял'.
- (6) Няймы ню-уде-ч⁸ дяку-май.

⁷ В общем случае диминутивный показатель -'коди в сочетании с именами людей имеет семантический оттенок сожаления. В этом примере он употребляется в одной из своих более частных функций, а именно при референции к ушедшему из жизни человеку. Заметим, что этот показатель демонстрирует нетривиальные морфонологические свойства, а именно начинается с гортанного смычного. Об этом свойстве диминутива см. подробнее примечание 7.

⁸ Есть аргументы в пользу того, что диминутивный показатель -уди- /ʔud'i/ обладает характеристиками отдельного фонетического слова, — это единственная некорневая морфема лесного ненецкого языка, которая начинается с гортанной смычки. Таким образом, диминутив образует единственный контекст, в котором гортанная смычка встречается интервокально в середине фонологического слова. (В словах типа ня"ампатуу

Но	дитя-DIM-PX.3DU	NEG.EX-EVID
‘Но детей у них не было’.		
(7) Кукэ-хана,	Ыника,	тачипя
тогда	Ыника	шаман
ни-в”-ңа,	дя-ң	ката-м
NEG-EMPH-GFS	земля-GEN	бабушка-ACC
шелта-ваньш ⁹	пя-ңа	
делать-SUP	решить-GFS	
‘Тогда Ыника — он же шаман! — решил сделать берегиню’.		
(8) Чики	дя-ң	ката-ң
этот	земля-GEN	бабушка-GEN
хэм-хама ¹⁰ -та-та	шелта-ңа,	
глаз-STOP-DEST-3SG	сделать-GFS	
тата	пыт-та-та ¹¹	дику
а	тело-DEST-PX.3SG	NEG.EX[GFS]
‘Этой берегине он глаза сделал, а тело нет’.		

[nʲaʔ^am.pa.tuŋ] (12) гласный [a] между гортанным смычным и согласным, между которыми нет границы слога, — это нефонологический призвук, ср. форму *ня”маиш* [nʲaʔ.masʲ].) Кроме этого, конечный гласный основы, предшествующий /ʔudʲi/, в отношении морфонологических чередований ведет себя скорее как безударный.

⁹ Согласно С. И. Бурковой [Burkova 2022: 696], в лесном ненецком языке нет супина. Это не совсем так. Действительно, в отличие от тундрового ненецкого, в лесном ненецком в целевых клаузах используется не особая нефинитная форма, а аналитическая конструкция с послелогом *мэт* ‘чтобы’. Однако супин — нефинитная форма, когнатная тундровой ненецкой форме на *-мӓнзь*, — сохраняется в лесном ненецком языке, оформляя, например, зависимое при глаголе *пя-* ‘начать, направиться’.

¹⁰ Интракритика *-хама-* маркирует контрастивный топик, а в сочетании с основами вопросительных местоимений образует неопределенные местоимения из серии Specific Unknown в терминологии М. Хаспельмата [Haspelmath 1997].

¹¹ Попова [Попова 1978: 113] отмечает слово *рыхыт* ‘туловище’ (ср. тундровое *ныхыд*). В современном пуровском говоре оно стянулось до *пыт-*.

- (9) Дя-ң ката панэ-т
 земля-GEN бабушка ягушка-DEST
 пуша-дюм хэт-май
 женщина-SLCT шить-EVID
 каңудот-мы пылычена
 приносить.в.жертву-PT.PRT черный
 ты-ң пена-хат.
 олень-GEN камус-ABL
 ‘Ягушку для берегини его жена сшила из камуса
 черного жертвенного оленя’.
- (10) Четаң чики паны ташта
 сейчас этот ягушка старый
 мяля’ку ңэ-¹² кадя.
 замша быть-CVB остаться[GFS]
 ‘Сейчас эта ягушка уже похожа на старую замшу’.
- (11) Чики дяң ката
 этот земля-GEN бабушка
 шанат¹³ дялнаса-та тадя,
 сколько ткань-PX.3SG иметься[GFS]
 кудкади тэмс
 разный вид
 ‘У этой берегини много лоскуточков ткани, разного
 вида’.
- (12) Ҡысы чел¹⁴ не”ша”
 стойбище содержимое человек

¹² Как известно, в тундровом ненецком выделяются два показателя конверба: нулевой и /s²⁹/[(Salminen 1997: 114]. В пуровском диалекте для глагольных основ на гласный есть еще показатель /ʔ/.

¹³ По-видимому, слово *шанат* ‘сколько’ происходит от слова *шан* ‘много’. Природа показателя *-ат* остается пока непонятной.

¹⁴ Слово *чел* (ср. похожее употребление тундрового ненецкого когната *тер*), буквально значащее ‘внутренность, содержимое’, может употребляться и при референции к одушевленным объектам. Выражение *нысы чел*, букв. ‘содержимое стойбища’, означает жителей стойбища

ни-” та-што-май мячисэ-т-та,
 женщина-PL дать-НАВ-EVID подарок-DEST-3SG
 дети җашки-м ня”м-па-туҗ
 новый дитя-ACC получить-COND-3SG
 ‘Ненки, жительницы стойбищ, дарили ей подарки,
 если у них рождались дети’.

- (13) Җыли” пона-нта лапка-хана
 еще давно-GEN-PX.3SG лавка-LOC
 дяко-шту-ш дялнас,
 NEG.EX-НАВ-PST платье
 не”ша-” хомата-шту-тон-ш
 человек-PL беречь-НАВ-3PL>SG-PST
 дети паны-дө-туҗ,
 новый платье-DIM-PX.3PL
 җута-хана хэт-мы-”¹⁵
 рука-LOC шить-PT.PRT-PL
 ‘Раньше в магазинах не было ткани, и ненцы берегли
 новые платья, сшитые руками’.

- (14) Чики дя-ң ката-м
 этот земля-GEN бабушка-ACC
 манысал-та-ха-й,
 рассматривать-PT.PRS-DAT-PX.1SG
 апа-ди ня”ам-җа хэла’ку дялнас пеля-м,
 сестра-PX.1SG взять-GFS белый ткань лоскут-ACC
 таньшику пёшку-уди патал-та,
 зелубой круг-DIM расписать-PT.PRS
 ма”ай, мань немя-н ми”-мы мячисы,
 будто я мать-DAT дать-PT.PRT подарок
 мань дяля-м манысо-”ма-хана-й
 я день-ACC видеть-NMZ.PFV-LOC-PX.1SG
 ‘Пока я рассматривала эту берегиню, сестра показала
 мне белый кусочек ткани с голубыми горошинами и
 говорит: «Это твоя мама отдала в подарок берегине,
 когда ты родилась»’.

¹⁵ Нормальная для ненецких языков постпозиция причастной от-носительной клаузы.

- (15) Тай”ня, чики дялнас хамплянҗк-дю” по-та!
затем этот платье 5-10 год-ПХ.3SG’
‘Значит, этому кусочку ткани пятьдесят лет’.
- (16) Таньшане-на җайва видя-м апа-ди ми”-мы
синеть-РТ.PRS голова веревка сестра-ПХ.1SG дать-РТ.PRT
ни ню-та дяля-м маньс-о”ма-хана
женщина дитя-ПХ.3SG день-ACC видеть-NMZ.PFV-LOC
‘Синюю ленточку сестра подарила этой кукле, когда
у нее родилась младшая дочка’.
- (17) Кудкади шаньс-” видя-”уди-”,
разный цепочка-PL лента-DIM-PL
веша-”уди-” кимья-хама ми”-мы.
деньга-DIM-PL кто-СТОП дать-РТ.PRT
‘Кто-то жертвовал разные цепочки, ленточки,
денежки’.
- (18) Нэ’пяк веша тадя, дю” веша.
бумага деньга иметься 10 деньга
‘Есть бумажные деньги, десять рублей’.
- (19) Ни-м-яш тонла,
NEG-1SG>SG-PRT читать[CN]
шедя-й кад-яш,
сердце-ПХ.1SG пойти[GFS]-PRT
нуче-й дяндь’-ш
рука-ПХ.1SG дрожать[GFS]-PRT
‘(Сколько было денег) мы не подсчитали, потому что
сердце забилося, руки задрожали’.
- (20) Дя-ң ката-м
земля-GEN бабушка-ACC
каньд-та-ң пултат ни-ң
большой-РТ.PRS-GEN изголовье к-GEN
мышче-шту-тун-ш
класть-НАВ-3PL>SG-PRT
‘Берегиню клали в изголовье к тому, кто был болен’.
- (21) Четаҗ не”ша-й” поҗ-кна тачипя дику,
сейчас человек-GEN.PL между-LOC шаман NEG.EX[GFS]

куше пона-н-та тачипя-” тачипял-май-”
как долго-GEN-PX.3SG шаман-PL камлать-EVID-PL
‘Сейчас среди лесных ненцев ни одного шамана нет,
и никто не знает, как шаманы камлали’.

- (22) Пы’туҥ шел-у-туҥ
они дело-ACC.PL-PX.3PL
няна-н-туҥ кана-җа-тун-ш.
с-GEN-PX.3PL отвезти-GFS-3PL>SG-PRT
‘Они свое мастерство забрали с собой’.

- (23) Че’таҥ кимья-хал дехела тачипял-ма-м
Сейчас кто-ADD не.знать[GFS] камлать-NMZ-ACC
‘Сейчас никто не знает, как камлать’.

- (24) Не”ша-” чедими-” куше мэ-” хома,
человек-PL знать[GFS]-PL как сделать-CVB хорошо
кимья-ди-җ дечашал-ма мет
кто-RESTR-GEN выздороветь-NMZ чтобы
‘{Но вообще} Ненцы знают, как сделать хорошо, чтобы
человек выздоровел’.

Список условных сокращений

ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ADD — аддитивная частица, COND — показатель условной формы глагола, STOP — показатель контрастивного топика, CVB — конверб, DEST — дестинатив, DIM — диминутив, DUR — дуратив, GEN — генитив, GFS — общая финитная основа (в тексте в основном маркирует небудущее время), EMPH — показатель эмфатического отрицания, EVID — эвиденциальный показатель, EX — глагол существования, HAB — хаби-туалис, LOC — локатив, NEG — отрицание, NEG.EX — глагол отрицания существования, NMZ — номинализация, NMZ.PFV — перфективная номинализация, NSG — единственное число, PL — множественное число, PX — по-сессив, PT.PRS — причастие настоящего времени, PT.PRT — причастие прошедшего времени, PRT — претерит, RESTR — рестриктив, SG — сингулярис, SLCT — селектив, SUP —

супин, > — маркер объектного спряжения (до знака > указываются лицо и число субъекта, после знака — число объекта).

Литература

Бармич, Вэлло 2002 — Бармич М. Я., Вэлло И. А. *Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). Пособие для учащихся начальной школы.* Изд. 2-е, доработанное. Санкт-Петербург, 2022.

Люблинская 2014 — Люблинская М. Д. Единицы фонологии в ненецком языке. *Вопросы уралистики*, 2014: 442–465.

Попова 1978 — Попова Я. Н. *Ненецко-русский словарь. Лесное наречие.* *Studia Uralo-Altaica* 12. Szeged, 1978.

Кошкарева 2005 — Кошкарева Н. Б. *Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка.* Новосибирск, 2005.

Хомич 1966 — Хомич А. В. *Ненцы. Историко-этнографические очерки.* Москва, Ленинград, 1966.

Burkova 2022 — Burkova S. *Nenets. The Oxford Guide to the Uralic languages.* Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). Oxford University Press, 2022, 674–709.

Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *Indefinite Pronouns.* Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. Oxford, 1997.

Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *A Grammar of Tundra Nenets.* Berlin, Boston, 2014.

Salminen 1997 — Salminen T. *Tundra Nenets inflection.* Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 227. Helsinki, 1997.

Salminen 2007 — Salminen T. Notes on Forest Nenets phonology. *Samit, sanit, satnehamit.* Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Vol. 253. Suomalais-Ugrilainen Seura, 2007, 349–372.

References

Barmich M. Ja, Vjello I. A. *Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij (lesnoj dialekt)* [Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary; Forest Netnets]. *Posobie dlja uchashhihsja nachal'*

noj shkoly. Izd. 2-e, dorabotannoe. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Burkova S. Nenets. *The Oxford Guide to the Uralic languages*. Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). Oxford University Press, 2022, 674–709.

Haspelmath M. *Indefinite Pronouns*. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. Oxford, 1997.

Homich A. V. Nency. *Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Historical and ethnographic essays]. Moskva, Leningrad, 1966. (In Russ.)

Koshkareva N. B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta neneckogo jazyka* [Essays on the syntax of the Forest dialect of the Nenets language]. Novosibirsk, 2005. (In Russ.)

Ljublinskaja M. D. Edinicy fonologii v neneckom jazyke [Units of phonology in the Nenets language]. *Voprosy uralistiki*, 2014: 442–465. (In Russ.)

Nikolaeva I. *A Grammar of Tundra Nenets*. Berlin, Boston, 2014. Popova Ja. N. *Nenecko-russkij slovar'. Lesnoe narechie* [Nenets-Russian dictionary: Forest dialect]. *Studia Uralo-Altica* 12. Szeged, 1978. (In Russ.)

Salminen T. Notes on Forest Nenets phonology. *Samit, sanit, satnehamit*. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Vol. 253. Suomalais-Ugrilainen Seura, 2007, 349–372.

Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 227. Helsinki, 1997.

Калмыцкая этимологическая сказка «Почему у Сова нет ноздрей»

Александр Кондаков

*Институт перевода Библии
Россия
linguo25@yahoo.com*

В настоящей публикации представлен мифологический текст из калмыцкого фольклора. Более известный как «сказка», данный текст был опубликован в разных изданиях как на языке оригинала (калмыцком), так и в переводе на русский язык. Поскольку данный фольклорный текст объясняет причину возникновения отдельных явлений из мира птиц, с научной точки зрения более целесообразно классифицировать его как этимологическую сказку или этимологический миф. Сказка небольшая и по большей части состоит из диалога между царем птиц Орлом и находчивой Совой. Благодаря своей смекалке Сова выходит из трудного положения и освобождает других птиц. В отличие от них, клюв Сова не пробит, поэтому и в последующих поколениях у сов нет ноздрей (фактически они есть, но несквозные). В статье текст представлен на калмыцком языке, снабжен переводом на русский язык и поморфемным глоссированием. В условных обозначениях приведены две системы обозначения калмыцких морфем: современная и традиционная (по Г. Д. Санжееву). Таким образом, текст может быть использован не только калмыковедами, но и специалистами по другим монгольским языкам, а также лингвистами-типологами, исследователями в области фольклора, антропологии и этнологии.

Ключевые слова: калмыцкий язык, этимологические тексты, фольклор

Для цитирования: Кондаков А. Калмыцкая этимологическая сказка «Почему у Сова нет ноздрей». *Родной язык*, 2023, 2: 118–132. DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-118-132

The Kalmyk etiological folk tale “Why the owl has no nostrils”

Alexander Kondakov

*Institute for Bible Translation
Russia
linguo25@yahoo.com*

In this article we present a mythological text from Kalmyk folklore. Better known as folk tale, this text has appeared in various publications both in the original language (Kalmyk) and in Russian. As this text explains the origin of certain phenomena in bird life, it is scientifically more appropriate to classify it as an etiological folk tale or an etiological myth. The story is short and mostly consists of a dialogue between the Eagle, the king of birds, and the savvy Owl. Thanks to its resourcefulness, the Owl gets out of a difficult situation and helps to set other birds free. Unlike them, the Owl's beak is not perforated, therefore the future generations of owls do not have nostrils (in fact, owls do have nostrils, but they are non-perforated). The text is presented in the original Kalmyk form, accompanied by the translation into Russian and interlinear glossing. The Abbreviations section provides two systems for designating Kalmyk morphemes: the modern one and the traditional one (according to G. Sanzhayev). In this way, the text can be used not only by Kalmyk language specialists, but also by experts in other Mongolian languages, by linguistic typologists, and by researchers in the fields of folklore, anthropology and ethnology.

Keywords: Kalmyk language, etiological texts, folklore

For citation: Kondakov A. The Kalmyk etiological fairy tale “Why the owl has no nostrils”. *Родной язык*, 2023, 2: 118–132.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-118-132

Сказки (калм. *туульс*) являются важной и неотъемлемой частью устного творчества калмыцкого народа. Они отражают его духовную культуру, жизненный опыт, различные переживания и чаяния. Яркие, остроумные и легко запоминающиеся — калмыцкие народные сказки соз-

давались веками и передавались из поколения в поколение. Особую роль в процессе их устной передачи играли искусные сказочники-туульчи.

Наиболее ранние свидетельства письменной документации калмыцкого фольклора относятся к XVIII в. Немалую роль в этом сыграли немецкие миссионеры, братья-гернгутеры. Что касается первых публикаций калмыцких сказок, то они связаны с именем российского ученого немецкого происхождения Б. Бергмана, совершившего экспедицию в Калмыцкую степь в начале XIX в. Сюжет представленной в данной статье сказки найден в издании немецкого исследователя Б. Юльга [Julg 1866]. В конце XIX в. большой вклад в сбор и публикацию калмыцких сказок внесли такие ученые, как А. М. Позднеев, Н. Б. Бадмаев, а в начале XX в. — финский исследователь Г. И. Рамстедт, калмыцкий ученый Номто Очиров и русский калмыковед И. И. Попов.

На сегодняшний день значительная часть калмыцких народных сказок задокументирована и опубликована в разных источниках. Известный ученый-фольклорист Т. Г. Басангова отмечает, что «к калмыцким сказкам вполне применима мировая классификация по жанрам, хотя и есть некоторые особенности, — это сказки волшебные, бытовые, сатирические, богатырские, сказки о животных» [Басангова 2002: 3]. Впрочем, в народной среде такого деления на жанры не существовало. Известны две основные группы сказок: *ахр тууль* — короткая сказка (бытовая, сатирическая, сказка о животных) и *ут тууль* — длинная сказка (волшебная, богатырская) [Там же].

Публикуемый в данной статье материал в ряде предыдущих изданий представлен как «сказка» или «сказка о животных». Однако, поскольку он содержит не только занимательный или поучительный сюжет, но и объясняет происхождение особенностей внешнего вида и повадок представителей мира птиц, то с научной точки зрения его было бы целесообразно классифицировать как этиологическую сказку или этиологический миф.

Материал представлен в виде трех частей:

- 1) оригинальная запись на калмыцком языке в кириллической орфографии;
- 2) перевод на русский язык;
- 3) отдельная запись калмыцкого текста с поморфемным глоссированием. Предложения во всех трех частях пронумерованы для удобства поиска и сопоставления.

Калмыцкая часть следует варианту, опубликованному в сборнике калмыцких сказок и легенд «Хэв» [Хойт 2017]. Предложения (как и отдельные примеры в статье) выделены курсивом.

Русский перевод основан на вариантах, представленных в вышеупомянутом сборнике «Хэв» и в издании «Калмыцкие сказки» на русском языке [1982]. При этом в него были включены дополнительные пояснения: в круглых скобках (...) заключены слова и выражения, отсутствующие в калмыцком оригинале, но необходимые для грамматичности или для полного понимания литературного перевода. В квадратных скобках со знаком равенства [=...] представлены варианты буквального перевода калмыцких слов и выражений, помогающие прояснить структуру оригинального текста. В угловые скобки <...> заключены элементы, присутствующие в калмыцком тексте, но усложняющие литературный перевод на русский язык или делающие его малопонятным.

Отдельная запись с анализом включает две строки: первая содержит запись калмыцких предложений с делением на морфемы при помощи дефисов; вторая представляет поморфемную нотацию (глоссирование). При этом корневые морфемы передаются максимально близкими по смыслу русскими словами, а грамматические аффиксы — специальными условными обозначениями, список которых приведен в конце статьи. Обозначения морфем также разделены дефисами. Морфемы, выраженные имплицитно (безаффиксным способом), отмечаются нулем (Ø): это в определенных случаях винительный падеж (ACC), родительный падеж (GEN), множественное число (PL) и показатель императива второго лица единственного числа (IMP.2SG).

Когда одна калмыцкая морфема передается двумя или более элементами в строке глоссирования, они разделяются точками.

1. Шовун хан Һәрд, энүнә хатнъ Шар шовун бәәж. 2. Хаана хатн Шар шовун төрх цагнъ болад:

3. — Шовун хамгиг цуглулад, хамрарнъ келкәд өгтн, теднә зо деер төрнәв, — гиж хаандан медүлж келнә.

4. Хан Һәрд хатннаннъ үг соңсад, шовун хамгт зар тәвәд, цугтаһинъ цуглулж авад, хамрарнъ келкчкәд, тоолхла, Һурвлһ дутна. 5. Бийинъ эс соңсснд, хан уурлад, дәкн нег элч илгәнә. 6. Хаана аюл хату болад, Һурвлһ элчиг дахад ирнә.

7. — Иим удан ю кеһәд бәәвч? — гиж уурлж хан Һәрд Һурвлһас сурна.

8. — Чигтә цагт нисх живр өглт, чилгр өдр үздг нүд өглт? 9. Хонхднъ хонад, үдлхднъ үдләд, юм шинжләд йовад йовув, — гиж Һурвлһ хәрү өгв.

10. — Тегәд ю шинжләд йовбч? — гиж хан Һәрд сурв.

11. — Һазр деер үкснъ олмб, әмднъ олмб(и) гиж шинжлүв.

12. — Тегәд алькнъ олн санж?

13. — Унтсн күүг үкснд тоолхла, үкснъ олн болв.

14. — Дәкәд ю шинжлвч?

15. — Унсн моднъ олмб, урһа моднъ олмб гиж шинжлүв.

16. — Тегәд алькнъ олн санж?

17. — Үмкрсн модыг унснд тоолхла, унснъ олн болв.

18. — Дәкәд ю шинжлвч?

19. — Сөнъ олмб, өдрнъ олмб гиж шинжлүв.

20. — Тегәд алькнъ олн санж?

21. — Будта өдриг сөөд тоолхла, сөнъ олн болв.

22. — Дәкәд ю шинжлвч?

23. — Эрнъ олмб, эмнъ олмб гиж шинжлүв.

24. — Тегәд алькнъ олн санж?

25. — Эминнъ үлмәд бәәдг эр күүг эмин тоод тоолхла, эмнъ олн болв, — гив.

26. Эн үгин утхиг хан Һәрд медәд, шовун хамгиг цугтнъ сулдхад, эврәннъ хатн Шар шовуг:

27. — Дурта һазртан оч төр, — гиһәд көөж оркж.

28. Түүнэс нааран Шар шовун усна үрү-хумхлд өндглдэ болж, 29. Һурвлһ хамрарнь келклһнд эс орси учрар, хамр-тан нүкн уга болдг.

1. Царем птиц был Орел, а <его> царицей — (Самка) филина. 2. Когда царице <(Самке) филина> наступило время рожать, она <известив> сказала царю:

3. — Соберите всех птиц и свяжите их [= нанижите] за клювы, на их спинах (я) буду рожать.

4. Послушался царь Орел <свою> царицу [= Царь Орел, послушавшись слова своей царицы], оповестил об этом всех птиц, собрал их всех и связал [= нанизал] через клювы (пробив в них дырки). Стали считать, а Совы нет. 5. Разгневанная ее непослушанием [= Разгневавшись, что его не слушали], царь повторно направил <одного> посланца (за Совой). 6. (Поскольку) ярость царя была велика, Сова вместе с посланцем явилась к нему.

7. — Что ты делала так долго? — спросил <Сову> рассерженный царь.

8. — Разве (Вы) наделили меня крыльями, на которых (я могла бы) летать в сырую погоду? Разве (Вы) наделили меня глазами, которыми (я могла бы) видеть ясный день.

9. (Поэтому) я ночевала или дневала там, где необходимо было [= Где ночевать, ночевала, где дневать, дневала], и наблюдала, что происходит вокруг, — ответила Сова.

10. — Что же ты наблюдала? — спросил царь Орел.

11. — Я наблюдала, кого больше на земле: мертвых или живых.

12. — Кого же оказалось больше? (— спросил Орел.)

13. — Если спящих считать за мертвых, то мертвых больше (, — последовал ответ).

14. — Что еще ты наблюдала? (— спросил Орел.)

15. — Я наблюдала, каких деревьев больше: упавших или растущих.

16. — Каких же оказалось больше? (— спросил Орел.)

17. — Если сгнившие деревья считать за упавшие, то упавших больше (, — последовал ответ).

18. — А что еще ты наблюдала? (— спросил Орел.)

19. — Я наблюдала, чего больше: дней или ночей.
 20. — Чего же оказалось больше? (— спросил Орел.)
 21. — Если пасмурные дни считать за ночи, то ночей больше (, — последовал ответ).
 22. — А еще что ты наблюдала? (— спросил Орел.)
 23. — Я наблюдала, кого больше: мужчин или женщин.
 24. — Ну и кого же больше? (— спросил Орел.)
 25. — Если мужчина, находящийся в подчинении у женщин, считать за женщин, то женщин больше, — последовал ответ.
 26. Понял царь Орел намек Совы, [= Поняв смысл этого слова, царь Орел] (тотчас) освободил всех птиц, а <своей> царице <(Самке) филина> сказал:
 27. — Ступай куда хочешь [= в место, которое нравится] и там рожай.
 И прогнал ее.
 28. С тех пор (Самка) филина несется на прибрежных наносах. 29. А у Совы нет ноздрей, ведь она не попала в число связанных [= нанизанных] за клюв птиц.

1.

<i>Шовун-Ø-Ø</i>	<i>хан</i>	<i>Һәрд</i>	<i>энүнә</i>	<i>хат-нь</i>
птица-PL-GEN	царь	орел	его	царица-POSS.3

<i>Шар шовун</i>	<i>бәә-ж.</i>
филин [= рыжая птица]	быть-EV.PST

2.

<i>Хаана хатн</i>	<i>Шар шовун</i>	<i>төр-х</i>	<i>цаг-нь</i>	<i>бол-ад:</i>
царица	филин	рожать-PTCP.FUT	время-POSS.3	стать-CVB.PFV

3.

<i>Шовун</i>	<i>хамг-иг</i>	<i>цуглул-ад</i>	<i>хамр-ар-нь</i>
птица	все-ACC	собрать-CVB.PFV	нос-INS-POSS.3

<i>келк-эд</i>	<i>өг-тн</i>
нанизать-CVB.PFV	AUX-IMP.NON

<i>теднә</i>	<i>зо</i>	<i>деер</i>	<i>төр-нә-в</i>	<i>гиж</i>
их	спина	на	рожать-PRS-1SG	COMPL

хаан-д-ан медүл-жэ
царь-DAT-REFL известить-CVB.IPFV

кел-нэ.
сказать-PRS

4.

Хан Һәрд хатн-ан-нь үг-Ø
царь орел царица-GEN-POSS.3 слово-ACC

соңс-ад шовун-Ø хамг-т
слушать-CVB.PFV птица-PL все-DAT

зар тэв-эд цугта-һи-нь цуглул-жэ ав-ад
извещение ставить-CVB.PFV все-ACC-POSS.3 собрать-CVB.IPFVAUX-CVB.PFV

хамр-ар-нь келк-чк-эд тоол-хла Һурвлһ
нос-INS-POSS.3 нанизать-СMPL-CVB.PFV считать-CVB.COND сова

дутна.
отсутствовать-PRS

5.

Бий-и-нь эс соңс-сн-д хан уурл-ад дэжн
сам-ACC-POSS.3NEG слушать-PTCP.PST-DAT царь гневаться-CVB.PFV снова

нег элч-Ø илгэ-нэ.
один вестник-ACC посылать-PRS

6.

Хаан-а аюл хату бол-ад Һурвлһ элч-иг
царь-GEN угроза жесткий статья-CVB.PFV сова вестник-ACC

дах-ад ир-нэ.
следовать-CVB.PFV приходить-PRS

7.

Иим удан ю ке-һэд бээ-в-в-ч? гижэ
так долго что делать-CVB.PFV быть-REC-EP-2SG COMP

уурл-жэ хан Һәрд Һурвлһ-ас сур-на.
гневаться-CVB.IPFV царь орел сова-AVL спрашивать-PRS

8.

<i>Чиигтэ</i>	<i>цаг-т</i>	<i>нис-х</i>	<i>живр-Ø-Ø</i>	<i>өг-л-т</i>
сырой	время-DAT	летать-PTCP.FUT	крыло-PL-ACC	дать-PTCL.EMPH-2PL
<i>чилгр</i>	<i>өдр</i>	<i>үз-дг</i>	<i>нүд-Ø-Ø</i>	<i>өг-л-т?</i>
ясный	день	видеть-PTCP.NAV	глаз-PL-ACC	дать-PTCL.EMPH-2PL

9.

<i>Хонх-д-нь</i>	<i>хон-ад</i>	<i>үдлх-д-нь</i>	<i>үдл-эд</i>	
ночевать-DAT-POSS.3	ночевать-CVB.PFV	дневать-DAT-POSS.3	дневать-CVB.PFV	
<i>юм</i>	<i>шинжл-эд</i>	<i>йов-ад</i>	<i>йов-у-в</i>	<i>гиж</i>
вещь	наблюдать-CVB.PFV	ходить-CVB.PFV	AUX-REC-1SG	COMP
<i>Һурвлһ</i>	<i>хэрү</i>	<i>өг-в.</i>		
сова	ответ	дать-REC		

10.

<i>Тегэд</i>	<i>ю</i>	<i>шинжл-эд</i>	<i>йов-б-ч</i>	<i>гиж</i>
тогда	что	наблюдать-CVB.PFV	AUX-REC-2SG	COMP
<i>хан</i>	<i>Һэрд</i>	<i>сур-в.</i>		
царь	орел	спросить-REC		

11.

<i>Һазр</i>	<i>деер</i>	<i>үкс-нь</i>	<i>олм-б</i>	<i>эмд-нь</i>	<i>олм-б</i>
земля	на	мертвый-POSS.3	много-Q	живой-POSS.3	много-Q
<i>гиж</i>	<i>шинжл-ү-в.</i>				
COMP	наблюдать-REC-1SG				

12.

<i>Тегэд</i>	<i>альк-нь</i>	<i>олн</i>	<i>санж?</i>
тогда	какой-POSS.3	много	оказывается

13.

<i>Унтсн</i>	<i>күү-Ø-г</i>	<i>үксн-д</i>	<i>тоол-хла</i>	<i>үкс-нь</i>
спящий	человек-PL-ACC	мертвый-DAT	считать-CVB.COND	мертвый-POSS.3
<i>олн</i>	<i>бол-в.</i>			
много	стать-REC			

14.

<i>Дэкэд</i>	<i>ю</i>	<i>шинжл-в-ч?</i>
еще	что	наблюдать-REC-2SG

15.

Унсн мод-Ø-нь олм-б урһа мод-Ø-нь олм-б
упавший дерево-PL-POSS.3много-Q растущий дерево-PL-POSS.3много-Q
гиж шинжл-ү-в.
СОМР наблюдать-REC-1SG

16.

Тегэд альк-нь олн санж?
тогда какой-POSS.3 много оказывается

17.

Умкрсн мод-Ø-ыг унсн-д тоол-хла
сгнивший дерево-PL-ACC упавший-DAT считать-CVB.COND
унс-нь олн бол-в.
упавший-POSS.3 много стать-REC

18.

Дэкэд ю шинжл-в-ч?
еще что наблюдать-REC-2SG

19.

Сө-Ø-нь олмб өдр-Ø-нь олм-б гиж шинжл-ү-в.
ночь-PL-POSS.3много-Q день-PL-POSS.3много-Q СОМРнаблюдать-REC-1SG

20.

Тегэд альк-нь олн санж?
тогда какой-POSS.3 много оказывается

21.

Будта өдр-Ø-иг сөө-Ø-д тоол-хла сө-Ø-нь
пасмурный день-PL-ACC ночь-PL-DAT считать-CVB.CONDночь-PL-POSS.3
олн бол-в.
много стать-REC

22.

Дэкэд ю шинжл-в-ч?
еще что наблюдать-REC-2SG

23.

Эр-Ø-нь олм-б эм-Ø-нь олм-б гиж
мужчина-PL-POSS.3 много-Q женщина-PL-POSS.3 много-Q СОМР

шинжл-ү-в.

наблюдать-REC-1SG

24.

Тегэд альк-нь олн санжэ?
тогда какой-POSS.3 много оказывается

25.

Эм-ин-нь үлмэ-д бээ-дг эр күү-Ө-г
женщина-GEN-POSS.3 влияние-DAT быть-PTCP.NAV мужчина человек-PL-ACC
эм-ин тоо-д тоол-хла эм-Ө-нь олн
женщина-GEN число-DAT считать-CVB.COND женщина-PL-POSS.3 много
бол-в ги-в.
статья-REC говорить-REC

26.

Эн үг-ин утх-иг хан Гард мед-эд шовун хамг-иг
это слово-GEN смысл-ACC царь орел узнать-CVB.PFV птица все-ACC
цугт-нь сулдх-ад эврэн-нь хатн Шар шову-г:
все-POSS.3 освободить-CVB.PFV свой-POSS.3 царица филин-ACC

27.

Дурта hazp-т-ан оч [< од-жэ]
какая нравится земля-DAT-REFL уходить-CVB.IPFV
төр-Ө ги-һэд
рожать-IMP.2SG говорить-CVB.PFV
көө-жэ орк-жэ.
прогнать-CVB.IPFV AUX-EV.PST

28.

Түүнэс нааран Шар шовун усн-а үрү-хумхл-д
оттуда сюда филин вода-GEN нанос-засохшее-DAT
өндгел-дг бол-жэ.
нестись-PTCP.NAV статья-EV.PST

29.

Һурвлһ хамр-ар-нь келк-лһн-д эс ор-сн учрар
сова нос-INS-POSS.3 нанизать-NMZ-DAT NEG попасть-PTCP.PST из-за

хамр-т-ан нүкн уга бол-дг.
нос-DAT-REFL отверстие NEG статья-PTCP.NAV

Условные обозначения

Таблица условных обозначений состоит из четырех столбцов.

В первом столбце, в алфавитном порядке, приведены глоссы, в том числе сложные. За основу выбраны стандартные обозначения, изложенные в лейпцигских правилах глоссирования [The Leipzig Glossing Rules], и используемые в современных исследованиях калмыцкой грамматики.

Во втором столбце представлены соответствующие глоссам калмыцкие морфемы.

В третьем столбце — определения глосс в соответствии с современной, принятой в лингвистике терминологией, в том числе используемой в таких работах по калмыцкому языку как [Сай и др. 2009] и [Skribnik 2014]. Впрочем, единой, выработанной для калмыцкого языка системы обозначения грамматических категорий, очевидно, пока не существует, поэтому используемые здесь обозначения в определенной степени условны.

В четвертом столбце содержатся определения глосс согласно широко известной терминологии, представленной в грамматике калмыцкого языка Г. Д. Санжеева [Санжеев 1983]. При совпадении с обозначением, представленным в столбце 3, в ячейке стоит знак повтора (""). Если морфема не рассматривается Г. Д. Санжеевым в качестве отдельного показателя, то в ячейке стоит прочерк.

∅		нулевая морфема	""
1, 2, 3		1, 2, 3 лицо	""
1SG	-в	1 л. ед. ч.	лично-предикативная частица 1 л. ед. ч.
2PL	-т	2 л. мн. ч.	лично-предикативная частица 2 л. мн. ч.
2SG	-ч	2 л. ед. ч.	лично-предикативная частица 2 л. ед. ч.

ABL	-ас (эс)	аблатив	исходный падеж
ACC	-иэ, -э, -(h) и, -Ø	аккузатив	винительный падеж
AUX	-ав, -йов, -орк, -өэ	вспомогательный глагол	"
CMPL	-чк	комплетив	законченный вид
CVB.COND	-хла (хла)	условное деепричастие	"
CVB.IPFV	-жэ	соединительное деепричастие	"
CVB.PFV	-ад (эд)	разделительное деепричастие	"
COMP	-гижэ	комплементаризер	союз в придаточном предложении
DAT	-д	датель	дательно-местный падеж
EP	-в (ү)	эпентетический сегмент	—
GEN	-ин, -а (э), -Ø	генитив	родительный падеж
EV.PST	-жэ	эвиденциальное прошедшее	прошедшее результативное
IMP	-Ø	императив	повелительное наклонение
IMP.HON	-тн	гоноративная форма императива	форма вежливого обращения
INS	-ар (эр)	инструменталис	орудный падеж
NEG	-уга, -эс	отрицание	отрицательная частица
NMZ	-лһн	номинализация	—
PL	-Ø	множественное число	"
POSS.3	-нь	посессив 3 л.	лично-притяжатель- ная частица
PRS	-на (нэ)	настоящее-будущее время	настоящее (конкрет- ное, расширенное, узальное)
PTCLEMPH	-л	эмфатическая частица	усилительно-выде- лительная частица

PTCP.FUT	-х	причастие будущего времени	”
PTCP.NAV	-дг	хабитуальное причастие	многократное причастие
PTCP.PST	-сн	причастие прошедшего времени	”
REC	-в	недавнопрошедшее время	”
Q	-б	вопросительная частица (-у, -б, -в)	”
REFL	-ан (эн)	рефлексивный посессив	возвратная частица
SG		единственное число	”

Литература

Басангова 2002 — Басангова Т. Г. (сост. и пер.). *Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки*. Элиста, 2002.

Калмыцкие сказки 1982 — *Калмыцкие сказки*. Пер. с калмыцкого. Переиздание. Элиста, 1982.

Сай и др. 2009 — Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. (ред.). *Исследования по грамматике калмыцкого языка*. (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V, ч. 2). Санкт-Петербург, 2009.

Санжеев 1983 — Санжеев Г. Д. (отв. ред.). *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста, 1983.

Хойт 2017 — Хойт С. К. (сост.) *Хөв. Хальмг туульс болн домгуд* [Счастье. Калмыцкие сказки и легенды, на калмыцком и русском языках]. Москва, 2017.

Julg 1866 — Julg B. *Kalmückische Märchen*. Leipzig, 1866.

Skribnik 2014 — Skribnik, E., Seesing, O. Evidentiality in Kalmyk. *The Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology*. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.) Oxford University Press, 2014, 148–170.

The Leipzig Glossing Rules — The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses, URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> (Последняя дата обращения: 26.05.2023).

References

Basangova T. G. (sost. i per.). *Sandalovyy larets. Kalmytskiye narodnyye skazki* [Sandalwood casket. Kalmyk folk tales]. Elista, 2002. (In Russ.)

Etiologicheskiye mify [Etiological myths]. URL: <https://www.peoplesmyths.com/e/etiologicheskie-mifyi.html> (Последняя дата обращения: 25.04.2023). (In Russ.)

Julg B. *Kalmückische Märchen* [Kalmyk fairy tales]. Leipzig, 1866.

Kalmytskiye skazki [Kalmyk fairy tales]. Per. s kalmytskogo. Pereizdaniye. Elista, 1982. (In Russ.)

Khoyt S. K. (sost.). *Khøv. Khal'mg tuul's boln domgud*. [Good luck. Kalmyk fairy tales and legends]. Moskva, 2017 ("Schast'ye. Kalmytskiye skazki i legendy, na kalmytskom i russkom yazыkakh") [Good luck. Kalmyk fairy tales and legends, in Kalmyk and Russian]. (In Kalmyk and Russ.)

Saj S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaja N. V. (red.). *Issledovaniya po grammatike kalmyckogo jazyka* [Research on Kalmyk grammar]. (Acta Lingüistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvистических issledovanij RAN. T. V, ch. 2). Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Sanzheyev G. D. (otv. red.). *Grammatika kalmytskogo jazyka. Fonetika i morfologiya* [A grammar of Kalmyk. Phonetics and morphology]. Elista, 1983. (In Russ.)

Skribnik, E., Seesing, O. Evidentiality in Kalmyk. *The Grammar of Knowledge: A Cross-Linguistic Typology*. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Oxford University Press, 2014, 148–170.

The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses, URL: www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php (Последняя дата обращения: 26.05.2023).

Сказка «О козе и козлятах» на рушанском и хуфском языках

Лейли Рахимовна Додыхудоева

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
leiladod@yahoo.com*

В статье приведены тексты народной сказки «О козе и козлятах» на рушанском и хуфском языках. Рушанский вариант сказки записан А. К. Писарчик в 1943 г., хуфский текст — В. С. Соколовой в 1951 г. Оба текста были изданы в записи на основе фонологического принципа, причем в рушанском варианте отмечены и фонетические особенности речи. Тексты записаны на базе международной иранистической транскрипции с русским переводом. В настоящей статье тексты снабжены поморфемной нотацией.

Оба текста являются ценными письменными документами, фиксирующими бесписьменный язык на достаточно раннем хронологическом срезе.

Несмотря на значительную близость культурных традиций и фольклора населения региона Западного Памира, на примере данной сказки можно выделить расхождение в сюжетных приемах, числе и составе персонажей. Предлагаемые сказки Рушана и Хуфа отличаются от более распространенной в Средней Азии истории о единоборстве козы и волка заменой антагониста на медведя.

Ключевые слова: памирские языки, рушанский язык, хуфский язык, сказка

Для цитирования: Додыхудоева Л. Р. Сказка «О козе и козлятах» на рушанском и хуфском языках. *Родной язык*, 2023, 2: 133–155.
DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-133-155

“The Goat and her kids”: A folk tale in Rushani and Khufi

Leyli Rahimovna Dodykhudoeva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
leiladod@yahoo.com*

This article presents the texts of “The Goat and her kids”, a folk tale in the Rushani and Khufi languages. The Rushani version of the story was recorded by A. K. Pisarchik in 1943; the Khufi text was recorded in 1951 by V. S. Sokolova. Both texts are transcribed on the basis of the phonological principle using international Iranian transcription, with Russian translation; in the Rushani version the phonetic features of speech are also noted. In the present publication these texts are provided with morpheme-by-morpheme glossing.

Both texts are valuable written documents that record an unwritten language at a relatively early point in time.

Despite the significant similarity of the cultural traditions and folklore of the Western Pamir peoples, the example of this folk tale highlights discrepancies in plot, theme and cast of characters. Differing from the more common story, widespread in Central Asia, about a fight between a goat and a wolf, the Rushani and Khufi tales presented here notably replace the antagonist with a bear.

Keywords: Pamir languages, Rushan language, Khufi language, folk tale

For citation: Dodykhudoeva L. R. “The Goat and her kids”: A folk tale in Rushani and Khufi. *Rodnoy Yazyk*, 2023, 2: 133–155.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-133-155

К народной сказке о козочке и ее козлятах, широко известной в Средней Азии, Иране и Афганистане, а также в России, мы уже обращались [Dodykhudoeva, Nazarova 2021; Эдельман, Додыхудоева 2022]. Эта народная сказка о козе широко известна по всему Таджикистану. Она существует в нескольких вариантах на таджикском и памирских языках.

Несколько таджикских вариантов этой сказки под названием «Коза с кудрявыми ногами» («Бузаки чингилапо») записаны в начале XX в. [Сухарев, Сухарева 1934: 25–44; Розенфельд 1948: 206; Коза 1952], в настоящее время появились новые ее обработки [2008; 2013; 2019]. В основу сюжета сказки в основном положена история козочки, которая вступает в единоборство с волком, борясь за жизнь своих семерых или троих козлят. См. также персидский вариант, где героями являются волк, мать-коза и три ее козленка [Шангул и Мангул 1958].

В 2011 г. в ходе полевой работы Л. Р. Додыхудоевой и Ш. П. Юсуфбековым в селении Рын был записан ишкашимский вариант «Сказка о Булюле» («Булул(ак) афсона»). Текст был записан у мальчика 6 лет, владевшего только родным ишкашимским языком¹. В 1956 г. сказка «О козе и козлятах» была записана Джой Иосифовной Эдельман в Язгуляме². В 2022 г. данный текст был вновь опубликован в первоначальной редакции на основе транскрипции, доработанной Дж. И. Эдельман для язгулямского языка с применением международной иранистической транскрипции с русским переводом и поморфемной нотацией текста [Эдельман, Додыхудоева 2022].

Эта сказка известна и шугнанским детям, по сюжету и составу участников она близка таджикской и ишкашимской сказке о козе и волке³.

¹ Другой вариант этой сказки Джахоноро Холдоровой из села Рын записан в 2018 г., см. подробнее в [Dodykhudoeva, Nazarova 2021].

² Текст «О козе и козлятах» был записан Д. И. Эдельман у Аёмбегим Иматихудоевой в кишлаке Андарбаг в качестве одного из образчиков языка народного фольклора [Эдельман 1966: 210–211, № 15].

³ Аудио- и видеозапись этой сказки сделаны у Давлатсилтон Шукуллоевой в сел. Поршинев, Шугнан. Графическая запись текста проведена на основе международной иранистической транскрипции, разработанной на базе латинского алфавита (полевые материалы Л. Р. Додыхудоевой, 2018, 2023).

В экспедиции Института языка и литературы Таджикского филиала АН СССР по изучению быта и языков Припамирья в 1943 г. известным этнографом А. К. Писарчик был записан в сел. Барушон со слов Амоншо Асальбекова рушанский вариант сказки. Текст был подготовлен ею к изданию в фонологической записи, сочетающейся с элементами фонетической. Как отмечает сама А. К. Писарчик, «отмечались и наиболее характерные обязательные варианты гласных фонем (например, переход *и* в *o* в абсолютном исходе и некоторые другие), которые удалось установить при записи», были отмечены также «краткое узкое *o*», «*ı̄* — долгий среднего подъема звук... имеющийся с фонематическим значением и в рушанском», а также расхождения в передаче ряда гласных фонем, например *i/e* [Писарчик 1954: 4–5; 13–14, 35–36]. Ср., например, подачу данных и др. гласных И. И. Зарубиным: руш. *ǰōj/ǰı̄j*, рош. *ǰı̄j, ǰōj*, б. *ǰı̄j/ǰı̄j* ‘бык’ [Зарубин 1937: 73], а также разработку рушанского вокализма В. С. Соколовой с указанием диапазона краткого *и* как «*u*» «*υ*» «*o*» «*ɔ*», а *ı̄* как «*i*» «*ı*» «*e*» «*ē*» [Соколова 1953: 106–119].

Хуфский текст, записанный у ученика 10-го класса Одина Кадамова из Паст-Хуфа в 1951 г., опубликован В. С. Соколовой на основе фонологической транскрипции [Соколова 1959: 69–70; 1966: 394].

Целью записей текстов в XX в. был в первую очередь сбор информации о языке. И рушанский, и хуфский тексты дают представление о языке первой половины XX в. Оба текста являются ценными письменными документами, фиксирующими бесписьменный язык на раннем хронологическом срезе. В силу этого в настоящей статье оригинальная подача текстов в их исходной редакции, а также русские переводы сохраняются.

В предлагаемой статье оба текста снабжены поморфемной нотацией. Тексты представлены в следующем формате: пофразовая оригинальная запись текста с разбивкой по номерам (рушанский текст дается в исходной авторской подаче на основе фонологической записи с элементами фонетической; хуфский — в фонологической транск-

рипции); строка поморфемной нотации дается в фонологической транскрипции с полным графическим представлением форм; перевод на русский язык.

В грамматических комментариях отметим, что по традиции в иранских языках при записи глагольных форм в прошедших временах выделяются отделяемые энклитические показатели, которые могут присоединяться в речи к любому члену, тяготея к началу высказывания. Для непереходных глаголов в глоссах отмечаются формы, отличающие в прошедших временах род и число. Стяжения форм в строке поморфемной нотации, как правило, развернуты.

В тексте представлен ряд богатых семантическими оттенками послелогов, которые наряду с наречиями и местоименными наречиями используются для указания на ориентацию в пространстве (послелоги пространственной ориентации) и передают условно функции падежных форм.

Что касается изучения фольклора, особенно языка фольклорной традиции, то следует указать, что представленные в настоящей статье рушанский и хуфский тексты дают образцы языка фольклора времени их записи — первой половины XX в. Сами сюжеты, по-видимому, не могут быть названы исконными. При этом, несмотря на значительную близость культурных традиций региона Западного Памира и его фольклора, на примере данной сказки можно выделить расхождение в сюжетных приемах, числе и наборе персонажей. Предлагаемые в настоящей статье две сказки Рушана и Хуфа отличаются от более распространенной в Средней Азии истории о единорожке козы и волка заменой антагониста на медведя.

В целом сюжетная канва истории в рушанском и хуфском вариантах сказки сохранена, в обоих текстах фигурируют два козленка, которые становятся жертвой обмана. Но их обманул и съел не волк, а медведь. Близкая по трактовке сказка о козе и ее козлятах, съеденных медведем, известна сегодня и на одном из дардских языков — тор-

вали⁴; в поздних обработках близкие трактовки зафиксированы и в таджикских сказках.

Знаменательно, что в данной сказке нарушено стандартное восприятие гендерного распределения ролей в таджикском обществе, и мать-коза выступает активным участником противоборства, при помощи обходительного поведения она обретает помощь мастера-кузнеца в своем правом деле и посредством смекалки и находчивости одерживает верх над недоброжелателем, выступающим в мужской ипостаси (волк или медведь).

1. Рушанский текст

Vazak

Козочка

vaz-ak

коза-DIM

1 ī vazak vij.

ī	vaz-ak	vij
один	коза-DIM	быть.PRF

Была одна козочка.

2 vazak-an δaw giĵ vij.

vaz-ak=an	δaw	giĵ	vij
коза-DIM=3PL	два	козленок.F	быть.PRF

У козочки было двое козлят.

3 vazak daδ sic tar wōĵ-xīg.

vaz-ak	daδ	sic	tar	wōĵ-xīg
коза-DIM	потом	идти.PRF.F	в	трава-есть.INF1

Пошла козочка пастись.

⁴ По этой сказке под названием «Ангааг о Бангааг (и Чангааг) Институтом образования и развития (Идара Барайе Талим-о-Тараки, ИВТ) создан мультфильм, который доступен в сопровождении английского перевода Зубайра Торвали на YouTube (20 марта 2020 г.): <https://www.youtube.com/watch?v=Q0MzDMFToaA>.

4 uf-e ar rōn darun ribūj, daδ tāyd, tāyd wōḥ-xīg.

(w)uf=i ar rōn darun ribūj daδ tāyd
 3D.PL.OBL=3SG в ниша внутрь класть.PRF потом идти.PST.F
 tāy-d wōḥ-xīg
 идти.PST.F трава-есть.INF1

Их (козлят) положила в нишу и пошла, пошла пастись.

5 wōḥ-e daδ xō, sīr-e xu čō, daδ-e xu yēmānde wōḥ, xu ḥawānde
 ḥas, xu tojānde ḥuvd ču-xō, zūḥte-xō yat tar čōd.

wōḥ=i daδ xūg sīr=i xu
 трава=3SG потом есть.PST сытый=3SG себя

čūg daδ=i xu
 делать.PST потом=3SG свой

yēm=andi wōḥ xu ḥaw=andi ḥas xu toj=andi ḥuvd
 рот=LOC трава свой рот=LOC вода свой вымя=LOC молоко

čūg=xu zūḥt=i=xu yat tar čōd
 делать.PST=и брат.PST=3SG=и приходить.PST в дом

Поела травы, насытилась, потом взяла в рот траву, на рога
 воду, в вымя молоко и пришла домой.

6 yat pa divo, daδ-e luvd:

yat pa divo daδ=i luvd
 приходить.PST к дверь потом=3SG сказать.PST

Širīn gal-gal, Fōtmā ziḡ-ziḡ,

Širīn gal-gal Fōtmā ziḡ-ziḡ
 Ширин OM-OM Фотьма OM-OM

divo wiḥāy, pōgā zida,

divo wiḥāy pōgā zidār
 дверь открыть.IMP пол мести.IMP

tāčēn zinay, Širīn gal-gal!

tāč-ēn zinay Širīn gal-gal
 миска-PL мыть.IMP Ширин OM-OM

Пришла к двери сказала:

Ширин галь-галь, Фотьма дзиг-дзиг⁵,

Открой дверь, подмети пол

Вымой миски, Ширин галь-галь!

7 daδ indayd-xo, daδ-an uf xuvd rivd, xac-an birũxt-at wõx-an xo.

daδ	indayd=xu	daδ=an	(w)uf
потом	входить.PST=и	потом=3PL	3D.PL.OBL

xuvd	rivd	xac=an
молоко	сосать.PST	вода=3PL

birũxt=at	wõx=an	xũg
пить.PST=и	травы=3PL	есть.PST

Потом вошла. Они пососали молока, выпили воду, съели траву.

8 daδ võ ribuye ar rõn uf-xo võ wõx-xĩg tãyd.

daδ	võ	ribũg=i	ar rõn	(w)uf=xu	võ
потом	опять	класть.PST=3SG	в ниша	3D.PL.OBL=и	опять

wõx-xĩg	tãyd
травы-есть.INF1	идти.PST

Потом опять положила их в нишу и ушла пастись.

9 daδ võ wõx-e xu-xo sĩr-e xu ço.

daδ	võ	wõx=i	xũg=xu	ĩr=i	xu	çũg
потом	опять	травы=3SG	есть.PST=и	сытый=3SG	себя	делать.PST

Опять поела травы, насытилась.

10 yã yal tar sãrõ-t yurx pa divu yat-xo qĩwte tar řĩrĩn-at Fõtmã:

yã	yal	tar sãrõ=(a)t	yurx	pa divo	yat=xu
3D.SG.DIR	еще	в степь=и	медведь	к дверь	приходить.PST=и

qĩw-t=i	tar	řĩrĩn-at	Fõtmã
звать.PST=3SG	в	Ширин=и	Фотьма

řĩrĩn gal-gal, Fõtmã zĩy-zĩy,

řĩrĩn	gal-gal	Fõtmã	zĩy-zĩy
Ширин	ОМ-ОМ	Фотьма	ОМ-ОМ

⁵ Разъяснение см. в [Писарчик 1954: 35]: дзиг-дзиг — возглас, которым подзывают козлят, галь-галь возглас, употребляемый для успокоения коз при их доении.

divo wiḫāy, pōgā zida,

divo wiḫāy pōgā zidār
дверь открыть.IMP пол мести.IMP

tāčēn zinay, širīn gal-gal!

tāč-ēn zinay širīn gal-gal
миска-PL мыть.IMP Ширин Ом-Ом

Она еще в степи, а медведь подошел к двери и позвал Ширин и Фотьму:

Ширин галь-галь, Фотьма дзиг-дзиг,

Открой дверь, подмети пол,

Вымой миски, Ширин галь-галь!

11 daδ Fōtmā luv(d) dide: “id nist māš mōd”-xo dāδ-an at wayre [na] čo.

daδ Fōtmā luv(d) didi id n-ist māš mōd=xu
потом Фотьма сказать.PST COMPL это NEG-есть.COP 1PL мать=и

dāδ=an at way=ri na-čüg
2D.PL.DIR=3PL открытый 3D.SG.M.OBL=LAT NEG-делать.PST

Тогда Фотьма сказала: «Это не наша мать», и они ему не открыли.

12 širīn na girt, dide: — “id māš mōd”.

širīn na-girt didi id māš mōd
Ширин NEG-согласиться.PST COMPL это 1PL мать

Ширин не согласилась: «Это наша мать».

13 daδ-an at ču wayre-xo yā indayd.

daδ=an at čüg way=ri=xu
потом=3PL Открытый делать.PST 3D.SG.M.OBL=LAT=и

yā indayd
3SG.DIR входить.PST

Потом они открыли ему, и он вошел.

14 daδ-e uf giḫbicēn qār δūde-xo xūye.

daδ=i (w)uf giḫ-bic-ēn
потом=3SG 3D.PL.OBL козленок.F-детеныш.F-PL

qār δūd=i=xu
захват давать.PST=3SG=и

Волк сказал: «Я их не съел: если я их съел, то я съел корзину кала».

19 daδ vō um (vaz) yurĭ pawšĭ: “a yurĭ, mu giĭbicēn tā xūg?”
 daδ vō (w)um (vaz) yurĭ pawšĭ a yurĭ
 потом снова 3D.SG.F.OBL коза медведь спросить.PRF VOC медведь
 mu giĭ-bic-ēn tā xūg
 1SG.OBL козленок.F-детеныш.F-PL 2SG.OBL есть.PST
 Потом она еще медведя спросила: «Эй, медведь, моих козлят ты съел?»

20 way luvd: “mu xūg, pūt-um čŭ-t (=ču-at) laq-um δŭd”.
 way luvd mu xūg pūt=um čŭg=at
 3D.SG.M.OBL сказать.PST 1SG.OBL есть.PST мяч=1SG делать.PST=и
 laq-um δŭd
 глоток=1SG давать.PST

Он сказал: «Я съел, свернул их мячиком и проглотил».

21 daδ-an sat tar qōzi-Majit xiz dōδ.
 daδ=an sat tar qōzi Majit xiz dōδ
 потом=3PL идти.PST.PL в Судья Маджид место закон
 Потом они пошли к судье Маджиду, за правосудием.

22 luvd dide: “mu gaĭen day yurĭ xō”.
 luvd didi mu gaĭen
 сказать.PST COMPL 1SG.OBL козлята.PL
 day yurĭ xūg
 2D.M.SG.OBL медведь есть.PST

Сказала: «Этот медведь съел моих козлят».

23 luvd dide: “δēd kinaf”.
 luvd didi δēd kin-af
 сказать.PST COMPL драться.INF1 делать.PRS-2PL
 (Судья) сказал: «Деритесь!»

24 daδ sat, xu ŭvud-e dawd-xō yī diġande xaĭpā-ye pōxt-xō yūde wustōre.

daδ sat xu řuvd=i δawd=xo yī dīg=andi
 потом идти.PST.F свой молоко=3SG доить.PST=и один котел=LOC
 хаřpā=yī poxt=xu yūd=i wustō=ri
 похлебка=3SG варить.PST=и нести.PST=3SG мастер=LAT
 Тогда она пошла, надоила своего молока, сварила котел муч-
 ной похлебки и отнесла мастеру (кузнецу).

25 wustō daδ umre ānin řawēn wirořt.
 wustō daδ (w)um=ri ānin řaw-ēn wirořt
 мастер потом 3D.SG.F.OBL=LAT железный por-PL строить.PST
 Мастер сделал ей железные рога.

26 yurř daδ řipāk řerte riř δūd-xo zũřte-xo wustore yūd.
 yurř daδ řipāk řēr=ti riř δūd=xu
 медведь потом плоский камень=SUP испражнение давать.PST=и
 zũřt=i=xu wustō=ri yūd
 брать.PST=3SG=и мастер=LAT нести.PST
 А медведь испражнился на плоский камень, взял и отнес
 мастеру.

27 wustō wayre as qār kamūlin řawēn wirořt.
 wustō way=ri as qār kamūlin řaw-ēn wirořt
 мастер 3D.SG.M.OBL=LAT с гнев камольский por-PL строить.PST
 Мастер, рассердившись, сделал ему рога из камуля⁶.

28 daδ-an yurř-ata vaz tar řuřmā řac-birēřt-an sat.
 daδ=an yurř=atā vaz tar řuřmā
 потом=3PL медведь=и коза в ручей
 řac-birēřt=an sat
 вода-пить.INF1=3PL идти.PST.PL

Потом медведь и коза пошли к ручью пить воду.

29 daδ yurř řac indōnd lap birũřt dide way qoç way dāmte sut.
 daδ yurř řac indōnd lap birũřt didi way
 потом медведь вода столько много пить.PST COMPL 3D.SG.M.OBL

⁶ Название растения с полыми с мягкой сердцевинной стеблями растения, растущего в горах, ранее употреблялось в качестве катушек для пряжи [Писарчик 1954: 36].

qoĉ way dām=ti sut
живот 3D.SG.M.OBL спина=SUP идти.PST.M

Медведь выпил столько воды, что живот у него раздулся до спины.

30 vazaki badbaxt fānd-e ĉu-xo ħac-e na birũĥt.

vaz-ak=i badbaxt fānd=i ĉũg=xu
коза-DIM=IZ несчастный обман=3SG делать.PST=и

ħac=i na-birũĥt
вода=3SG NEG-пить.PST

Злосчастная козочка схитрила и воды не пила.

31 daδ-an yurĥ-at vaz-an niδāvδ.

daδ=an yurĥ=at vaz=an niδāvδ
потом=3PL медведь=и коза=3PL цепляться.PST.PL

Потом медведь и коза сцепились.

32 vaz luvd: “tu pirō de”, yurĥ luvd: “tu pirō de”.

vaz luvd tu pirō dē yurĥ luvd
коза сказать.PST 2SG.DIR сначала бить.IMP медведь сказать.PST

tu pirō dē
2SG.DIR сначала бить.IMP

Коза сказала: «Сначала ты бей!» Медведь сказал: «Сначала ты бей».

33 vaz daδ na dēĉ-at yurĥ daδ dēĉ.

vaz daδ na-dēĉ=at yurĥ daδ dēĉ
коза потом NEG-бить.PRF=и медведь потом бить.PRF

Коза не ударила, а медведь ударил.

34 tō daw rūδ um pa qoĉ-e dũĵ-at way ħawēn-an ĉiraxast viraĥĉ.

tō daw rūδ (w)um pa
как два раз 3D.SG.F.OBL в
qoĉ=i dũĵ=at way
живот=3SG ударять.PRF=и 3D.SG.M.OBL

ħaw-ēn=an ĉiraxast viraĥĉ
рог-PL=3PL грохот ломаться.PRF.PL

Как только ударил ее два раза в живот, его рога с треском сломались.

35 daδ vaz vō way pa qoč-e δūj xu ǰawēn qatay.

daδ vaz vō way pa qoč=i
потом коза снова 3D.SG.M.OBL в живот=3SG

δūj xu ǰaw-ēn qatay
ударять.PRF свой рог-PL COM

Потом коза ударила его в живот своими рогами.

36 to daw pūδ-e δūj-at way qoč parosč-xo riš tar ī pēs-at gajēn-an tar ī pēs niǰtāyd.

to daw pūδ=i δūj=at way
до два раз=3SG ударять.PRF=и 3D.SG.M.OBL

qoč parosč=xu riš
живот рваться.PRF.M=и кал

tar ī pēs=at gajēn=an tar
в один сторона=и козлята.3PL в

ī pēs niǰtāyd
один сторона выходить.PST.PL

Как только она ударила его два раза, его живот разорвался, содержимое кишок вышло наружу в одну сторону, а козлята в другую.

37 dāδ xu gajēn-e zūǰt-xo tar xu čod tāyd.

dāδ xu gajēn=i zūǰt=xu tar
2D.PL.DIR свой козлята.PL=3SG брать.PST=и в

xu čod tāyd
свой дом идти.PST.F

Взяла она своих козлят и пошла домой.

2. Хуфский текст

1 vic na vic, yi vaz vic.

vic na-vic yi vaz vic
быть.PRF.F NEG-быть.PRF.F один коза быть.PRF.F

Было ли, не было — была одна коза.

2 umōw-an δaw guj vaǰ, yīw šīringalgay=at yīw fōtmagalgay.

(w)um-ōw=an δaw guj vaǰ yīw
3D.SG.F.OBL-POSS=3PL два козленок.М быть.PRF.PL один

Šīringalgay=at yīw Fōtmagalgay
Ширингальгай=и один Фотмагальгай

У нее были козлята: один — Ширингальгай, другой — Фоть-магальгай.

3 ar mīθ-ta yaw vaz sawd at vīrd uf-ri wōǰ.

ar mīθ-ta yaw vaz
каждый день=FUT 3D.SG.DIR коза

saw-d=at vīr-d
идти.PRS-3SG=и приносить.PRS-3SG

(w)uf=ri wōǰ
3D.PL.OBL=LAT трава

Каждый день коза идет и приносит для них травы.

4 mīθō vawd idi, yurǰ uf sir-ti δayd xo, bād sawd pi divo lūvd:

mīθō vaw-d idi yurǰ (w)uf sir-ti
однажды быть.PRS-3SG что медведь 3D.PL.OBL тайна=SUP

δay-d=xo bād saw-d pi divo lūv-d
падать.PRS-3SG=и потом идти.PRS-3SG к дверь сказать.PRS-3SG

Однажды случается, что в их тайну проникает медведь, идет к дверям и говорит:

5 “šīringalgay, day divo wiǰay”

Šīringalgay day divo wiǰay
Ширингальгай 2D.SG.M.OBL дверь открыть.IMP

«Ширингальгай, открой дверь!»

6 at šīringalgay lūvd: “id ǰō mu mōd” xo, divo-yi wiǰæd

at šīringalgay lūvd id ǰō mu mōd xo
и Ширингальгай сказать.PST это возможно 1SG.OBL мать и

divo-yi wiǰæd
дверь=3SG открыть.PST

Ширингальгай подумал: «Это ведь моя мать», — и открыл двери.

11 azadandi yaw vaz tīzd.

azadandi yaw vaz tīzd
оттуда 3D.SG.DIR коза идти.PRS.3SG

Тогда коза идет дальше.

12 xīlak jōy sawd-atā, yurġ um-ri diġōr ḡayd.

xīl-ak jōy saw-d=atā yurġ
много-DIM место идти.PRS-3SG=и медведь

(w)um=ri diġōr ḡay-d
3D.SG.F.OBL=LAT навстречу падать.PRS-3SG

Проходит некоторое расстояние и навстречу ей попадает медведь.

13 lūvd: ēy yurġ, mu ziryoṭēn-at wīnt?”

lūv-d ēy yurġ mu ziryoṭ-ēn=at wīnt
сказать.PRS-3SG VOC медведь 1SG.OBL ребенок-PL=2SG видеть.PST

Она говорит: «Эй, медведь, не видел ли ты моих детей!»

14 at yurġ mariġān ċūg xo, lūvd: “taw ziryoṭēn-um xūg-at, taw mis zænum (// uf-um xūg-at, taw mis xām).

at yurġ mariġān ċūg=xo lūvd=i taw
а медведь рева делать.PST=и сказать.PST=3SG 2SG.OBL

ziryoṭ-ēn=um xūg=at taw mis zæn-um
ребенок-PL=1SG есть.PST=и 2SG.OBL тоже убить.PRS-1SG

Медведь заревел и сказал: «Я твоих детей съел. Их съел и тебя съем».

15 vaz azadandi indīzd xu tīzd tar wistō xīz, lūvd:

vaz azadandi indīz-d=xu tīzd tar wistō xīz
коза отсюда подняться.PRS-3SG=и идти.PRS.3SG в кузнец место

lūv-d
сказать.PRS-3SG

Тут коза [поднимается отсюда и] отправляется к кузнецу и говорит:

16 “ē wistō, to a-rang vawd idi, mu-rd yi ānin ḡawen ki idi,

ē wistō to a(r)-rang vaw-d (d)idi mu=rd
VOC кузнец 2SG.DIR всякий-род быть.PRS-3SG COMPL 1SG.OBL=LAT

yi ānin ǰaw-en ki (d)idi
 один железный рог-PL делать.IMP COMPL

«Кузнец, ты как-нибудь [=во что бы то ни стало] сделай мне железные рога:

17 yurǰ mu ziryōtēn xo atā mu mis way dōw xariǰ (/ / xigōw).

yurǰ mu ziryōt-ēn xūg=atā mu
 медведь 1SG.OBL ребенок-PL есть.PST=и 1SG.OBL

mis way dōw xariǰ//xig-ōw
 тоже 3D.SG.M.OBL намерение еда.NACT//есть-INF2

Медведь съел моих детей и меня тоже хочет съесть.

18 mu-rd ānin ǰawēn ca kini, waz way qoǰ соу dām, zænum way
 at, xu ziryōtēn qārǰay az way zēm.

mu-rd ānin ǰaw-ēn ca kin-i
 1SG.OBL=LAT железный рог-PL если делать.PRS-2SG

waz way
 1SG.DIR 3D.SG.M.OBL

qoǰ соу dād-um zæn-um way=at xu
 живот рваный давать.PRS-1SG убить.PRS-1SG 3D.SG.M.OBL=и свой

ziryōt-ēn qārǰ=ay az way zēm-um
 ребенок-PL долг=IZ с 3D.SG.M.OBL брать.PRS-1SG

Если сделаешь мне железные рога, я распорю ему брюхо, убью его и отплачу ему за детей [=возьму с него долг детей]».

19 daδ wistō-ri yaw vaz lap rām yat xu, um-ri-yi ānin ǰawēn čo.

daδ wistō=ri yaw vaz lap rām yat=xu
 потом кузнец=LAT 3D.SG.DIR коза очень жалость приходить.PST=и

(w)um=ri=yi ānin ǰaw-ēn čūg
 3D.SG.F.OBL=LAT=3SG железный рог-PL делать.PST

Кузнецу стало очень жаль козу, он ей сделал железные рога.

20 vaz daδ sat xu, yaw at yurǰ-an buōm dōd at, yurǰ lüvd: “tar ka-t
 rawōn?”

vaz daδ sat=xu yaw=at yurǰ=an
 коза потом идти.PST.F=и 3D.SG.DIR=и медведь=3PL

buōm δōd=at
 вместе падать.PST.PL=и
 yurĭ lūvd tar ka=(a)t rawōn
 медведь сказать.PST в куда=2SG направляющийся
 Тогда коза пошла, они встретились с медведем, и медведь
 сказал: «Куда ты идешь?»

21 um lūvd: “ba dōwi zēdōwi taw”.

(w)um lūvd ba dōw=i zēd-ōw=i taw
 3D.SG.F.OBL сказать.PST с намерение=IZ убить-INF2=IZ 2SG.OBL
 Она сказала: «Тебя убивать».

22 azadandi-atā yurĭ qār sifod xo, yaw at vaz-an niḏāvḏ.

azadandi=atā yurĭ qār sifod=xo yaw=at
 оттуда=и медведь гнев падать.PST.M=и 3D.SG.DIR=и
 vaz=an niḏāvḏ
 коза=3PL схватиться.PST

Тут медведь рассвирепел, и они с козой схватились.

23 vaz daḏ way qoĭ soḡ ĉo xo, zod-i way.

vaz daḏ way qoĭ soḡ
 коза потом 3D.SG.M.OBL живот рванный
 ĉūg=xo zod=i way
 делать.PST=и убить.PST=3 SG 3D.SG.M.OBL

Тогда коза распоролла ему брюхо и убила его.

24 um ziryoṭēn-an ar varθ tōza-yaθ az way qoĭ-and niĭtōyḏ.

(w)um ziryoṭ-ēn=an ar varθ
 3D.SG.F.OBL ребенок-PL=3PL каждый оба
 tōzā-yaθ az way
 целый-ADV из 3D.SG.M.OBL
 qoĭ=and niĭtōyḏ
 живот=LOC выходить.PST.PL

Оба ее детеныша вышли из его брюха невредимыми.

25 uf-i daḏ zūĭt xo, tōyḏ tar xu ĉod.

(w)uf=i daδ zūxt=xo tōyd tar xu čod
 3D.PL.OBL потом брать.PST=и идти.PST.PL в свой дом
 Она их взяла и отправилась к себе домой.

26 ba cōnd xušši qatay ba armōn firæpt.

ba cōnd xušši=qatay ba armōn firæpt
 с такой радость=COM с желание достигать.PST
 С такой радостью достигла своих желаний.

Условные обозначения в глоссах

- 2D — указательное местоимение 2 серия (Du-Deixis)
- 3D — указательное местоимение 3 серия (Jener-Deixis)
- ADV — адвербиальный показатель
- COP — предикативная связка
- COM — комитатив
- COMPL — подчинительный союз
- DIR — прямой падеж
- EMP — эмоциональная частица, употребляется в знач. междометия (угроза, обещание, умозаключение, пр.)
- F — женский род
- FUT — энклитическая частица, обычно при первом члене предложения, придает глаголу в наст. -буд. вр. значение будущего категорического
- IMP — императив
- INF1 — инфинитив (усеченный)
- INF2 — инфинитив (полный)
- INT — усилительно-указательная частица при местоимениях, местоименных наречиях
- IZ — изафет
- LAT — латив, адресат, реципиент
- LOC — разные оттенки локатива, принадлежность
- M — мужской род
- NEG — показатель отрицания
- OBL — косвенный падеж
- OM — звукоподражательное (onomatopoeic) слово
- PL — множественное число
- POSS — суффикс, указывающий на принадлежность

PRF — основа перфекта

PST — основа прошедшего времени (переходных глаголов; непереходных глаголов, в случае наличия в последних основ мужского рода, женского рода и множественного числа после основы указано M/F/PL)

NACT — nomina actionis, отглагольное имя действия

SG — единственное число

SUP — суперэссив, движение на поверхность или по поверхности ориентира; нахождение на поверхности; движение внутрь

VOC — междометие обращения

в переводе

Круглые скобки (...) — Вводят элемент, отсутствующий в рушанском/хуфском тексте, необходимый для его понимания.

Прямые скобки со знаком равенства [=...] — Вводят наш перевод вместо прежнего, который сохранен в основном русском тексте, но затрудняет понимание текста или фразеологического оборота.

Источники

Бузаки цингилапо [Коза с кудрявыми ногами]. Афсонаҳои тоҷикӣ. Душанбе, 2008, 10–15. (На тадж. яз.)

Бузаки цингилапо [Коза с кудрявыми ногами]. Афсонаҳои халқи тоҷик. Хуҷанд, 2005, 40–42 (На тадж. яз.)

Бузаки цингилапо [Коза с кудрявыми ногами]. Ред. М. Меликова. Душанбе: Маориф, 2019. (На тадж. яз.)

Коза — Кудрявые Ножки. Таджикская сказка. *Коза — Кудрявые Ножки. Народные сказки*. Москва, Ленинград, 1952, 3–11.

Литература

Зарубин 1937 — Зарубин И. И. *Бартагские и рушанские тексты и словарь*. Москва, Ленинград, 1937.

Писарчик 1954 — Писарчик А. К. *Рушанские тексты*. Ред. В. А. Лившиц. Сталинабад, Ленинград, 1954.

Соколова 1953 — Соколова В. С. Памирские языки. Шугнано-рушанская группа. Соколова В. С. *Очерки по фонетике иранских языков*. Т. II. *Осетинский, ягнобский, памирские языки*. Москва, Ленинград, 1953, 84–175.

Соколова 1959 — Соколова В. С. Хуфские тексты. Сказки. 18. О козе и козлятах. Соколова В. С. *Рушанские и хуфские тексты и словарь*. Москва, 1959, 69–70.

Соколова 1966 — Соколова В. С. Шугнано-рушанская языковая группа. *Языки народов СССР*. Т. 1. *Индоевропейские языки*. Москва, 1966.

Сухарев, Сухарева 1934 — Сухарев И. А., Сухарева О. А. *Загадки таджиков г. Самарканда и его окрестностей. Восемь вариантов таджикской версии сказки «Коза и семеро козлят»*. Самарканд, 1934.

Шангул и Мангул 1958 — Шангул и Мангул. *Персидские сказки*. Сост. М.-Н. Османов. Москва, 1958, 447–449.

Эдельман, Додыхудоева 2022 — Эдельман Дж. И., Додыхудоева Л. Р. Сказка «О козе и козлятах» на язгулямском языке. *Родной язык*, 2022, 1: 109–124.

Dodykhudoeva, Nazarova 2021 — Dodykhudoeva L. R., Nazarova Z. O. Two Ishkashimi texts: Children talking. *Родной язык*, 2021, 2: 35–58.

References

Buzaki jingilapo [A goat with curly legs]. Afsonahoi Tojikī. Dushanbe, 2008, 10–15. (In Tajik)

Buzaki jingilapo [A goat with curly legs]. *Afsonahoi khalqi tojik*. Khujand, 2005, 40–42. (In Tajik)

Buzaki jingilapo [A goat with curly legs]. Editor M. Melikova. Dushanbe: Maorif, 2019. (In Tajik)

Dodykhudoeva L. R., Nazarova Z. O. Two Ishkashimi texts: Children talking. *Rodnoy yazyk*, 2021, 2: 35–58. (In Russ.)

Edel'man J. I., Dodykhudoeva L. R. Skazka «O koze i kozlyatak» na yazgulyamskom yazyke [“The goat and her kids”: A Yazghulami folk tale]. *Rodnoy yazyk*, 2022, 1: 109–124. (In Russ.)

Koza — Kudryavye Nozhki. Tadzhijskaya skazka [The Goat Curly-Leg. Tajik folk tale]. *Koza — Kudryavye Nozhki. Narodnye skazki*. Moskva, Leningrad, 1952, 3–11. (In Russ.)

Pisarchik A. K. *Rushanskije teksty* [Rushan texts]. Red. V. A. Livshits. Stalinabad, Leningrad, 1954. (In Russ.)

Shangul i Mangul. *Persidskie skazki* [Persian folktales]. Sost. M.-N. Osmanov. Moskva, 1958, 447–449. (In Russ.)

Sokolova V. S. *Khufskie teksty. Skazki. 18. O koze i kozlyatah* [Khuf texts. Folktales. 18. On the goat and her kids]. (In Russ.)

Sokolova V. S. *Rushanskije i khufskie teksty i slovar'*. Moskva, 1959, 69–70. (In Russ.)

Sokolova V. S. Shughnani-rushanskaya yazykovaya gruppa [Shughnani-Rushani language group]. *Yazyki narodov SSSR. T. 1. Indoevropejskie yazyki*. Moskva, 1966. (In Russ.)

Sukharev I. A., Sukhareva O. A. *Zagadki tadjhikov g. Samar-kanda i ego okrestnostey. Vosem' variantov tadjhikskoy versii skazki «Koza i semero kozlyat»* [Riddles of the Tajiks of Samarkand and its environs. Eight versions of the Tajik tale “The Goat and the Seven Kids”]. Samarkand, 1934. (In Russ.)

Zarubin I. I. *Bartangskie i rushanskije teksty i slovar'* [Bartang and Rushan texts and dictionary] Moskva, Leningrad, 1937. (In Russ.)

Materials from Kildin Saami: A trickster tale and a personal narrative

Daniil Aleksandrovich Burov

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
burov.daniil01@gmail.com*

Ilya Mikhailovich Egorov

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russia
i.m.jegorow@gmail.com*

The article presents two folklore texts in Kildin Saami. These texts were recorded in 1960 and 1975, respectively, and have since been stored in EMSUKA. They were transcribed and translated during fieldwork in 2022. The texts represent two widespread genres of oral tradition: a trickster tale and a personal narrative about a supernatural encounter (also called a memorate). The Saami texts are supplemented with a Cyrillic transcription and a Russian translation so as to make the publication available to the community of native speakers.

Keywords: Kildin Saami, language documentation, oral tradition, trickster tale, memorate

For citation: Burov D. A., Egorov I. M. Materials from Kildin Saami: A trickster tale and a personal narrative. *Rodnoy yazyk*, 2023, 2: 156–192.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-156-192

Материалы по кильдинскому саамскому языку: новеллистическая сказка и быличка

Даниил Александрович Буров

МГУ им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

burov.daniil01@gmail.com

Илья Михайлович Егоров

РАНХиГС

Москва, Россия

i.m.jegorow@gmail.com

Настоящая статья представляет собой публикацию двух фольклорных текстов на кильдинском саамском. Эти тексты были записаны в 1960 и в 1975 годах и хранились в EMSUKA. Их транскрипция и перевод были выполнены в ходе экспедиции 2022 года. Тексты являются образцами двух широко распространенных фольклорных жанров: новеллистическая сказка и быличка. Тексты снабжены транскрипцией в кириллической орфографии и переводом на русский язык, что должно сделать данные тексты более доступными для сообщества носителей кильдинского саамского.

Ключевые слова: кильдинский саамский, документация языка, устная традиция, новеллистическая сказка, быличка

Для цитирования: Буров Д. А., Егоров И. М. Материалы по кильдинскому саамскому языку: новеллистическая сказка и быличка. *Родной язык*, 2023, 2: 156–192.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-156-192

1. Introduction

About forty years have passed since texts in the Kildin Saami language last appeared in a scholarly publication. That was a sample of narratives in the Shongui dialect collected by Erkki Itkonen in 1943 and then edited by Juhani Lehtiranta [1985]. There are not many published transcriptions of texts in Kildin Saami, so they can all be mentioned here: [Genetz 1891; Itkonen, Europaeus 1931; Kert 1961; Szabó 1967; 1968; Bjarnson 1976]. Standards of editing language material have changed since the most recent publication. All the abovementioned works only contain transcriptions with translations into Finnish, Russian, German, or English that are provided separately, i.e. the Saami sentences are not aligned with their translation. Moreover, some transcriptions were made based on an outdated view of phonology or suffered from numerous inaccuracies. Since then, providing word-by-word grammatical glosses has become a standard part of best practices, and the lack thereof makes the texts available to none but specialists in the Saami languages.

Although only a few samples of Kildin Saami texts have been published so far, a significant effort has been made to document the oral tradition. The audio recordings made during numerous expeditions are now stored in the Archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences and in the Archive of Estonian Dialects and Finno-Ugric Languages at the Institute of the Estonian Language (EMSUKA). EMSUKA has made a large body of digitized recordings in Kildin Saami publicly available on the Internet.

In the scope of the present article, we publish two texts from EMSUKA (tapes SUH0939 and SUH0943) that were recorded in the second half of the 20th century. The texts represent two genres of oral tradition: a trickster tale and a personal narrative about a supernatural encounter, also known as a ‘memorate’ in folklore studies. The texts were transcribed with the assistance of native speakers during fieldwork in Lujaav’v’r’ (Rus. Lovozero, Lovozersky district, Murmansk oblast, Russia) in the summer of 2022. Taking the opportunity, we thank Antonina Mikhailovna Antonova, Domna Maksimovna Khomyuk, Olga Gav-

rilovna Paul, Nina Semenovna Sharshina, Ulyana Mikhailovna Yulina for their selfless and high-quality work. The transcriptions were then revised using dictionary sources, namely [Itkonen 1958; Kuruch et al. 1985; Antonova 2014]. After that, glosses were added following the Leipzig glossing rules. To make the texts available to the general audience, first of all, to Kildin Saami speakers, we also publish them in the Cyrillic alphabet with a Russian translation separately from the glossed text. We accept the version of the orthography proposed in [Kuruch et al. 1985; 1995] with one additional feature of the orthography used in [Antonova 2014], namely the distinction between *oa* /ɔ/ and *oā* /ɔ̃/. The newest and richest electronic dictionary of Kildin Saami [Antonova, Scheller 2021] was used when preparing the texts as well, although the orthography accepted in the present publication is different from the one used in that source.

The transcription used here is a hybrid of the Uralic Phonetic Alphabet and the International Phonetic Alphabet. The sign ' following a letter is used to indicate palatalization, double letters denote long phonemes, *h* before a letter denotes preaspiration, and *̥* is used to denote voiceless sonorants. The sign *xxx* is used for inaudible and unclear fragments. Code-switching to Russian and code insertion is marked with ^{RUS} in the transcription and with italics in the Cyrillic orthography. Only occasional code insertions and short instances of code-switching are marked in this way, whereas more deeply assimilated loans remain unmarked. Russian fragments are given using traditional scientific transliteration. The sign *..* is used to indicate false starts.

2. Nester, the tailor

The text is a trickster tale about a tailor called Nester. Nester decides to deceive a merchant by selling the material received from him instead of sewing coats and suits, since this is an easier way of earning money to provide food for his sons. However, the deception is revealed and Nester is taken to court. On the road to court, Nester deceitfully borrows several pie-

ces of clothing from the merchant. He also persuades a street sweeper to say in court that the horse the merchant came with belongs to Nester. The judge succumbs to Nester's pranks, as a result of which Nester is acquitted and receives the horse and other property belonging to the merchant.

The text was recorded in Lujaav'v'r' on September 3, 1975 by Väino Klaus. The speaker is Marya Pavlova, born in Harlovka in 1914. She moved to Lujaav'v'r' after getting married. The audio is available on the EMSUKA website (<https://emsuka.eki.ee/>), recording number SUH0939 (17:50–22:53).

2.1 Glossed text

- (1) *n'es't'er-es'* *l'ee-v* *kudd* *al'k'*
 Nester-LOC.SG be-NPST.3PL six.NOM son.NOM.PL
 'Nester had six sons'
- (2) *iž'* *l'ii* *lihk-e* *laaš's'k'*
 REFL be.PST.3SG work-INF lazy
 'He himself was lazy and not eager to work'
- (3) *a* *sueln-e* *l'ii* *vaajmel'*
 and steal-INF be.PST.3SG brisk
 'But he was good at stealing'
- (4) *ejj* *t'iid'* *kooxxt* *tenn* *kudd* *al'k'*
 NEG.3SG know.CNG how this.ACC.SG six.ACC son.NOM.PL
pajn-e
 raise-INF
 'He doesn't know how to raise those six sons'
- (5) *nu* *vot* *tel'* *i* *vaan'n'c'-el'* *kuppc-e*
 well so so and go-PFV.PST.3SG merchant-DAT.SG
 'Well, so he went to a merchant'
- (6) *meen-e* *kuppc-e* *ja* *kaaž'* *rřobot*
 come-PST.3SG merchant-DAT.SG and ask-NPST.3SG work.ACC.SG
 'He came to the merchant and asked for work'
- (7) *an't'* *c'aal'lk* *min'n'-e* *rřobot*
 give.IMP.SG say.NPST.3SG 1SG-DAT work.ACC.SG
 'Give me some work, he says'

- (8) *a kupec c'aallk*
 and merchant.NOM.SG say.NPST.3SG
meenn toonn alg-ax
 what.ACC.SG 2SG.NOM begin-NPST.2SG
roobxušš-e
 work-INF
 'And the merchant says: What will you do?'
- (9) *a munn c'aallk l'aa.. portnoj l'aa*
 and 1SG.NOM say.PST.3SGbe.NPST.1SGtailor.NOM.SGbe.NPST.1SG
c'aallk maat-a kuarr-e c'aallk v̄vssk-et'
 say.PST.3SG can-NPST.1SG sew-INF say.PST.3SG clothes-ACC.PL
 'And he says: I am a tailor. I can sew clothes'
- (10) *trojk-et' kuar-a pal'ta-t' kuar-a pugg*
 suit-ACC.PL sew-NPST.1SG coat-ACC.PL sew-NPST.1SG all
kuar-a
 sew-NPST.1SG
 'I sew suits, I sew coats, I sew everything'
- (11) *munnt ant-a*
 1SG.NOM give-NPST.1SG
 'I will give [you work]'
- (12) *tel' povozka t'iivvt son'n'-e*
 so cart.ACC.SG full 3SG-DAT
taav'ar-e podklatka-t'
 material-PART lining_material-ACC.PL
ruesk-et' en't'-e
 fabric-ACC.PL give-PST.3SG
 'So he gave him a full cart of materials, lining material,
 some fabric'
- (13) *štobe tejd trojk-et'*
 in_order_to this.ACC.PL suit-ACC.PL
kuarr-e ja pal'ta-t'
 sew-INF and coat-ACC.PL
kuarr-e
 sew-INF
 'To sew those suits and coats'

- (14) *nu soonn puud'-e m̄vst*
 well 3SG.NOM come-PST.3SG back
 'Then he went back home'
- (15) *m'eegg ja tenn kudd al'k por-t*
 sell.NPST.1SG and this.ACC.SG six.ACC.SON.NOM.SG eat-CAUS.NPST.3SG
 'He sells (it) and feeds those six sons'
- (16) *a iž' p'ec al'n l'eež-ant raz soonn*
 and REFL stove.GEN.SG on lie-HAB.NPST.3SG as 3SG.NOM
ejj viž lihk-edd-e
 NEG.3SG want.CNG work-MID-INF
 'And he himself lies on the stove, as he doesn't want to work'
- (17) *tel' l'aajj l'aajj kupc-es't puud'-e*
 so be.PST.3SG be.PST.3SG merchant-LOC.SG come-PST.3SG
olm-epč
 man-NOM.SG
 'Some time passed, a man comes from the merchant'
- (18) *kaaž' nu meejt c'aallk n'es't'er*
 ask.NPST.3SG well what.ACC.PL say.NPST.3SG Nester.NOM.SG
kuurr-ex egg meenn
 sew-PST.2SG NEG.2SG what.ACC.SG
 'And asks: so, he says, Nester, have you sewn anything?'
- (19) *meenn munn el'k'-e kuarr-e c'aallk*
 what.ACC.SG 1SG.NOM begin-PST.1SG sew-INF.NPST.3SG
 'What am I to sew? Nester answers'
- (20) *mun c'aallk m'iig-a*
 1SG.NOM say.NPST.3SG sell-NPST.1SG
 'I sell, he says'
- (21) *ja el'k'-en-an por-t-a c'aallk*
 and son-DIM.ACC.PL-POSS.1 eat-CAUS-NPST.1SG say.NPST.3SG
must kudd al'k l'i
 1SG.LOC six.NOM son.NOM.PL be.PST.3SG
 'I feed my sons, he says, I have six sons'
- (22) *el'k'-en-an por-t-a*
 son-DIM.ACC.PL-POSS.1 eat-CAUS-NPST.1SG
 'I feed my sons'

- (23) *tanna* *kooxxt* *že*
 then how PTCL
 ‘So what do we do?’
- (24) *vaan-as* *c’aaļļk* *l’ii* *ejj* *vuull-ma*
 little-ADV say.NPST.3SG be.NPST.3SG NEG.3SG be_enough-PTCP.PST
 ‘This is too little, he says, it’s not enough’
- (25) *tel’* *meejt* *olm-epč*
 well what.ACC.PL man-NOM.SG
meen-e *mopst* *kuppc-e*
 come-PST.3SG back merchant-DAT.SG
c’aaļļk
 say.NPST.3SG
 ‘So, the man went back to the merchant, he says’
- (26) *ejj* *lihk-ma* *n’i-meenn*
 NEG.3SG make-PTCP.PST NEG-what.ACC.SG
 ‘He hasn’t made anything’
- (27) *tenn* *kudd* *al’k’* *paj* *por-t*
 this.ACC.SG six.ACC son.NOM.SG still eat-CAUS.NPST.3SG
 ‘He only feeds his six sons’
- (28) *pugg* *m’iig-e* *ja* *kudd* *al’k’* *por-t*
 all sell-PST.3SG and six.ACC son.NOM.SG eat-CAUS.NPST.3SG
 ‘He has sold everything and is feeding his six sons’
- (29) *ja* *v’aal* *vaan-as* *c’aaļļk* *an’* *v’aal*
 and more little-DIM say.NPST.3SG let more
vuulk-aht
 send-CAUS.NPST.3SG
 ‘And he says that it’s not enough, he asks to send more’
- (30) *a* *kupec* *c’aaļļk*
 and merchant.NOM.SG say.NPST.3SG
a suud’d’-e *bidd* *an’n’t’-e*
 court-DAT.SG needed give-INF
 ‘And the merchant says: We must take him to court’
- (31) *i* *vuulk-et* *oollm-e* *pih’t’-e* *soon*
 and send-CAUS.PST.3SG man-ACC.SG take-INF 3SG.ACC

- RUS *na suud*
 on court.GEN.SG
 ‘And he sent the man to take him to court’
- (32) *suudd-e bidd soon*
 judge-INF needed 3SG.ACC
 ‘He must be tried’
- (33) *b’eda jeenne taav’er RUSistratillosa*
 very many material.NOM.SG wasted
 ‘So much material has been wasted’
- (34) *ladno tel’ olm-a v’ij-el’ povozka al’n*
 well so man-NOM.SG go-PFV.PST.3SG cart.GEN.SG on
 ‘Well, the man went by cart’
- (35) *a l’ii sost kon’n’ex’*
 and be.NPST.3SG 3SG.LOC coachman.NOM.SG
 ‘He had a coachman’
- (36) *kon’n’ex’ v’ij načalnik soon vrr*
 coachman.NOM.SG go.NPST.3SG boss.NOM.SG 3SG.GEN sit.NPST.3SG
povozka al’n
 cart.GEN.SG on
 ‘The coachman is driving, his boss is sitting in the cart’
- (37) *tel’ v’ij-en’ puud’d-en’ nu n’es’t’er toon*
 so go-PST.3PL come-PST.3PL well Nester.NOM.SG 2SG.ACC
 RUS *na suud*
 on court.GEN.SG
 ‘So they arrived, they came in: Well, Nester, you have to go to court’
- (38) *tel’ nšte suud’d-e j’pdd-x-en’*
 so finally court-DAT.SG go-CAUS-PST.3PL
 ‘And finally they set off to court’
- (39) *n’es’t’er vaannc s’ijj v’ijj-ev*
 Nester.NOM.SG go.NPST.3SG 3PL.NOM go-NPST.3PL
 ‘Nester is walking, they are in the cart’

- (40) *vijj-en' vijj-en'*
 go-PST.3PL go-PST.3PL
 'They were on their way for a while'
- (41) *a n'es't'er c'aallk*
 and Nester.NOM.SG say.NPST.3SG
 'And Nester says'
- (42) *toonn xot' l'ijj-ex' bi min'n'-e čaass-et'*
 2SG.NOM at_least be-PST.2SG COND 1SG-DAT watch-ACC.PL
an'n't'-e rannt-a
 give-INF chest-DAT.SG
 'You should at least give me a pocket watch [to have]
 on my chest'
- (43) *a k'ee.. sud'ja min'n'-e*
 and what.. judge.NOM.SG 1SG-DAT not
^{RUS}[*n'e pov'erit*] *šte munn*
 believe that 1SG.NOM
n'es't'er l'aa
 Nester.NOM.SG be.NPST.1SG
 'And who... The judge will not believe me that I am Nester'
- (44) *čaass ran't'-es' jevla*
 watch.NOM.PL chest-LOC.SG NEG.NPST.3PL.be
 '[If] there is no watch on my chest'
- (45) *soonn čaass-et' p'iis't'-e en't'-e*
 3SG.NOM watch-ACC.PL unbutton-PST.3SG give-PST.3SG
 'He took off the watch, gave it [to Nester]'
- (46) *tel' vijj-en' vijj-en' soonn c'aallk*
 so go-PST.3PL go-PST.3PL 3SG.NOM say.NPST.3SG
 'They went on for a while, and then he says:'
- (47) *toonn xot' kos't'um min'n'-e an'n't'-el'*
 2SG.NOM at_least suit.ACC.SG 1SG-DAT give-PFV.IMP.SG
caag'g'-e
 put_on-INF
 'You should give me a suit to put on'

- (48) *k'ee* RUS *pov'er'it*
 who.NOM.SG believe
 'Who would believe...'
- (49) *tedd* *kos't'um* *en't'-e* *son'n'e*
 this.NOM.SG suit.ACC.SG give-PST.3SG 3SG-DAT
 'The man gave him a suit'
- (50) *soonn* *kos't'um* *cvog'-e*
 3SG.NOM suit.ACC.SG put_on-PST.3SG
 'He put the suit on'
- (51) *vijj-en'* *vijj-en'* *vijj-en'*
 go-PST.3PL go-PST.3PL go-PST.3PL
 'They went on and went on'
- (52) *toon* *xot'* *c'aallk* *botinka-t'* *kološa=guejm*
 2SG.NOM at_least say.NPST.3SG shoe.ACC.PL overshoe=COM
jaak's'
 take_off.IMP.SG
 'He says: You should at least take off your shoes with
 overshoes'
- (53) *ja* *tejd* *an't'* *min'n'-e* *juellk-a* *caag'g'-e*
 and this.ACC.PL give.IMP.SG 1SG-DAT foot-DAT put_on-IMP
 'And let me put them on my feet'
- (54) ^{RUS} [*togda pover'at*] *šte* *munn* *n'es't'er* *l'aa*
 then believe that 1SG.NOM Nester.NOM.SG be.NPST.1SG
 'Then [the judge] will believe that I am Nester'
- (55) *tel'* *všte* *tedd* *javk's'-e* *bot'inka-t'*
 so finally this.NOM.SG take_off-PST.3SG shoe-ACC.PL
 'Then the man took off his shoes'
- (56) *en't'-e* *soonn* *juellk-a* *cvog'-e* *ja*
 give-PST.3SG 3SG.NOM foot-DAT.SG put_on-PST.3SG
vijj-l'-en'
 go-PFV-PST.3PL
 'Gave them to him, he put them on, and they continued
 on their way'

- (57) *toonn xot' že šl'apa l'ijj-ex'*
 2SG.NOM at_least PTCL hat.ACC.SG be-PST.2SG
min'n'-e v'aal an'n't'-e
 1SG-DAT more give-INF
 'You should give me a hat as well'
- (58) *i soonn šl'apa en't'-e son'n'-e*
 and 3SG.NOM hat.ACC.SG gave-PST.3SG
 'And he gave him his hat'
- (59) *ja tel' vijj-l'-en' puud'd'-en' sud'je.. suud*
 and so go-PFV-PST.3PL come-PST.3PL judge.COURT.GEN.SG
guurre
 to
 'So they went on and came to the courthouse'
- (60) *puud'd'-en' a kaalls-epč*
 come-PST.3PL and fellow-DIM.NOM.SG
paašš uksneg
 sweep.NPST.3SG doorstep.ACC.SG
 'They came, and there is a fellow sweeping the porch'
- (61) *sijj pugg meen'n'-en' a n'es't'er c'aallk*
 3PL.NOM all go-PST.3PL and Nester.NOM.SG say.NPST.3SG
 'They all went by, and then Nester says'
- (62) *toonn.. jel'e keež'-av te k'ee puud'-e*
 2SG.NOM if ask-NPST.3PL PTCL who.NOM.SG came-PST.3SG
jiibbš-en'
 horse-COM.SG
 'You... If anyone asks you who came with the horse'
- (63) *tonn c'eeļ'k' šte n'es't'er puud'-e*
 2SG.NOM say.IMP.SG that Nester.NOM.SG come-PST.3SG
jiibbš-en'
 horse-COM.SG
 'You tell them that it's Nester that came with the horse'
- (64) *ladno tel'*
 well so
 'Well then'

- (65) *n'es't'er* *meen-e* *siz*
 Nester.NOM.SG go-PST.3SG inside
 'Nester came in'
- (66) *n'es't'er* *meen-e* *siz* *soon* *išt-x-en'*
 Nesterp.NOM.SG go-PST.3SG inside 3SG.ACC sit_down-CAUS-PST.3PL
sud'i-ma *stuula* *eel*
 judge-PTCP.PST chair.GEN.SG on
 'Nester came in, they put him into the dock'
- (67) *suudd-e* *eel'l'k'-eš* *nu* *suud'd'-en'* *suud'd'-en'*
 judge-INF begin-PST.IPS well judge-PST.3PL judge-PST.3PL
suud'd'-en'
 judge-PST.3PL
 'The trial began, the trial went on, and on, and on'
- (68) *n'es't'er* *c'aalĭk* *toon* *požaluj* *c'aalĭk-ax*
 Nester.NOM.SG say.PST.3SG 2SG.NOM perhaps say-NPST.2SG
 'Nester, [the judge] says, do you want to say'
- (69) *šte* *čas* *tegg* *l'ee-v* *toon*
 that watch.NOM.PL this.NOM.PL be-NPST.3PL 2SG.GEN
 'That the watch is also yours?'
- (70) *kon'ešno* *mun* *l'ee-v* *mun* *že* *een'n't'-e*
 of_course 1SG.GEN be-NPST.3PL 1SG.NOM PTCL give-PST.1SG
 'Of course it's mine, it's me who gave it to him'
- (71) *da* *kiič* *sonn* *vaaptegg* *l'ii* *da*
 and see.IMP.SG 3SG.NOM rich be.NPST.3SG and
pugg *soon* *l'ee-v* *must* *al'l'aa-hč*
 all 3SG.GEN be.NPST.3SG 1SG.LOC NEG.be-COND.3SG
n'i-m'ii
 NEG-what.NOM.SG
 'Look, he is rich, he has everything, I shouldn't have anything'
- (72) *nu* *toon* *požaluj* *c'aalĭk-ax* *kos't'um*
 well 2SG.NOM perhaps say-NPST.2SG suit.NOM.SG
tedd *l'ii* *toon*
 this.NOM.SG be.NPST.3SG 2SG.GEN
 'Do you want to say that the suit is also yours?'

- (73) *da kon'ešno mun-e l'ii munn že een'n't'-e*
 and of_course 1SG-GEN be.NPST.3SG 1SG.NOM PTCL
 'Of course it's mine, it's me who gave it to him'
- (74) ^{RUS}[*nu vot vidite sud'ja*]
 well so see judge
 'You see now, judge'
- (75) *soonn l'ii vaaptegg pugg bidd son'n'-e min'n'-e*
 3SG.NOM be.NPST.3SG rich all needed 3SG-DA 1SG-DAT
ebe n'i-meenn
 not_needed NEG-what.ACC.SG
 'He is rich, he needs everything, I don't need anything'
- (76) *toon požaluj c'aalk-ax šte bot'inka kaloša=guejm*
 2SG.NOM perhaps say-PST.2SG that shoe.NOM.PL galosh=COM
^{RUS}*tože toon*
 also 2SG.GEN
 'Do you want to say that the shoes and the galoshes are also yours?'
- (77) *nu kon'ešno mun-e l'ii munn že*
 well of_course 1SG-GEN be.NPST.3SG 1SG.NOM PTCL
jpvk'k's'-e een'n't'-e ton'n'-e
 take_off-PST.1SG give-PST.1SG 2SG-DAT
 'Of course they are mine, I took them off and gave them to you'
- (78) ^{RUS}[*nu vot posmotrite čto est' bogatstvo emu*]
 well so see what there_is luxury for_him
son'n'-e
 3SG-DAT
 'Look here all the luxury is for him'
- (79) *a must al'a n'i-m'ii*
 and 1SG.LOC NEG.NPST.3SG.be NEG-what.NOM.SG
 'And I don't have anything'
- (80) *nu požaluj c'aalk-ax šl'apa i tedd*
 well perhaps say-NPST.2SG hat.NOM.SG and PTCL
^{RUS}*tože toon*

- l'ii toon*
be.NPST.3SG 2SG.GEN
'Do you want to say the hat is also yours?'
- (81) *nu kon'ešno mun-e l'ii*
well of_course 1SG-GEN be.NPST.3SG
'Of course it's mine'
- (82) *nu vot da požaluj c'aaljk-ax šte jeeb'eš i*
well so and perhaps say-PST.2SG that horse.NOM.SG and
tedd l'ii toon
this.NOM.SG be.NPST.3SG 2SG.GEN
'That's it. Do you want to say that the horse is also yours?'
- (83) *nu konešno munn puud'd'-e*
well of_course 1SG.NOM ~~came-1SG~~
'Of course, I came with it'
- (84) *nu kphč-e kaalls-a*
well call-IMP.PL fellow-DIM.ACC.SG
'Call the fellow [from the porch]'
- (85) *kaalls-a koohč-en' kaalls-epč puud'-e*
fellow-DIM.ACC.SG call-PST.3PL fellow-DIM.NOM.SG come-PST.3SG
'They called the fellow, he came'.
- (86) *k'ee puud'-e jiibbš-en'*
who.NOM.SG come-PST.3SG horse-COM.SG
'Who did the horse come with?'
- (87) *n'es't'er*
Nester.NOM.SG
'It's Nester's'
- (88) ^{RUS}*[nu vot vidiš vidiš čto] k'iihč-e kooxt*
well so see see what see-IMP.PL how
kaalls-epč c'aaljk šte munn puud'd'-e
fellow-DIM.NOM.SG say.PST.3SG that 1SG.NOM.COME-PST.1SG
'You see, you see that?.. You see how the fellow says that
it's me who came with the horse?'

- (89) *sijj saarrn-av paj sijj l'ee-v*
 3PL.NOM speak-NPST.3PL still 3PL.NOM be-NPST.3PL
 'And they say it is them'
- (90) *paj l'ee-v s'iin must al'l'a*
 still be-NPST.3PL 3PL.GEN 1SG.LOC NEG.NPST.3SG.be
n'i-m'ii
 NEG-what.NOM.SG
 'Everything is theirs, and I don't have anything'
- (91) *tel' sud'ja c'aallk nu n'es't'er*
 so judge.NOM.SG say.NPST.3SG well Nester.NOM.SG
 'Then the judge says: Well, Nester!'
- (92) *saarrn a ^{RUS}[xvatit vam durakam..]*
 speak.NPST.3SG and enough for_you fools
 'The judge says: Enough, you fools...'
- (93) ^{RUS}*xvatit vaaptegg oollm-et' toon vuuj-x-ell-e*
 enough rich man-DAT.PL 2SG.ACC deceive-CAUS-PFV-INF
 'Let the rich people stop deceiving you'
- (94) *vaal't' jiiibaš ja vij m̄m̄st c'aallk*
 take.IMP.SG horse.ACC.SG and go.IMP.SGbacksay.NPST.3SG
 'Take the horse and go back home, he says'
- (95) *n'es't'er vel'l'-ej*
 Nester.NOM.SG run_out-PFV.PST.3SG
 'Nester ran out'
- (96) *jiiibaš taab-ehť išt-e*
 horse.ACC.SG catch-CAUS.NPST.3SG sit_down-PST.3SG
 'Took the horse, mounted it'
- (97) *paj poorrk vrr*
 still whirl.NOM.SG sit.NPST.3SG
 'Only a whirl [of dust] was left'
- (98) *xxx vij-es't'*
 xxx go-PFV.PST.3SG
 'He rode home'

- (99) *a kudd al'k' l'ee-v šuurr*
 and six.NOM son.NOM.PL be-NPST.3PL big
l'ee-v jo
 be-NPST.3PL already
 'And the six sons had already grown'
- (100) *až'-es' puud'-e jiibbš-es' sijj*
 father-NOM.SG.POSS.3 come-PST.3SG horse-LOC.SG
vel'l'-j-en'
 run_out.PFV-PST.3PL
 'Their father arrived by horse, they ran outdoors'
- (101) *rɔɔmguud'd'-en' až'-a*
 be_happy-PST.3PL father-DIM.NOM.SG
 'They were happy: Father'
- (102) *meejt jiibbš-en' puud'd'-ex'*
 what.ACC.PL horse-COM.SG come-PST.2SG
 'Why did you arrive by horse?'
- (103) *nu munn jiibbaš piht'-e c'aalłk*
 well 1SG.NOM horse.ACC.SG take-PST.1SG say.NPST.3SG
 'Well, I brought the horse, he says'
- (104) *ad'd' poor-xa-n-a jeb'b' ɔr*
 now eat-ABE-POT-PTCP.PST NEG.1PL sit.CNG
ɔšte
 finally
 'We won't be hungry anymore'
- (105) *nu vašeta kas't' roobxušš-e c'aalłk jeeb'eš*
 well actually where work-INF say.NPST.3SG horse.NOM.SG
puud'-e dak
 come-PST.3SG so
 'You see, we can work as now the horse came'
- (106) *ad'd' poor-xa-nn-a jeb'b'e l'ii-ɲɲč-e*
 now eat-ABE-POT-PTCP.PST NEG.1PL be-POT-CNG
ɔssk-axa jeb'b'e l'ii-ɲɲč-e
 clothes-ABE.PL NEG.1PL be-POT-CNG
 'We won't be hungry anymore, we won't be left without clothes'

- (107) *lišše* *višš-e* *roobxušš-e*
 just want-IMP.PL work-INF
 ‘Just be willing to work’
- (108) *ja* *poorr-e*
 and eat-IMP.PL
 ‘Well, eat!’
- (109) *štobe* *oollm-et’* *jel’le* *vuuj-x-ell-e*
 in_order_to man-ACC.PL PROH.PL deceive-CAUS-PFV-IMP.PL
kooxxt *munn* *vuuj-x-ell-e* *oollm-et’*
 who 1SG.NOM deceive-CAUS-PFV-PST.1SG.NOM
 ‘Do not deceive people as I did’

2.2 Kildin Saami text in Cyrillic orthography

¹ Нестересыт лев кудт альк. ² Йджь лй лыһкэ лашшьк, ³ а суэлнэ лй ваймэль. ⁴ Эйй тидь, кōххт тэнн кудт альк пайнэ. ⁵ Тэль и ванньцэль куппцэ. ⁶ Мэнэ куппцэ я кадзь роабот. ⁷ «Анът, — цялдж, — мыннэ роабот». ⁸ А купец цялдж: «Мэнн тōнн алках рōбхушшэ?» ⁹ «А мунн, — цялдж, — портной ля, мата куарэ оасскэть. ¹⁰ Тройкэть куара, пальтэть куара, пугк куара». ¹¹ «Мунн анта». ¹² Тэль повозка тйввт соннэ тавярэ, подкладкэть, руэскэть энътэ, ¹³ штобэ тэйт тройкэть я пальтэть куаррэ. ¹⁴ Ну, сōнн пүдэ моасть, ¹⁵ мегк я тэнн кудт альк порт, ¹⁶ а йджь пец альн лэжант, раз сōнн эйй выж лыһкэдтэ.

¹⁷ Тэль лйй, купцэсыт пүдэ олмэнч. ¹⁸ Кадзь: «Ну мэйт, Нестер, күррэхэ эгк мэнн?» ¹⁹ «Мэнн мунн элькэ куаррэ? — цялдж. — ²⁰ Мунн мйга ²¹ я элькэнан порта. Муст кудт альк лй. ²² Элькэнан порта». ²³ «Танна кōххт шэ?» ²⁴ «Ванас лй, — цялдж, — эйй вүллма». ²⁵ Олмэнч мэнэ моасть куппцэ, цялдж: ²⁶ «Эйй лыһкма нимэнн. ²⁷ Тэнн кудт альк пай порт. ²⁸ Пугк мйгэ, я кудт альк порт, ²⁹ я “вял ванас”, цялдж, “ань вял вүлкант”. ³⁰ А купец цялдж: «А сүдтэ быдт аннэтэ». ³¹ И вүлкэт олмэ пынтэ сōн на сүд. ³² «Сүдтэ быдт сōн! ³³ Беда ённэ тавер *истратилося*». ³⁴ Ладно, тэль олма выйель повозка альн. ³⁵ А лй сост кōннэхь. ³⁶ Коннэхь выйй, началь-

ник сѡн оарр повозка алын. ³⁷ Тэль выйень, пўдтѣнь: «Ну, Нестер, тѡн на сўд».

³⁸ Тэль оаштѣ сўдтѣ ёадтхѣнь. ³⁹ Нестер вѡнниц, сыйй выйев. ⁴⁰ Выйень, выйень, ⁴¹ а Нестер цялдж: ⁴² «Тѡнн хоть лийехь бы мыннѣ чѡссѣть аннѣтѣ раннта. ⁴³ Судья мыннѣ *не поверит*, штѣ мунн Нестер лѣ. ⁴⁴ Чѡсс раннѣтѣсѣт ѣвла». ⁴⁵ Сѡнн чѡссѣть пйсьтѣ, эннѣтѣ. ⁴⁶ Тэль выйень, выйень, сѡнн цялдж: ⁴⁷ «Тѡнн хоть костюм мыннѣ аннѣтѣль цѡгке. ⁴⁸ Кѣ *поверит*, что мунн Нестер лѣ». ⁴⁹ Тѣдт костюм эннѣтѣ соннѣ. ⁵⁰ Сѡнн костюм цѡѡге. ⁵¹ Выйень, выйень, выйень. ⁵² «Тѡнн хоть, — цялдж, — ботинкѣтѣ калошагуѣйм якьс ⁵³ я тѣйт аннѣтѣ мыннѣ юѣллка цѡгке. ⁵⁴ Тогда *поверят*, что мунн Нестер лѣ». ⁵⁵ Тэль оаштѣ тѣдт ѣакьсѣ ботинкѣтѣ, ⁵⁶ эннѣтѣ. Сѡнн юѣллка цѡѡге, я выййлѣнь. ⁵⁷ «Тѡнн хоть шѣ шляпа лийехь мыннѣ вѣл аннѣтѣ». ⁵⁸ И сѡнн шляпа эннѣтѣ соннѣ, ⁵⁹ я тэль выййлѣнь. Пўдтѣнь сўд гўррѣ.

⁶⁰ Пўдтѣнь, а кѡллсѣнч пѡшш укснѣг. ⁶¹ Сыйй пугк мѣннѣ, а Нестер цялдж: ⁶² «Еле кѣджев тѣ, кѣ пўдѣ йбпшѣнь, ⁶³ тѡнн цѣлѣк, штѣ Нестер пўдѣ йбпшѣнь». ⁶⁴ «Ладно тэль». ⁶⁵ Нестер мѣнѣ сѣз. ⁶⁶ Нестер мѣнѣ сѣз, сѡнн ыштхѣнь судима стўла ѣл. ⁶⁷ Сўдтѣ ѣллькеш. Ну сўдтѣнь, сўдтѣнь, сўдтѣнь. ⁶⁸ Нестер цялдж: «Тѡнн, пожалуй, цялджа, ⁶⁹ штѣ чѡсс тѣгк лѣв тѡн». ⁷⁰ — «Конечно мун лѣв, мунн же ѣннѣтѣ». — ⁷¹ «Да кйч, сонн вѡптѣгк лй, да пугк сѡн лѣв, муст ѣлльч нимй». — ⁷² «Ну, тѡнн, пожалуй, цялджа, костюм тѣдт лй тѡн». — ⁷³ «Да конечно мунѣ лй, мунн же ѣннѣтѣ». — ⁷⁴ «Ну вот видите, судья, ⁷⁵ сѡнн лй вѡптѣгк, пугк быдт соннѣ, мыннѣ ѣбѣ нимѣнн. ⁷⁶ Тѡнн, пожалуй, цялджа, штѣ ботинка калошагуѣйм тоже тѡн». — ⁷⁷ «Ну конечно мунѣ лй, мунн же ѣакьсѣ ѣннѣтѣ тоннѣ». — ⁷⁸ «Ну вот посмотрите, что есть богатство, — ему, соннѣ, ⁷⁹ а муст алля нимй». — ⁸⁰ «Ну, пожалуй, цялджа, шляпа и тѣдт лй тѡн?». — ⁸¹ «Ну конечно мунѣ лй». — ⁸² «Ну вот. Да, пожалуй, цялджа, штѣ ѣбешь и тѣдт лй тѡн». — ⁸³ «Ну конечно, мунн пўдтѣ». — ⁸⁴ «Ну, коѡнчѣ кѡллса». ⁸⁵ Кѡллса кѡнчѣнь, кѡллсѣнч пўдѣ. ⁸⁶ «Кѣ пўдѣ йбпшѣнь?» — ⁸⁷ «Нестер». — ⁸⁸ «Ну вот видишь, видишь, что... Кйчѣ, кѡххт кѡллсѣнч цялдж, штѣ мунн пўдтѣ? ⁸⁹ Сыйй

сӓррнэв, пай сыйй лэв. ⁹⁰ Пай лэв сӓн, муст алля нимй». ⁹¹ Тэлы судья цялдж: «Ну, Нестер! — ⁹² сӓррн. — А хватит вам, дуракам. ⁹³ Хватит вӓптэгк ӓлмэть тӓн вӓйхэллэ. ⁹⁴ Вӓлыт йбпаш я вӓй моӓст» — цялдж.

⁹⁵ Нестер вэллей, ⁹⁶ йбпаш тӓбаһт, ыштэ, ⁹⁷ пай пӓррк оарр. ⁹⁸ <...> выесът. ⁹⁹ А кудт альк лэв шӓрр ё. ¹⁰⁰ Аджесь пӓдэ йбпшэсът, сыйй вэлльень. ¹⁰¹ Роӓммгӓдтэнь: «Аджя, ¹⁰² мӓйт йбпшэнь пӓдтэхъ?» — ¹⁰³ «Ну, мунн йбпаш пыһтэ, — цялдж. ¹⁰⁴ — Адтӓ пӓрхана ебпӓ оар оаштэ, ¹⁰⁵ ну вообце-то, касыт рӓбхушшэ, цялдж, ёбешь пӓдэ, дак... ¹⁰⁶ Адтӓ пӓрханна ебпе лӓннче, оӓсскэха ебпе лӓннче, ¹⁰⁷ лышшэ вышшэ рӓбхушшэ. ¹⁰⁸ Я пӓррэ! ¹⁰⁹ Штобэ ӓлмэть елле вӓйхэллэ, кӓххт мунн вӓйхэллэ ӓлмэть».

2.3 Russian translation

¹ У Нестора было шесть сыновей. ² Сам он работать ленился, ³ а воровать бойкий. ⁴ И не знает, как этих шестерых парней поднять. ⁵ Вот и пошел к купцу. ⁶ Пришел к купцу и просится на работу. ⁷ «Дай, — говорит, — мне работу». ⁸ А купец спрашивает: «Как ты будешь работать?» ⁹ «Я, — говорит, — портной, умею одежду шить. ¹⁰ Костюмы-тройки шью, пальто шью, все шью». ¹¹ «Я дам (работу)». ¹² Вот полную повозку материала, ткань на подкладку, сукно ему дал, ¹³ чтобы шить эти костюмы и пальто. ¹⁴ Вот он вернулся обратно, ¹⁵ продает и этих шестерых сыновей кормит, ¹⁶ а сам на печи полеживает, ленился работать.

¹⁷ Время прошло, от купца пришел человек. ¹⁸ Спрашивает: «Ну что, Нестор, сшил чего?» ¹⁹ «Что я буду шить? — говорит. — ²⁰ Я продаю ²¹ и сыновей кормлю. Шесть сыновей у меня. ²² Я сыновей кормлю». ²³ «Тогда как же нам быть?» ²⁴ «Этого маловато будет, — говорит, — не хватило». ²⁵ Человек пришел назад к купцу, говорит: ²⁶ «Не сделал ничего. ²⁷ Все этих шестерых сыновей кормит. ²⁸ Все продал, шесть сыновей кормит ²⁹ и “маловато еще”, говорит, “пусть еще пришлет”». ³⁰ А купец говорит: «Надо отдать его под суд». ³¹ И послал человека привести его на суд. ³² «Его надо судить! ³³ Очень много материала истра-

тилось». ³⁴ Ладно, поехал на повозке. ³⁵ У него был конюх. ³⁶ Конюх едет, начальник его сидит на повозке. ³⁷ Вот ехали, приехали: «Ну, Нестор, тебя на суд».

³⁸ Ну вот они пошли на суд. ³⁹ Нестор пешком идет, они едут. ⁴⁰ Ехали, ехали, ⁴¹ а Нестор говорит: ⁴² «Ты бы хоть дал мне часы на грудь. ⁴³ А то судья не поверит, что я Нестор. Часов на груди нет». ⁴⁵ Часы отстегнул, дает. ⁴⁶ Вот ехали они, ехали, и он говорит: ⁴⁷ «Ты мне хоть костюм надеть дай. ⁴⁸ А то кто поверит, что я Нестор». ⁴⁹ Тот костюм ему дал. ⁵⁰ Он костюм надел. ⁵¹ Ехали они, ехали: ⁵² «Ты хоть, — говорит, — ботинки с калошами сними ⁵³ и дай мне на ноги надеть. ⁵⁴ Тогда поверят, что я Нестор». ⁵⁵ Вот он снял ботинки, ⁵⁶ отдал ему. Тот на ноги надел, и поехали. ⁵⁷ «Ты бы мог мне хоть шляпу дать». ⁵⁸ Он и шляпу ему отдал, ⁵⁹ и вот поехали. Приехали к суду.

⁶⁰ Приехали, а у двери мужичок подметает. ⁶¹ Они все прошли, а Нестор говорит: ⁶² «Если спросят, кто на лошади приехал ⁶³ ты скажи, что Нестор приехал на лошади». ⁶⁴ «Ладно вот». ⁶⁵ Нестор вошел внутрь. ⁶⁶ Нестор вошел внутрь, его посадили на стул подсудимых. ⁶⁷ Стали судить. Вот судят, судят, судят. ⁶⁸ Нестор говорит: «Ты, пожалуйста, скажешь, ⁶⁹ что и часы твои». — ⁷⁰ «Конечно мои, я же дал». — ⁷¹ «Да, посмотри, он богатый, у него всё, а у меня ничего не должно быть». — ⁷² «Ну, ты, пожалуйста, скажешь, что и костюм тоже твой». — ⁷³ «Ну конечно мой, я же дал». — ⁷⁴ «Ну вот видите, судья, ⁷⁵ он богатый, всё надо ему, мне ничего не надо. ⁷⁶ Ну ты, пожалуйста, скажешь, что ботинки с калошами тоже твои». — ⁷⁷ «Ну конечно мои, я же снял и дал тебе». — ⁷⁸ «Ну вот посмотрите, что есть богатство, — ему, ⁷⁹ а у меня нет ничего». — ⁸⁰ «Ну, пожалуйста, скажешь, что шляпа тоже моя». — ⁸¹ «Ну конечно моя». — ⁸² «Ну вот. Да, пожалуйста, скажешь, что и конь твой». ⁸³ «Ну, конечно, я приехал». — ⁸⁴ «Ну, позовите мужика». ⁸⁵ Позвали мужика, мужик пришел. ⁸⁶ «Кто на лошади приехал?» — ⁸⁷ «Нестор». — ⁸⁸ «Ну вот видишь, видишь, что... Смотрите, как мужик говорит: я приехал. ⁸⁹ А они говорят, это всё они. ⁹⁰ Всё их, а у меня нет ничего». ⁹¹ Тогда судья сказал: «Ну, Нестор!» ⁹² — говорит. — А хватит вам, дуракам. ⁹³ Хва-

тит богатым людям тебя обманывать.⁹⁴ Бери лошадь и езжай обратно».

⁹⁵ Нестор выскочил, ⁹⁶ схватил лошадь, сел, ⁹⁷ только вихрь поднялся. ⁹⁸ Подъехал к дому. ⁹⁹ А шестеро сыновей большие уже. ¹⁰⁰ Отец на лошади приехал, они выбежали. ¹⁰¹ Обрадовались: «Отец, ¹⁰² а что на лошади приехал?» — ¹⁰³ «Ну, я лошадь привел, — отвечает. — ¹⁰⁴ Теперь голодными сидеть не будем, ¹⁰⁵ вообще-то, я лошадь работать привел. ¹⁰⁶ Теперь голодными не будем сидеть, без одежды не будем сидеть, ¹⁰⁷ только не ленитесь работать. ¹⁰⁸ Ну, ешьте! ¹⁰⁹ Не обманывайте людей, как обманывал их я».

3 Grandmother Oan'es' meets a demon

The text is a memorate about an encounter that the speaker's grandmother Oan'es' had with a demon, called here čooggkab'b'er' 'sharp-hat'. The demon takes the form of her brother and tries to lure Oan'es' to his tent. The reindeer accompanying her resists as it can see that it is not Oan'es''s brother but the demon. Oan'es' eventually recognizes the demon and runs away from him. However, the next year she breaks her leg as a result of another intervention of the demon and dies seven years later. Some details of the story remain not quite clear due to the quality of the recording and the speaker's pronunciation features.

The text was recorded by Karl Kont on August 25, 1960 in Lujaav'v'r'. The speaker is Anna Vasilyevna Zheleznyakova, born in Lujaav'v'r' in 1888. The audio is available on the EMSU-KA website (<http://emsuka.eki.ee/>), recording number SUH0943 (10:17–14:05).

3.1 Glossed text

- (1) *umpjaav'r'-es't' jiil'-e*
 Umpjaav'v'r'.-LOC live-PST.3SG
saahkre aaji-a
 Sahkre.NOM.SG grandfather-DIM.NOM.SG
 'At Umpjaav'v'r', there lived grandfather Sahkre'

- (2) *sost l'aajj aahk' sovta vvn'es'*
 3SG.LOC be.PST.3SG woman.NOM.SG Sovta Oan'es'.NOM.SG
 'He had a wife, her name was Sovta Oan'es'
- (3) *ja kug'g'-es' jvvrk-es't' l'aajj k'iinnt*
 and long-ATTR cape-LOC.SG be.PST.3SG village.NOM.SG
 'And there was a village on a long cape [headland]'
- (4) *kug'g'-es' jvvrk-es't'*
 long-ATTR cape-LOC.SG
 'On a long cape'
- (5) *kug'g'-es' jvvrk-es't' kas't' vvn'es'*
 long-ATTR cape-LOC.SG where Oan'es'.NOM.SG
vvhk-a vaan'n'c'-el'
 grandmother-DIM.NOM.SG go-PFV.PST.3SG
 'On the long cape, from which grandmother Oan'es' set off'
- (6) *j'ir'k-en' moož'es' jeer'r'k' l'aajj*
 reindeer-COM.SG beautiful reindeer.NOM.SG be.PST.3SG
 'With a reindeer, the reindeer was very beautiful'
- (7) *kvn't' kaall*
 wild_reindeer.GEN.SG head_skin.GEN.SG
jeer'r'k' l'aajj
 reindeer.NOM.SG be.PST.3SG
 'A beautiful wild reindeer'
- (8) *moož'es' čuer'v' pork čeed*
 beautiful horn.GEN.SG bottom_of_horns.NOM.PL through
 'Very beautiful antlers'
- (9) *vaan'n'c'-e bidd umpjaav'r' jvvr'r'k'-e*
 go-INF needed Umpjaav'v'r'.GEN cape-DAT.SG
 'She needed to go to the cape of Umpjaav'v'r''
- (10) *kas't'-l'aajč* ^{RUS}[*verst dvenadcat' pjatnadcat' gde-to tak*]
 where-INDEF.REF versts 12 15 about so
 'It's about 12-15 versts'
- (11) *soonn vvn'n'c'-e vvn'n'c'-e son'n'-e puud'-e*
 3SG.NOM go-PST.3SG go-PST.3SG 3SG-DAT come-PST.3SG

- vuessta* *v'iil'l'j-es'* *l'eef'f'k'*
 towards brother.NOM.SG-POSS3 L'eef'f'k'.NOM.SG
 'She had been walking for a while when she met L'eef'f'k',
 her brother'
- (12) *c'aallk* *vuellk-a* *vuer'r'p'n-a* *kuess-a*
 say.NPST.3SG go-IMP.1PL sister-DIM.NOM.SG ~~QUEST.3SG~~
 'He says: Sister, why don't you come visit me?'
- (13) *must* *el'la* *kuhk'en'* *kovvas*
 1SG.LOC NEG.NPST.3SG.be far tent.NOM.SG
 'My tent is not far away'
- (14) *nu* *ladno must* *jeer'r'k'=to* *jeer'r'k'=to*
 well OK 1SG.LOC reindeer.NOM.SG=PTCL reindeer.NOM.SG=PTCL
pall
 fear.NPST.3SG
 'But my reindeer is afraid'
- (15) *jeer'r'k'* ^{RUS}*strašno* *pall*
 reindeer.NOM.SG very fear.NPST.3SG
 'The reindeer is very afraid'
- (16) *soonn* *vaannc* *l'eef'f'k'=to* *xxx*
 3SGg.NOM go.NPST.3SG L'eef'f'k'.NOM.SG=PTCL xxx
 'L'eef'f'k' is walking [with a limp]'
- (17) *ovn'es'* *ovhk-a* *m'iil'l'te* *v'iiž'-e*
 Oan'es'.NOM.SG grandmother-DIM.NOM.SG with run-PST.3SG
v'iiž'-e *v'iiž'-e* *nuurr* *aahk'* *v'aal*
 run-PST.3SG run-PFV.PST.3SG young woman.NOM.SG
 'Grandmother Oan'es' ran on and on after him, she was
 still young'
- (18) *a* *jeer'r'k'=to* *tuar'r'-ej*
 and reindeer.NOM.SG=PTCL fight-DECAUS.PST.3SG
 'And the reindeer resisted'
- (19) *jeer'r'k'=to* *n'uez'-el't'* *ovr*
 reindeer.NOM.SG=PTCL bad-ADV ~~1NPST.3SG~~
 'The reindeer is hard to restrain'

- (20) ^{RUS} *potom kas't' tost l'ii kavas*
 then where 2SG.LOC be.NPST.3SG ~~ten~~NOMSG
 'Then [she says]: Where is your tent?'
- (21) *el'la kuhk'en' el'la kuhk'en'*
 NEG.NPST.3SG.be far NEG.NPST.3SG.be far
 'It isn't far away, it isn't far away'
- (22) *v'il'l'j-es'=to saarrn*
 brother.NOM.SG-POSS.3=PTCL speak.NPST.3SG
el'la kuhk'en'
 NEG.NPST.3SG.be far
vuer'r'p'n-a vuer'r'p'n-a el'la kuuhk'en'
 sister-DIM.NOM.SG sister-DIM.NOM.SG NEG.NPST.3SG.be far
kavas
 tent.NOM.SG
 'Her brother says: It isn't far away, sister, sister, my tent isn't far away'
- (23) ^{RUS} *potom vvn'es' vvhk-a c'aallk*
 then Oan'es'.NOM.SG grandmother-DIM.NOM.SG say.NPST.3SG
l'eef'f'k' v'il'j-a vrr-a
 L'eef'f'k'.NOM.SG brother-DIM.NOM.SG sit-IMP.1PL
 'Then grandmother Oan'es' says'
- (24) *munn jeer'k' suvvas kor-s-a*
 1SG.NOM reindeer.NOM.SG smoke_fire.GEN.SG tie-PFV-NPST.1SG
 'I'll tie the reindeer next to a smoke fire'
- (25) ^{RUS} *od'inoka sueg'-eņč l'ii v'il'l'k'-es'*
 lonely birch-DIM.NOM.SG be.NPST.3SG white-ATTR
sueg'-eņč
 birch-DIM.NOM.SG
 'There is a lonely birch tree, a white birch tree'
- (26) *sama lujaav'r' k'aajn al'n*
 right Lujaav'v'r'.GEN road.GEN.SG on.LOC
 'Right on the road to Lujaav'v'r''
- (27) *lujaav'r' k'aajn al'n*
 Lujaav'v'r'.GEN road.GEN.SG on.LOC
 'On the road to Lujaav'v'r''

- (28) ^{RUS} *odinoke sueg'-eņč l'ii tenn luz-e*
 lonely birch-DIM.NOM.SGbe.NPST.3SG this.GEN.SG to-DAT
jeer'k' koor
 reindeer.ACC.SG tie.IMP.SG
 'Here is the lonely birch tree, tie the reindeer to it'
- (29) *laamč tel'e pırr sueg-a vıgg-el*
 rope.ACC.SG there around birch-DIM.GEN.SGbe.NPST.3SG
 'She put a rope around the birch tree'
- (30) ^{RUS} [*gospodi blagoslovi*]
 Lord bless
 'Good Lord!'
- (31) *i v'ii'l'-es' sɔvg-et el'l'a*
 and brother-LOC.SG news-ACC.SG NEG.NPST.3SG.be
 'No word from the brother'
- (32) *soonn ^{RUS}[značit okazyvaetsja] el'l'a*
 3SG.NOM means turn_out NEG.NPST.3SG.be
lujaav'r' k'aajn al'n a soonn
 Lujaav'v'r'.GEN road.GEN.SG on.LOC and 3SG.NOM
 'It turns out, it wasn't him on the road to Lujaav'v'r''
- (33) *soonn tola pugg*
 3SG.NOM there all
kas't'=l'aajņ jeel'l'-em xxx
 where-INDEF.REF live-PTCP xxx
vɔrr-ed
 visit-REFL.PST.3SG
 'He was somewhere else'
- (34) *tes't' l'ii uže tez v'iiž'-el'*
 here be.NPST.3SG already here run-PFV.PST.3SG
 'She is already here, she came here'
- (35) *soonn čil'm'-et rist-e c'aallk šte*
 3SG.NOM eye-ACC.PL cross-PST.3SG say.NPST.3SG that
 'She made the sign of the cross over her eyes, then she said that...'

- (36) *vot v'iiž'-el' tel'e kooxxt l'eev*
 so run-PFV.PST.3SG so how be.NPST.3PL
 'She ran, that's how it was'
- (37) *v'iiir'-es' soonn jor-en xxx*
 believe-PFV.PST.3SG 3SG.NOM fall-HAB.PST.3SG XXX
tvvj-d-j-ed-e xxx RUS[spasite spasi ot
 ramble-DECAUS-REFL-PST.3SG XXX save save from
vraga]
 enemy
 'She opened up, she fell and started rambling: "Save me, save me from the enemy"'
- (38) *čoogg-kab'b'er' el'l'ij v'iil'l'j-es' a*
 sharp-hat.NOM.SG NEG.PST.3SG.be brother.NOM.SG-POSS.3 and
čoogg-kab'b'er' l'aajj bidde
 sharp-hat.NOM.SG be.PST.3SG as_though
be kak v'iil'l'j
 COND how brother.NOM.SG
 'It was a demon; it wasn't her brother but a demon that looked like her brother'
- (39) *tes't' mvoz-e v'iiž'-e v'iiž'-e v'iiž'-e ja*
 here back-DAT run-PST.3SG run-PST.3SG run-PST.3SG
jeek'n-epč-e puud'-e ump'jaav'r' jvvr'r'k'-e
 evening-DIM-DAT.SG come-PST.3SG Umpjaav'v'r'.GEN cape-DAT.SG
 'From there she ran back, she ran on and on, and by the evening she reached the cape of Umpjaav'v'r''
- (40) *a jeer'k'-es'=to kvoovn-e jeer'r'k'*
 and reindeer.ACC.SG-POSS3=PTCL find-PST.3SG reindeer.NOM.SG
xxx jeetts-a puud'-e jeer'k'-en-es'
 xxx yard-DAT.SG come-PST.3SG reindeer-COM.SG-POSS.3
 'She found the reindeer, she came into the yard with her reindeer'
- (41) *eft vuer pall ja tennb'eel'*
 one.GEN time.GEN.SG fear.NPST.3SG and from_one_side
nim'b'eel' tennb'eel' nim'b'eel'
 from_another_side from_one_side from_another_side
 'It got scared at once, from one side, from another side'

- (42) *a jeer'r'k'-ot ujn a soonn=ot*
 and reindeer.NOM.SG=PTCLsee.NPST.3SG and 3sg.NOM=PTCL
ejj ujn
 NEG.3SG see.CNG
 'The reindeer sees, and she doesn't'
- (43) *v'iiž'-e v'iiž'-e v'iiž'-e*
 run-PST.3SG run-PST.3SG run-PST.3SG
umpjaav'r' jvør'r'k'-e
 Umpjaav'v'r'.GEN cape-DAT.SG
puud'-e=to
 come-PST.3SG=PTCL
 'She ran and ran, and finally she reached the cape of Umpjaav'v'r''
- (44) *jog'g'-e puud'-e kuadd-a suaŋ-e*
 river-DAT.SG come-PST.3SG house-DAT.SG ~~enter~~3SG
c'aaljk
 say.NPST.3SG
 'She came to the river, entered the house and said'
- (45) *jel'l'e kaaž'-e n'i-meenn a vvør'r'-d-eg'g'e*
 PROH.PL ask-IMP.PL NEG-what.ACC.SG and take_care-REFL-IMP.PL
mun-e
 1SG-ACC
 'Do not ask me any questions, take care of me'
- (46) ^{RUS}[*nu dogadalis' značit*] *čoogg-kab'b'er' soon-e*
 well understand means sharp-hat.NOM.SG 3SG-ACC
aan's-a l'ii
 take_away-PTCP.PST be.NPST.3SG
 'So they understood that she had been taken by a demon'
- (47) *i vot sijn jiil'l'-en' ^{RUS}[s tex por na buduščij*
 and so 3PL.NOM live-PST.3PL from this time on future
god] *ig'g' t'iivt-e*
 year year.NOM.SG fill-PST.3SG
 'So that was it. They lived on, a year passed'
- (48) *xxx kurpas jvørrk l'ii*
 xxx Kurpas cape.NOM.SG be.NPST.3SG
 '...there is the Kurpas cape'

- (49) *soonn kurpas jwark-es' vuul'k'-e puuz-e=guejm*
 3SG.NOM Kurpas cape-LOC.SG go-PST.3SG reindeer-GEN.PL=COM
 'She left the Kurpas cape with reindeer'
- (50) *vwpl't-e ja vaan'n'c'-el'*
 take-PST.3SG and go-PFV.PST.3SG
 'And she set off'
- (51) *ad'd' p'iiras sost vuul'k'-e sugg-e*
 now family.NOM.SG 3SG.LOC go-PST.3SG row-INF
umbjaav'r' jwvr'r'k'-e umbjaav'r' jog'g'-e
 Umpjaav'v'r'.GEN cape-DAT.SG Umpjaav'v'r'.GEN river-DAT.SG
 'And at that moment the family went by boat to the cape
 of Umpjaav'v'r', to the Umpjaav'v'r' river'
- (52) *soonn vwvn'c'-e vwvn'c'-e ja ripp kuu*
 3SG.NOM go-PST.3SG go-PST.3SG and partridge.NOM.PL how
loonjn-ev ja puuz-e pirr soon
 take_off-NPST.3PL and reindeer-NOM.PL around 3SG.GEN
karr-ev
 run-NPST.3PL
 'She had been on her way for a while, and then partridges
 fluttered, her reindeer started running'
- (53) *jeer'k' pirr soon xxx soon*
 reindeer.NOM.PL around 3SG.GEN xxx 3SG.GEN
swvn-et' xxx jaarrt-a
 sledge-ACC.PL xxx side-DAT.SG
^{RUS}*svalili vis't' k'eed'd'k'-e*
 flip against stone-PART
 'Her reindeer ran, flipped the sledge over a rock'
- (54) *i juul'k' drabaskom juul'k' drabaskom*
 and leg.NOM.PL shattered leg.NOM.PL shattered
 'And her leg broke. Her leg broke'
- (55) ^{RUS}[*vot pered dobrom-to i ne javljaetsja vrag, a javljaetsja
 vsegda pered lixom*]
 'The enemy never appears before good things, he always
 appears before bad things'

- (56) *tam'p'e* *vuur't'-es'* *vuur't'-es'* *nu* *šte*
 there wait-PFV.PST.3SG wait-PFV.PST.3SG well
von'es' *ejj* *pued'*
 Oan'es'.NOM.SG NEG.3SG come.CNG
 'He had been waiting for a long time, but Oan'es' didn't come'
- (57) *kaal'les'* *l'ii* *eellm* *kaal'les'* *l'ii*
 fellow.NOM.SG be.NPST.3SG real fellow.NOM.SG be.NPST.3SG
saahkre
 Saahkre.NOM.SG
 'Her husband, her real husband, Sakhre'
- (58) *vaan'n'c'-el'* *vaannc* *k'aahč* *ujn-es't'* *šte*
 go-PFV.PST.3SG go.NPST.3SG look.NPST.3SG see-PFV.PST.3SG
jupka *roššk-at*
 skirt.NOM.SG red-CAUS.NPST.3SG
 'He walked and walked, then he takes a look and sees
 a red skirt'
- (59) *meen-e* *von'es'* *meejt* *vr-ak*
 go-PST.3SG Oan'es'.NOM.SG what.ACC.PL sit-NPST.2SG
 'He came closer: Oan'es', why are you sitting here?'
- (60) *meejt* *vr-a* *juul'l'k'..*
 what.ACC.PL sit-NPST.2SG leg.NOM.SG
juul'l'k' *murr-t-ej*
 leg.NOM.SG break-DECAUS.PST.3SG
 'Why am I sitting here? My leg... I broke my leg'
- (61) ^{RUS}[*nu* *vot* *b'eda*]
 well so trouble
 'That's a big problem'
- (62) *kaal'les'* *puud'-e* *mvoz-e* *kuut* *allk-a*
 fellow.NOM.SG come-PST.3SG back-DAT.TWO.GENSON-DAT.SG
svoğ *ligg-e*
 news.ACC.SG make-PST.3SG
 'The husband returned home, told the news to their two sons'
- (63) *tes't'* *soonn* *k'eer'es'* *vvo'l't-en'* *tel'*
 here 3SG.NOM saami_sledge.ACC.SG take-PUNCT.PST.3SG
 'He took the sledge to the house'

meen'n'-en'

go-PST.3PL

'He took a wooden sledge'

- (64) *da k'eer's'-en' k'eez'-x'-en' veenns-e*
 and saami_sledge-COM.SG pull-CAUS-PST.3PL boat-DAT.SG
 'And they took her on the sledge to the place where
 the boat was'

- (65) *da veenns-es' jog'g'-e bidd tes't'*
 and boat-LOC.SG river-DAT.SG needed here
 'Then it was necessary to take her up the river in the boat'

- (66) *kiž'em' ig'g'-e strvž-e i tejn i*
 seven year-PART suffer-PST.3SG and this.COM.SG and
jvøm'-e
 die-PST.3SG
 'After that she suffered for seven years and finally died'

- (67) *tejn i jvøm'-e kuuht*
 this.COM.SG and die-PST.3SG two.ACC
a'l'k' n̄v̄j̄jt-e
 son.NOM.PL marry_off-PST.3SG
 Finally she died [but] she had married off her two sons'

- (68) *mun-e mun-e tenn-e=guejm mun*
 1SG-GEN 1SG-GEN this-GEN=COM 1SG.GEN
aaj-d-an n̄v̄j̄jt-l'-edd-en kuuht
 grandfather-PL-POSS.1 marry_off-PFV-REFL-3PL two.NOM
aaj must l'ev
 grandfather.NOM.PL 1SG.LOC be.NPST.3PL
 'I... because of that my... My grandfathers got married,
 I have two grandfathers'

- (69) *jphk n̄v̄j̄jt-l'-ed'-e vaas's'k'*
 Yahk.NOM.SG marry_off-PFV-REFL-PST.3SG Vaas.NOM.SG
n̄v̄j̄jt-l'-ed'-e
 marry_off-PFV-REFL-PST.3SG
 'Yahk got married and Vaas's'k' got married'

- (70) *mun aǰ'-a šuurr paar'r'n' l'ii*
 1SG.GEN father-DIM.NOM.SG big boy.NOM.SG be.NPST.3SG
 RUS *godov trinacat'*
 years 13
 'My father was already a big boy, about 13 years old'
- (71) *i vvhk-s-an vvn'es'*
 and grandmother-LOC.SG-POSS.1 Oan'es'.NOM.SG
vvhk-a
 grandmother-DIM.NOM.SG
tedd jvnm'-e tedd juul'k'-es't'=ot
 this.NOM die-PST.3SG this.NOM because of her [broken] leg
 'And from my grandmother... Grandmother Oan'es' died because of her [broken] leg'
- (72) RUS [*i kon'ec*]
 and end
 'And that's it'

Kildin Saami text in Cyrillic orthography

¹ Умпьявьрэсьт йле Сăһкрэ айя. ² Сост ляйй аһкъ, Совта Оанэсь. ³ Я кугкесь нёаркэсьт ляйй киннт, ⁴ кугкесь нёаркэсьт. ⁵ Кугкесь нёаркэсьт, касьт Оанэсь оаһка ванньцэль ⁶ йркэнь, мѳджесь ёррьк ляйй. ⁷ Коанѳт калл ёррьк ляйй, ⁸ мѳджесь чуэрвь порк чѳд. ⁹ Ванньцэ быдт Умпьявьр нёаррькэ. ¹⁰ Касьт-ляннч *верст 12–15, где-то так* ¹¹ Сѳнн воанѳцэ, воанѳцэ, соннѳ пѳдѳ вуэсста вилльесь. ¹² Цялѳк: «Вуэллкэ, вуэррьпнă, куэсса! ¹³ Муст элля куһкенѳ коавас». — ¹⁴ «Ну ладно, муст ёррьк-то, ёррьк-то палл. ¹⁵ Ёррьк *страшно* палл». ¹⁶ Сѳнн ваннц, Лефѳкъ-то, <...>. ¹⁷ Оанэсь оаһка мйллѳтэ вйже, вйже, вйже, нѳрр аһкъ вя л. ¹⁸ А ёррьк-то туаррэй. ¹⁹ Ёррьк-то нюэзелѳт оарр. ²⁰ *Потом*: «Касьт тост лй коавас?» — ²¹ «Элля куһкенѳ, элля куһкенѳ». ²² Вилльесь-то саррн: «Элля куһкенѳ, вуэррьпнă, вуэррьпнă, элля куһкенѳ». ²³ *Потом* Оанэсь оаһка цялѳк: «Лефѳкъ вйлья, оарра. ²⁴ Мунн ёррьк суввас корса». — ²⁵ «*Одинока* суэгенч лй, виллькесь суэгенч, ²⁶ сама Луйявьр кййн альн. ²⁷ Луйявьр

кяйн альн ²⁸ одинокэ суэгенч лй, тэнн лузэ ёрьк кёр». ²⁹ Ламч тэле пырр суэга выгкэл — ³⁰ *Господи, благослови!* ³¹ И вильесът соагэтэ элля. ³² Сөнн, *значит, оказывается,* элля Луявёр кяйн альн, а сөнн... ³³ Сөнн тола пугк касът-ляннч ёллем <...> воаррэдь. ³⁴ Тэсът лй, уже тэз вйджелъ. ³⁵ Сөнн чальмэтэ рыстэ, цялдж, штэ... ³⁶ Вот вйджелъ, тэле коххт лёв. ³⁷ Вйрэсът сөнн, ёрн <...> тоаййдьедэ <...>: «*Спасите, спаси от врага!*» ³⁸ Чогк кабперъ, эллий вилльесъ, а чогк кабперъ ляйй быдтэ бэ как вилльй. ³⁹ Тэсът моазэ вйже, вйже, вйже я ёкьнэнче пүдэ Умпьявёр нёаррькэ. ⁴⁰ А ёрькэсь-то коавнэ, ёррьк <...> ёткса пүдэ ёрькэнэсь. ⁴¹ Эфт вуэр палл — я тэнн бэль нымьп бэль, тэнн бэль нымьп бэль. ⁴² А ёррьк-от уйин, а сөнн-от эйй уйн. ⁴³ Вйже, вйже, вйже, Умпьявёр нёаррькэ пүдэ-то. ⁴⁴ Ёгке пүдэ, куадта суаңэ, цялдж: ⁴⁵ «Елле кадже нимэнн, а воаррьдэгке мун(э)». ⁴⁶ *Ну, догадались, значит, чогк кабперъ сөнэ аһьса лй.* ⁴⁷ И вот сыйй йлленъ *с тех пор, на будущий год* ыгкэ тйвтэ. ⁴⁸ <...> Курпас нёаррк лй. ⁴⁹ Сөнн Курпас нёаркэсът вўлькэ пүдзэгуэйм, <...> ⁵⁰ воальтэ я... ванньцель. ⁵¹ Адть пйрас сост вўлькэ сугкэ Умпьявёр нёаррькэ... Умпьявёр ёгке. ⁵² Сөнн воаньцэ, воаньцэ, я рыбп гў лонунэв, я пүдзэ пырр сөн каррэв. ⁵³ Ёрьк пырр сөн <...>, сөн соанэтэ <...> яррта свалили высът кеддъкэ. ⁵⁴ И юльк драбаском. И юльк драбаском. ⁵⁵ *Вот перед добром-то и не является враг, а является всегда перед лихом.* ⁵⁶ Тамьпе вўрьтэсь, вўрьтэсь — ну что Оанэсь эйй пуэдъ? ⁵⁷ Каллесь, эллм каллесь лй, Саһкрэ. ⁵⁸ Ванньцэль, ваннц, кяһч, уйнэсът, штэ юбка рошшкад. ⁵⁹ Мэнэ: «Оанэсь, мэйт оарак?» — ⁶⁰ «Мэйт оара? Юльк... юльк мурртэй». ⁶¹ *Ну вот беда!* ⁶² Каллесь пүдэ моазэ, кўт аллка соаг лыгкэ. ⁶³ Тэсът сөнн кересь воалль-тэнь, тэль мэннэнь, ⁶⁴ да керьсенъ кэзьхэнь вэннэ, ⁶⁵ да вэннэсът ёгке быдт тэсът. ⁶⁶ Кыджемь ыгке строажэ и тэйн и ёа́ме. ⁶⁷ Тэйн и ёа́ме, кўһт альк ноајтэ. ⁶⁸ Мунэ, мунэ тэннэгуэйм... мун айдан ноајтлэдтэнь, кўһт ай муст лёв. ⁶⁹ Ёаһк ноајтлэдэ, Васськ ноајтлэдэ. ⁷⁰ Мун аджя шўрр пэррын лй, годов 13. ⁷¹ И оаһксан... Оанэсь оаһка, тэдт ёа́ме тэдт юлькэсът-от. ⁷² *И конец.*

Russian translation

¹ Жил на Умбозере дед Захар. ² У него была жена, Анисья Савватеевна. ³ На длинном полуострове был погост, ⁴ на длинном мысу. ⁵ С длинного мыса, откуда бабушка Анисья пошла ⁶ с оленем, красивый был олень. ⁷ Красивый дикий олень, ⁸ красивые рога, много. ⁹ Надо было идти в Умбозеро на мыс. ¹⁰ Где-то верст 12–15, где-то так. ¹¹ Она шла, шла, а ей навстречу ее брат Леонтий. ¹² Говорит: «Пойдем, сестра, в гости! ¹³ У меня недалеко чум». — ¹⁴ «Ну ладно, а мой олень-то, олень боится. ¹⁵ Олень очень боится». ¹⁶ Он идет, Леонтий-то, [похрамывает]. ¹⁷ Бабушка Анисья за ним бежит-бежит-бежит, еще молодая была. ¹⁸ А олень сдерживает. ¹⁹ А олень плохо держится. ²⁰ Потом: «Где твой чум?» — ²¹ «Недалеко, недалеко». ²² Брат говорит: «Недалеко, сестричка, сестричка, недалеко чум». ²³ Потом бабушка Анисья говорит: «Брат Леонтий, стой. ²⁴ Оленя под дымокур привяжу». ²⁵ «Одинокая береза, белая березка, ²⁶ прямо на Ловозерской дороге. ²⁷ На Ловозерской дороге ²⁸ одинокая береза, возле нее оленя привяжешь». ²⁹ Веревку вокруг березки обвела — ³⁰ Господи, благослови! ³¹ И брата не слышать. ³² Значит, она, оказывается, не на Ловозерской дороге... ³³ Он давно где-то бывал. ³⁴ Здесь уже, сюда прибежала. ³⁵ Она глаза перекрестила и сказала... ³⁶ Вот побежала, вот как-то оно. ³⁷ Молилась, падала и умоляла: «Спасите, спаси от врага!» ³⁸ Это черт, а не брат, это черт в облике брата. ³⁹ Тут обратно бежала, бежала, бежала, к вечеру прибежала к Умбозерскому мысу. ⁴⁰ Оленя-то нашла и во двор пришла с оленем. ⁴¹ Он один раз испугался — с одной стороны, с другой стороны. ⁴² Олень-то видит, а она-то не видит. ⁴³ Бежала, бежала, бежала, к Умбозерскому мысу прибежала. ⁴⁴ К реке пришла, в вежу зашла, сказала: ⁴⁵ «Не спрашивайте ничего, а позаботьтесь обо мне». ⁴⁶ Ну, догадались, значит, черт ей овладел.

⁴⁷ И вот на будущий год год исполнился. ⁴⁸ <...> был мыс Курпас. ⁴⁹ Она вышла с мыса Курпас, и взяла с собой оленей, ⁵⁰ и пошла. ⁵¹ А семья тогда погребла к Умбозерс-

кому мысу... к Умбозерской реке.⁵² Она шла, шла; куропатки как взлетели, олени вокруг нее побежали.⁵³ Олени побежали вокруг нее, сани свалили набок.⁵⁴ И нога вдребезги.⁵⁵ Вот перед добром-то и не является враг, а является всегда перед лихом.⁵⁶ Там [муж ее] ждал, ждал, Анисья не идет.⁵⁷ Настоящий муж, Захар.⁵⁸ Идет, смотрит и увидел, что юбка краснеет.⁵⁹ Подошел: «Анисья, почему сидишь?» —⁶⁰ «Почему сижу? Нога сломалась». ⁶¹ Ну вот беда! ⁶² Муж пришел, двум сыновьям сообщил. ⁶³ Взял керёжу, ⁶⁴ на керёже тащили до лодки, ⁶⁵ на лодке по реке надо. ⁶⁶ Семь лет мучилась и так и умерла. ⁶⁷ Так и умерла, [но] двух сыновей поженила. ⁶⁸ У меня поэтому деды женились, у меня два деда. ⁶⁹ Яков женился, Василий женился. ⁷⁰ Мой отец был большим мальчиком, лет тринадцать. ⁷¹ У бабушки Анисья, она тогда умерла от ноги. ⁷² И конец.

Abbreviations

1, 2, 3	1 st , 2 nd , 3 rd person	INF	infinitive
ABE	abessive case	IPS	impersonal
ACC	accusative case	LOC	locative case
ADV	adverb marker	MID	middle voice
ATTR	attributive	NEG	negation
CAUS	causative	NOM	nominative case
CNG	connegative	NPST	non-past tense
COM	comitative case	PART	partitive case
COND	conditional mood	PFV	perfective
DAT	dative case	PL	plural
DECAUS	decausative	POSS	possessive
DIM	diminutive	POT	potential mood
GEN	genitive case	PST	past tense
HAB	habitual	PTCP	participle
IMP	imperative mood	PUNCT	punctual
INDEF.REF	indefinite referential	REFL	reflexive
		SG	singular

References

Antonova 2014 — Антонова С. *Сәмь-рүши сәннһнэххк*. Мурманск, 2014. (Antonova S. *Sām'-rūšš sänn'nehk'* [Saami-Russian dictionary]. Murmansk, 2014.) (In Kildin Saami)

Antonova, Scheller 2021 — Антонова С., Шеллер Э. *Саамско-русский и русско-саамский словарь (около 16 000 слов)*. UiT Арктический университет Норвегии. Тромсе, 2021. URL: <https://sanj.oahpa.no/> [Antonova S., Scheller E. *Saamsko-russkij i Russko-saamskij slovar' (okolo 16 000 slov)* [Saami-Russian and Russian-Saami dictionary]. UiT The Arctic University of Norway, Tromsø, 2021. URL: <https://sanj.oahpa.no/>] (In Russ.)

Bjarnson 1976 — Bjarnson D. E. *A phonemic transcription of Lovozero (Kildin) Lappish*. Bloomington, 1976.

Genetz 1891 — Genetz A. *Kuollan lapin murteiden sanakirja ynnä kielennäytteitä* [Dictionary of the Kola Lappish dialects with language samples] (Bidrag till Kännedom Af Finlands Natur Ock Folk 50). Helsinki, 1891. (In Finnish)

Itkonen 1958 — Itkonen T. I. *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja* [A dictionary of Skolt and Kola Saami] (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV). 2nd edn. 2 vols. Helsinki, 1958. (In Finnish)

Itkonen, Europaeus 1931 — Itkonen T. I., Europaeus D. E. D. *Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja* [Fairy tales from Skolt and Kola Saami] (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia LX). Helsinki, 1931. (In Finnish)

Kert 1961 — Керт Г. М. *Образцы саамской речи*. Москва-Ленинград, 1961. (Kert G. M. *Obrazcy saamskoj rechi* [Samples of Saami speech]. Moskva-Leningrad, 1961.) (In Russ.)

Kuruch et al. 1985 — Куруч Р. Д., Афанасьева Н. Е., Мечкина Е. И., Антонова А. А., Глухов Б. А., Яковлев Л. Д. *Саамско-русский словарь*. Москва, 1985. (Kuruch R. D., Afanasieva N. E., Mechkina E. I., Antonova A. A., Glukhov B. A., Yakovlev L. D. *Saamsko-russkij slovar'* [Saami-Russian dictionary]. Moskva, 1985.) (In Russ.)

Kuruch et al. 1995 — Куруч Р. Д., Афанасьева Н. Е., Виноградова И. В. *Правила орфографии и пунктуации саамского языка*. Москва-Мурманск, 1995. (Kuruch R. D., Afanasieva N. E., Vinogradova I. V. *Pravila orfografii i punktuacii saamskogo jazy-*

ka [Spelling and punctuation rules of the Saami language.] Moskva–Murmansk, 1995.) (In Russ.)

Lehtiranta 1985 — Lehtiranta J. (ed.). *Kildinlappische Sprachproben* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 191). Helsinki, 1985.

Szabó 1967 — Szabó L. *Kolalappische Volksdichtung: Texte aus der Dialekten in Kildin und Ter.* (Abhandlungen Der Akademie Der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse 68). Vol. 3. Göttingen, 1967.

Szabó 1968 — Szabó L. *Kolalappische Volksdichtung: Texte aus der Dialekten in Kildin und Ter. Zweiter Teil nebst grammatischen Aufzeichnungen* (Abhandlungen Der Akademie Der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse 72). Göttingen, 1968.

[Рецензия на:] **Чернявский В. Ižoran keel (Ittseopastaja) / Ижорский язык (Самоучитель). – URL: [https://theswissbay.ch/pdf/Books/Linguistics/Mega_linguistics_pack/Uralic/Ingrian; Ижорский язык \(Černjavskij\).pdf](https://theswissbay.ch/pdf/Books/Linguistics/Mega_linguistics_pack/Uralic/Ingrian;_Ижорский_язык_(Černjavskij).pdf)**

Мехмед Закирович Муслимов

*Институт лингвистических исследований РАН
Москва, Россия
mehmet@yandex.ru*

[Review of:] **Chernyavskiy V. Ižoran keel (Ittseopastaja) / A teach-yourself guide to the Ingrian language. – URL: [https://theswissbay.ch/pdf/Books/Linguistics/Mega_linguistics_pack/Uralic/Ingrian; Ижорский язык \(Černjavskij\).pdf](https://theswissbay.ch/pdf/Books/Linguistics/Mega_linguistics_pack/Uralic/Ingrian;_Ижорский_язык_(Černjavskij).pdf)**

Mehmed Zakirovich Muslimov

*The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
mehmet@yandex.ru*

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-193-223

Введение

Ижорский язык в настоящее время находится в крайне тяжелом состоянии, большинство его носителей — уходящее поколение 1920–1930 годов. В то же время наблюдается определенный рост интереса к нему как среди потомков носителей ижорского языка, так и среди людей, интересующихся культурой и историей С-Петербурга и Ингерманландии в целом. Однако пособий по ижорскому языку, которые

были бы доступны широкому кругу интересующихся до настоящего времени было опубликовано крайне мало. Одним из таких пособий является «Ižoran keel (Ittseopastaja) / Ижорский язык (Самоучитель)» В. Чернявского, который можно скачать на многих сайтах, посвященных изучению различных языков. Настоящая рецензия посвящена анализу языка, который представлен в этом издании (далее в тексте — Самоучитель).

Общий объем Самоучителя — 300 страниц, причем большую часть, начиная со с. 90, занимают ижорско-русский и русско-ижорский словарики. Большой проблемой для изучающих ижорский язык является отсутствие достаточно полных ижорско-русского и русско-ижорского словарей, ижорская лексика зафиксирована только в академических изданиях — например, в словаре Р. Е. Нирви [Nirvi 1971], автор которого помимо собственного полевого материала использовал и другие источники, в частности эстонязычные и немецкоязычные. Это привело к тому, что в данном словаре для ижорских слов даются обычно финские переводы, однако в ряде случаев также приводятся эстонские и немецкие. В словаре представлена в основном лексика сойкинского диалекта ижорского языка, который был базовым диалектом письменного ижорского языка в период языкового строительства 1930-х годов до реформы 1936 года [Junus 1936], хотя во многих случаях приводятся и параллели из хэвасского, оредежского и некоторых говоров нижнелужского диалекта. Хэвасская лексика представлена в ижорско-эстонском словаре А. Лаанеста [Laanest 1997]. Меньше всего повезло южным говорам нижнелужского ижорского, которые практически не представлены в словаре Нирви и которые отличаются сильнее всего от остальных ижорских диалектов, в том числе и лексически. Некоторое представление об особенностях данных говоров можно получить из словаря Л. Пости [Posti 1980], в котором представлена лексика смешанного идиома дер. Куровицы с водской морфологией и нижнелужской ижорской лексикой. О куровицком идиоме подробнее см. [Муслимов

2020; Markus, Rozhanskiy 2012]. Таким образом, во всех вышеупомянутых академических словарях перевод дается в основном на финский и эстонский языки, что существенно затрудняет их использование неспециалистами, желающими самостоятельно изучать ижорский язык. В силу всего этого публикация достаточно объемных практических/учебных ижорско-русского и русско-ижорского словарей могла бы быть серьезным подспорьем для изучающих ижорский язык.

Основная часть Самоучителя состоит из 46 уроков, посвященных почти исключительно именному и глагольному словоизменению, и поурочные упражнения, за исключением 3, представляют упражнения на склонение и спряжение по образцам, лишь в последних уроках читателю предлагается перевести с ижорского языка несколько сказок. Упражнения, в которых бы требовалось переводить предложения, выбрать нужную лексему из нескольких, написать о себе и т. п. в данном Самоучителе отсутствуют, поэтому корректнее считать его скорее пособием по ижорской морфологии, чем собственно самоучителем. Следует отметить, что в настоящее время уже существует подобного рода пособие — это электронный морфологический словарь сойкинско-ижорского Ingridict 1.0, созданный Ф. И. Рожанским и Е. Б. Маркус, который содержит полные парадигмы всех представленных в нем изменяемых лексем.

В нашей рецензии мы не будем касаться вопросов методики преподавания и изучения неродного языка. Нас будет интересовать сам язык в том виде, в каком он представлен в Самоучителе, то, в какой степени он отражает реальный ижорский язык. В качестве эталонов для сравнения мы будем пользоваться упомянутыми выше словарями, а также описаниями ижорского языка, представленными в работах В. Поркка, А. Лаанета, Ф. И. Рожанского и Е. Б. Маркус, обращая особое внимание именно на сойкинский диалект, поскольку «в данной работе (построенной как самоучитель) ижорский язык дается, в основном, на базе сойкинско-ижорского диалекта (как наименее ассимилированного другими язы-

ками) с некоторыми дополнениями из хэвасского диалекта» (Самоучитель..., с. 3). Для определения реальной диалектной базы языка данного самоучителя в качестве эталона мы будем пользоваться также и собственными полевыми материалами, собранными в 1999–2019 гг. большей частью в нижнелужском ареале, но включающими также и небольшую долю сойкинского и хэвасского диалектов.

Далее в тексте мы будем часто ссылаться на сам Самоучитель и на некоторые источники. С целью сделать текст менее громоздким мы будем ссылаться на Самоучитель в формате (СУ: страница), на электронный словарь Рожанского и Маркус (R: пример, ..., пример), на словарь Нирви [Nirvi 1971] (N: страница / пример, ..., пример), на словарь Лаанеста [Laanest 1997] (L: страница / пример, ..., пример), на грамматику Поркка [Porkka 1885] (P: страница / пример, ..., пример).

1. Ижорские деревни

В Самоучителе перечисляются некоторые из деревень, в которых проживали носители ижорского языка, однако не все, причем принцип, по которому были выбраны деревни, остается неясным. В частности, из нижнелужских деревень, в которых, по крайней мере в 2001 году, говорили по-ижорски, не упомянуты Большое и Малое Куземкино, Курголово, Кейкино, Манновка, Дальняя Поляна, Извоз, Венекюля и Сааркюля. Вызывает удивление и следующее утверждение: «Носители нижнелужского диалекта. Проживают ... совместно с финнами и русскими — в Ропсу (Ропша) и совместно с водью в... Куккузи (Куровицы)». Хотя в [Körpen 1867: 40] в дер. Ропша действительно отмечены как финны, так и ижоры, к 2001 году в ней было только 4 носителя ижорского языка, причем 3 из них были выходцами из исчезнувшей дер. Новая, из 3-х носителей ропшинского говора 2 проживали в соседней дер. Большое Куземкино, и ни одного носителя ингерманландского финского в Ропше в 2001 году не было. Станным для любого лингвиста или антрополога, работавшего в какой-либо из местностей Ин-

германландии является и упоминание русских только в одной из перечисленных автором Самоучителя деревень, поскольку после Второй мировой войны только небольшой части ижор, води и ингерманландских финнов удалось вернуться в родные деревни и к началу 21 века почти во всех прежних ижорских деревнях русские составляли большинство. Носители же куровицкого смешанного идиома считают себя ижорами, и хотя между их идиолектами есть небольшие различия, сами носители характеризовали эти варианты как разницу между двумя ижорскими говорами — куровицким и говором дер. Орлы (подробнее об этом [Муслимов 2012]). Подобные неточности есть и в перечислении сойкинских и хэвасских деревень.

2. Фонология

2.1. Смычные

Для консонантизма сойкинского диалекта характерно противопоставление трех рядов смычных и сибилантов — простых, которые озвончаются в интервокальной позиции, в соседстве с сонорными и в ауслауте, а также двух типов геминат — кратконачальных и полных, которые реализуются как глухие. Полные геминаты в Самоучителе обозначаются удвоением соответствующей буквы, кратконачальные же геминаты передаются непоследовательно: *maittoo* [maiitō] ‘молоко.III’ (СУ: 9), но при этом *jalkaa* [jalkkā] ‘нога.III’ (СУ: 106). Это различие описывается в самоучителе так: «...если под ударением стоит **долгая гласная или дифтонг**, то после них удваиваются только согласные *k, p, t, z*». Однако согласно [Лаанест 1966: 24; Laanest 1986: 60; Markus, Rozhanskiy 2022: 313], кратконачальные геминаты или полудолгие смычные возникают и после закрытого первого слога на сонорный, иными словами, сформулированное в Самоучителе правило проводит различие там, где оно отсутствует в реальном сойкинском произношении. Следует отметить, что противопоставление двух типов геминат отсутствует в нижнелужском диалекте и оно также не про-

водилось в ижорских изданиях 1930-х годов. Однако для передачи простых согласных в Самоучителе принято необычное решение — простые смычные, которые обычно озвончаются, передаются графемами *p*, *t*, *k*, в то время как простой сибилант передается графемой *z*.

2.2. Сибиланты

Как и в изданиях 1930-х годов, в Самоучителе противопоставляются [s] и [š], хотя и отмечается, что они «в речи многих носителей языка на слух почти не отличаются» (СУ: 6). При этом Юнус в своей грамматике 1936 года использует графему *š* [š] в основном в заимствованиях, ориентируясь в этом отношении на нижнелужский диалект [Юнус 1936: 8], в котором [s] и [š] — две разные фонемы, причем последняя представлена большей частью в недавних заимствованиях. В сойкинском диалекте по данным Лаанеста, относящимся к середине XX века, сибилант мог реализовываться с разной степенью шепелявости, и колебания могли наблюдаться даже в речи одного и того же говорящего [Лаанест 1966: 54–57]. В настоящее время сибилант реализуется как шипящий в ижорских словах, в русских заимствованиях наблюдаются колебания [Markus, Rozganskiy 2022: 311]. Так как Самоучитель ориентируется на сойкинский диалект, то в принципе можно было бы передавать оба сибиланта одной графемой *s* без диакритики, однако в Самоучителе графема *š* представлена и в собственно ижорских словах, например *šäält* ‘оттуда’ (СУ: 6) (в изданиях 1930-х годов *seelt*), но при этом *saapaz* [šaaBaž] ‘сапог’. Таким образом, и в этом случае дистрибуция графем *s* и *š* не отражает ни сойкинский, ни нижнелужский диалект.

2.3. Чередование ступеней

Для почти всех прибалтийско-финских языков характерно так называемое чередование ступеней, которое заключается в том, что некоторые согласные и кластеры могут чередоваться с другими согласными и кластерами в определенных грамматических формах. Одним из контекс-

тов, вызывающих чередование, является образование генитива, например сойкинское *mado* ‘змея’ (сильная ступень)/ GenSg *maon* (слабая ступень), *mušta* ‘черный’/ GenSg *muššan*, *šaabaž* (слабая ступень) ‘сапог’/ GenSg *šaappahan* (сильная ступень) (все примеры из электронного словаря Рожанского и Маркус), аналогичные чередования происходят и при образовании номинатива множественного числа и почти всех косвенных падежей единственного числа. Набор чередующихся сильноступенных сегментов и их слабоступенных соответствий в каждом прибалтийско-финском языке/диалекте свой, и даже в ижорском и водском языках существуют небольшие различия между разными диалектами. В Самоучителе список чередующихся сегментов приводится на с. 7. Наряду с хорошо известными для ижорского языка чередованиями мы обнаруживаем и необычные: *ss/s*, *s/z*, *z/ноль*. И если последнее из них является результатом наличия в одной парадигме двух чередований — чередования ступеней *D/ноль* и обусловленного совсем другими контекстами чередования *D/Ž*, то чередование *ss/s* представлено в Самоучителе такими примерами, как *püssü* ‘ружье’ / GenSg *püzün* (CY: 153), *mussa* ‘черный’ / GenSg *musan* (CY: 131), *osso* ‘покупка’ / GenSg *oson* (CY: 142). Однако ни в одном из ижорских диалектов чередования вида *ss* (номинатив) / *s* (генитив) нет, такого рода чередование представлено в водском языке и смешанном куровицком идиоме [Kettunen 1915: 26–27]. Следует отметить, что в водском языке произошел переход **st > ss*, и чередованию подвергается как эта новая гемината, так и *ss*, которое уже было в водском языке. При этом сам кластер *st* (*št*) в ижорском регулярно чередуется с геминатой *ss* (*šš*), и таким образом ижорское чередование *st/ss* (*št/šš*) регулярно соответствует водскому и куровицкому чередованию *ss/s*. При этом в водском и куровицком есть и чередование *s/z* [Kettunen 1915: 70–73]. Примеры, иллюстрирующие данные чередования, представлены в табл. 1. Водские данные, относящиеся к центрально-водским говорам окрестностей дер. Котлы, даются по [Grünberg 2013], ку-

ровицкие — по [Posti 1980], сойкинские — по электронному словарю Рожанского и Маркус и по [Nirvi 1971].

Табл. 1

	сойкинский ижорский	куровиц- кий идиом	водский	Самоучитель
ружье	<i>püššü / püššün</i> (R)	<i>püssŭ / püsŭ</i>	<i>püssü / püsü</i>	<i>püssü / püzün</i>
черный	<i>mušta / muššan</i> (R)	<i>mussa / musaD</i>	<i>mussa / musaa</i>	<i>mussa / musan</i>
покупка	<i>osto</i> (N)	<i>ossO</i>	<i>õsso / õsoo</i>	<i>osso / oson</i>
покупать	<i>oštaa / oššan</i> (R) <i>ostā / ossan</i> (N)	<i>ossā / osin</i>	<i>õssaa / õsan</i>	<i>ostaa / ossan</i>
гнездо	<i>pežā / pežän</i> (R)	<i>pesä / pezä</i>	<i>pesä / pezää</i>	<i>pezä / pezän</i>
уметь	<i>oZajāD / oZaDa</i> (N)		<i>õsaan / õzata</i>	<i>osajaa / ozata</i>

Видно, что в Самоучителе смешаны ижорские и водско-куровицкие варианты, при этом не существует регулярных соответствий Самоучителя ни с ижорским, ни с водским, ни с куровицким. Более того, нерегулярными оказываются даже связи между однокоренными лексемами, как это видно из пары *ostaa / osso*.

Помимо чередования ступеней, в ижорском словоизменении представлены и другие чередования, в частности в определенных морфологических контекстах обязательным является чередование простой согласный / гемината (краткона начальная в сойкинском, полная в нижнелужском). В некоторых парадигматических глагольных классах гемината представлена в инфинитиве и формах 3 лица презенса, которые оказываются омонимичными, поэтому можно было бы ожидать, что и в Самоучителе соответствующие словоформы будут представлены похожим образом, однако наши ожидания не оправдываются — на с. 62 у глагола со значением ‘держат’ инфинитив имеет вид *pitää* и 3SgPres *pittää*, что не находит соответствия ни в одном из ижорских диалектов.

Поскольку в дальнейшем изложении мы будем приводить данные из разных источников, в которых использовались разные системы транскрипции, то для удобства читателя мы дадим сравнительную таблицу этих систем.

Табл. 2

	Лаанест	Нирви	Рожанский, Маркус	Поркка	Юнус
полные геминаты	<i>pp</i>	<i>pp</i>	<i>pp</i>	<i>pp</i>	<i>pp</i>
кратконачальные геминаты	<i>p̣, p̣p¹</i>	<i>p̣p</i>	<i>p̣p</i>	<i>p</i>	<i>pp, p</i>
полузвонкие	<i>B</i>	<i>B</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>p</i>
звонкие	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>b</i>
полузвонкие в ауслауте	<i>B</i>	<i>B</i>	<i>b</i>	<i>p</i>	<i>p</i>
глухие	<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>
долгие гласные	<i>ā, aa²</i>	<i>ā</i>	<i>aa</i>	<i>aa, â</i>	<i>aa</i>
сибилянт в сойкинском	<i>ʃ, š</i>	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>s</i>	<i>s</i>

3. Выбор базового диалекта

Согласно (СУ: 3) базовым диалектом является «сойкинский с некоторыми добавлениями из хэвасского». Чтобы проверить это утверждение, мы рассмотрим ряд лексических и некоторые фонетические изоглоссы, релевантные для прибалтийско-финских языков и диалектов (далее ПФЯ) Западной Ингерманландии. Эти изоглоссы могут противопоставлять как языки, так и разные диалекты одного языка. В качестве источников по нижнелужскому и частично по сойкинскому диалектам мы используем собственные

¹ Лаанест в своей фонетической транскрипции различает продленные глухие смычные и кратконачальные геминаты, однако это противопоставление не имеет фонологического значения.

² Двойные буквы использованы Лаанестом в хэвасском словаре [Laanest 1997].

полевые материалы, причем в тех случаях, когда сойкин-ский и нижнелужский варианты отличаются только нали-чием/отсутствием озвончения простых смычных, реали-зацией сибилантов, рефлексамии долгих гласных среднего подъема, мы не будем перечислять все фонетические вари-анты, а будем указывать тот вариант, который характерен для северных нижнелужских говоров. В необходимых слу-чаях мы будем также использовать словари Нирви и Лаане-ста и электронный словарь Рожанского и Маркус.

1. ‘ведро’ — *uhtuu* (СУ: 179). Этот вариант характерен для сойкинского диалекта, в нижнелужском *panki ~ pangi*.

2. ‘красивый’ — *kauniz* (СУ: 111). Этот вариант характе-рен для литературного финского, в сойкинском согласно (N: 146) эта лексема встречается только в контексте *kauniz ilma* ‘прекрасная погода’. В Самоучителе есть еще лексема *lusti* ‘смешной, привлекательный’ (СУ: 124) (< нижнелуж-ское *lusti* ‘красивый’). По непонятным причинам автор само-учителя не стал использовать сойкинский вариант *käppiä*.

3. ‘навоз’ — *tae* (СУ: 167). Это сойкинский вариант, при этом в Самоучителе представлен и нижнелужский вари-ант *valo* со значением ‘помет’ (СУ: 184) (в нижнелужском ‘навоз’). Таким образом, в данном случае используются лек-семии обоих диалектов со специализацией их значения. При этом возникают омонимии *valo*₁ ‘свет’ и *valo*₂ ‘помет’, хотя та-кая омонимия отсутствует как в сойкинском (*tae* ‘навоз’ / *valo* ‘свет’), так и в нижнелужском диалектах (*valo* ‘навоз’ / *valke ~ valko* ‘свет’).

4. ‘коза’ — *voohi* (СУ: 195). Этот вариант зафиксирован в словаре Нирви (N: 679) в сойкинском и нижнелужском ди-алектах с пометой «редкое». В наших полевых материа-лах такой вариант отсутствует не только во всех идиомах нижнелужского ареала, но и в финских говорах централь-ной части Ингерманландии. Вариант *vuoh* встретился нам только в говоре Ярвисаари на восток от г. Мга. Аналогич-ный вариант есть в финском литературном языке. В сой-кинском диалекте представлены варианты *kili, kilo, kiloi*, в нижнелужском — *kitsi*. Поскольку значительная часть ма-

териала, представленного в словаре Нирви была записана от ижорских беженцев в Финляндии и Швеции, не исключено, что вариант *voohi* является послевоенным заимствованием в идиолектах информантов Р. Е. Нирви.

5. ‘дверь’ — *ovi* (наружная) (СУ: 143), *uksi* (внутренняя) (СУ: 179). Первая из этих лексем сойкинская, вторая нижнелужская, противопоставление наружной и внутренней дверей в ижорских диалектах не зафиксировано. Таким образом, и в этом случае использованы лексемы обоих диалектов.

6. ‘платок’ — *rätti* (СУ: 156), при этом в словарики есть еще лексема *suurkorviluz* ‘шаль’. Вариант *rätti* относится к нижнелужскому диалекту, *korviluz* — к сойкинскому. Используются лексемы обоих диалектов, причем базовой является не сойкинская, как можно было бы ожидать, а нижнелужская. В сойкинском лексема *rätti* имеет значение ‘полотенце’ (Рожанский, личное сообщение).

7. ‘утро’ — *hootuz* (СУ: 101). Это сойкинский вариант, в нижнелужском *hoom(n)ikko*.

8. ‘кошка’ — *kazi* (СУ: 111). Это вариант, представленный в южных говорах сойкинского диалекта, в северных говорах сойкинского и нижнелужском *kissa*.

9. ‘стол’. В Самоучителе представлены лексемы *kanz* ‘стол, крышка, обложка, палуба’ (СУ: 110), *lauta* ‘стол, доска’ (СУ: 121). Первый вариант представлен в сойкинском и хэвасском, второй — в нижнелужском, причем в обоих случаях с такой же семантикой. Используются лексемы обоих диалектов без дифференциации.

10. ‘кладбище’ — *hautajaizmaa* ‘похороны + земля’ (СУ: 100). Этот вариант похож на ингерманландские финские варианты *hautausmaa*, *hautosmaa*, *hautausmaa*, однако в таком виде не зафиксирован ни в одном из ПФЯ Ингерманландии. Для ижорского языка и некоторых финских говоров характерен вариант *kalmad*.

11. ‘дырка’. В Самоучителе представлены три варианта: *uuttu* ‘дырка’ (СУ: 181), *reikä* ‘дыра’ (СУ: 155), *aukku* ‘щель’ (СУ: 94). Первый из этих вариантов относится к сойкинско-

му диалекту, второй характерен для финского литературного языка и финских диалектов Ингерманландии, в ижорском языке он встречается только в тех деревнях, рядом с которыми проживали финны — в нижнелужских говорах дер. Липово и Ропша и спорадически на севере Сойкинско-го полуострова³. Третий вариант представлен почти во всех нижнелужских говорах. В самоучителе сделана попытка дифференцировать эти три варианта семантически, на наш взгляд неудачная.

12. ‘куст’ — *pehko* (СУ: 146). Этот вариант характерен для почти всех говоров ижорского языка, кроме южных нижнелужских, в которых представлен вариант *peesaz*. В Самоучителе выбран действительно самый распространенный вариант.

13. ‘свадьба’ — *häät* (СУ: 102). Это вариант характерен для финского литературного языка, отчасти для центральноингерманландских финских говоров и для хэвасского ижорского диалекта (N: 84), в то время как в сойкинском и нижнелужском представлен вариант *pulmad*. В данном случае был сделан выбор в пользу малораспространенного хэвасского варианта, который совпадает с литературным финским. Казалось бы, если в двух живых диалектах ижорского языка имеется одна и та же лексема, то именно ее и нужно включить в создаваемый письменный вариант, однако этого не произошло.

14. ‘песок’ — *hiita* (СУ: 156). Этот вариант напоминает хэвасское *heeDa* (L: 33), которое, однако, даже в хэвасском не является единственным, ср. *heekka* (L: 33). В сойкинском и нижнелужском представлен вариант *liiva*. Как и в предыдущем случае, был выбран маргинальный вариант.

15. ‘картофель’ — *тааоттеена* (СУ: 126). Такой вариант в ижорском языке представлен в восточных, систинских говорах сойкинского диалекта, в прибрежном сойкинском и в нижнелужском представлен вариант *таатина*. И в этом случае выбран не самый распространенный вариант, хотя

³ По данным Ф. И. Рожанского.

его выбор выглядит чуть более обоснованным, чем в двух предыдущих случаях.

16. ‘теплый’. В самоучителе представлено три лексемы со слегка различающейся семантикой *lämmin* ‘теплый’ (СУ: 125), *lämmää* ‘теплота’ (СУ: 125), *sooja* ‘оттепель’ (СУ: 163). При этом первый вариант характерен для литературного финского, в ижорском языке он зафиксирован только в композите *kiukälämmin* (N: 171) ‘тепло от печи’, в то время как *lämmää* ‘теплый’ характерен именно для сойкинского диалекта. Третий вариант, *sooja* ‘теплый’ характерен для нижнелужского диалекта. Таким образом, как и в случае с изоглоссой 11, была сделана попытка семантической дифференциации вариантов, на наш взгляд еще более неудачная.

17. ‘пол’ — *lattia* (СУ: 121). Этот вариант в Ингерманландии встречается только в финских говорах к северу от Невы, он есть и в литературном финском. Во всех ижорских диалектах лексема *maa* имеет значения ‘земля, страна, пол’. В нижнелужском финском и в некоторых смешанных ижорско-финских нижнелужских идиолектах представлена лексема *perntanto*. Вероятно, автор Самоучителя хотел избежать чрезмерной, на его взгляд, полисемии, однако в результате была выбрана совершенно нехарактерная для ижорского языка лексема.

18. ‘шаг’ — *azel* (GenSg *askelen*) (СУ: 94). Этот вариант соответствует финскому литературному *askel*, причем в парадигме финской лексемы отсутствуют чередования и номинатив *azel* сконструирован искусственно. В нижнелужском и сойкинском диалектах представлен вариант *harkkamuz*, в хэвасском — *harppahuZ* (L: 31), в финских диалектах Ингерманландии — *harppaus*. В данном случае был выбран вообще не встречающийся в Ингерманландии вариант. Следует отметить, что ижорские и финские варианты представляют собой отглагольные существительные от глаголов со значением ‘шагать’: нижнелужский, сойкинский *harkata*, хэвасский *harBaDaG* (L: 31), ингерманландский финский *harpata*. В словаре Нирви представлены варианты *harGaDa* и *harBaDa* (N: 46), причем второй вариант отмечен только у

лютеран Россони и в смешанной ижорско-финской деревне Купля в восточной части Сойкинского полуострова, иными словами в финских или смешанных идиолектах. Первый же вариант Нирви фиксирует и на Сойкинском полуострове, и в нижнелужской деревне Остров. В Самоучителе же опять выбран маргинальный для ижорского языка вариант — *harpata*.

19. ‘пуговица’. В Самоучителе представлены два варианта, *pappi* (СУ: 134) и *nüblä* (СУ: 138). И если второй вариант является обычным сойкинским вариантом, то с первым ситуация гораздо сложнее. В наших полевых материалах вариант *pappi* характерен для финских диалектов Центральной и Северной Ингерманландии, но не для ижорского языка, в то время как в нижнелужском ижорском представлен вариант *pappu*. В словаре Нирви вариант *pappi* (N: 335) зафиксирован в одной нижнелужской и одной сойкинской деревнях, причем отмечено, что этот вариант не является распространенным, обычным же вариантом является *nüblä*. Вариант *pappu* ‘пуговица’, согласно Нирви (N: 335), омонимичен лексеме *pappu* ‘удар’, причем оба омонима представлены в одной и той же деревне Остров. В наших материалах лексема *pappu* ‘удар’ не встретилась. Так как Самоучитель по мысли автора должен базироваться на сойкинском диалекте, то остается непонятным, с какой целью в предлагаемый письменный вариант был включен маргинальный для ижорского вариант *pappi*.

20. ‘тарелка’ — *lauttain* (СУ: 121). Этот вариант представляет собой «ижоризированное» заимствование из финского языка *lautanen*. В словаре Нирви есть лексема *lautain*, однако с другим значением ‘сделанный из досок’ (N: 253). По-видимому, автор Самоучителя хотел избежать включения в письменный вариант представленного в сойкинском диалекте заимствования из русского языка *tarelGa* (N: 574), однако в данном случае можно было бы использовать нижнелужский вариант *tandrikko*.

21. ‘лежать’ — *loikooa* (СУ: 123). Этот вариант представлен в хэвасском ижорском (L: 104/ *loikkoi*), хотя хэвасский гла-

гол относится к другому парадигматическому классу, а также в большинстве финских говоров Центральной и Северной Ингерманландии. В сойкинском — вариант (R/ *leššiä*), в нижнелужском — *ležžiä*. В данном случае автор Самоучителя опять выбрал маргинальный для ижорского вариант.

22. ‘отдыхать’. В Самоучителе представлены два варианта, *lammooja* (СУ: 121) и *levätä* (СУ: 122). Первый из них зафиксирован во всех ижорских диалектах с отличающимся значением ‘лежать’ (N: 247/ *lañmōja*; L: 96/ *lammojaG*), он встречается и в некоторых финских говорах Центральной Ингерманландии, хотя гораздо реже, чем *loikoo*. Вариант *levätä* ‘отдыхать’ встречается только в финских диалектах Ингерманландии, в сойкинском и нижнелужском диалектах представлен вариант *hoovvata*, в хэвасском этот глагол относится к другому парадигматическому классу (L: 38/ *hookaissaG*). В данном случае самый распространенный в ижорском языке глагол с этим значением опять не попал в предлагаемый автором Самоучителя вариант.

23. ‘бояться’. В Самоучителе представлен вариант *pelätä* (1SgPres *pellään*) (СУ: 146) и *pölätä* (СУ: 152). Первый вариант *pelätä* (1SgPres *pelkään*) характерен для большей части ингерманландских финских диалектов, второй — для нижнелужского ижорского. При этом в Самоучителе нет глагола *hervidä*, который характерен для сойкинского диалекта. Обращает на себя внимание некорректная форма презенса *pellään*.

24. Рефлексы *tr. Во всех ижорских диалектах *tr > dr [Лаанест 1966: 51]. В Самоучителе есть два слова, которые должны были отражать этот переход: аномальное *puuro* ‘каша’ (СУ: 150), вместо ожидаемого *pudro*, представленного во всех ижорских диалектах, и *tedri* ‘тетерев’ (СУ: 170). Вариант *puuro* характерен для литературного финского, в ингерманландском финском выступает вариант *putro*, и остается непонятным, почему в Самоучителе выбран вариант, нехарактерный для всех ПФЯ Ингерманландии.

25. Рефлексы *str. Согласно [Лаанест 1966: 52] этот кластер в сойкинском и оредежском дает *zr*, в нижнелужском и

хэвасском *dr*. В Самоучителе представлена только одна лексема с этим кластером, *odra* ‘ячмень’ (СУ: 139). В электронном словаре Рожанского и Маркус для сойкинского диалекта приводятся три варианта: *ožra*, *ozra*, *odra*. Таким образом, в данном случае использован нижнелужско-хэвасский вариант, впрочем не чуждый и сойкинскому диалекту.

26. Рефлексы **kr*. Во всех ижорских диалектах **kr > gr* [Лаанест 1966: 50]. Слова с этим кластером представлены в самоучителе: *kagra* ‘овес’ (СУ: 108), *nagriz* ‘репа’ (СУ: 133), *nagraa* ‘смеяться’ (СУ: 134). В одном случае этот кластер восстановлен по ошибке — *tegrastaa* ‘резать скот’ (СУ: 169) из финского *teurastaa*, в котором никогда не было этого кластера [Kulonen 2000: 265]. Как *tegrastaa*, так и *teurastaa* отсутствуют в словаре Нирви.

27. Рефлексы **õ*, *ē*, *ō*. Долгие гласные среднего подъема дают разнообразные рефлексы в ижорском языке с очень сложным распределением по говорам, подробнее об этом см. [Лаанест 1966: 77–78; Кузнецова 2009]. В изданиях периода языкового строительства до 1936 года, ориентировавшихся на южные говоры сойкинского диалекта, выступают *ui*, *ii*, *уу*, а после реформы 1936 года — *oo*, *ee*, *õõ* [Junus 1936: 12–14]. Самоучитель в данном случае использует те же варианты, что и Юнус после 1936 года.

Подведем итоги. Хотя автор и декларировал, что Самоучитель базируется на сойкинском диалекте с добавлением хэвасского, в реальности во многих случаях был выбран либо вариант вообще не представленный в ижорском языке, либо, в случае специфически хэвасских вариантов, маргинальный для ижорского языка. Нужно иметь в виду, что еще в 1930-х годах наиболее сильные позиции были у сойкинского и нижнелужского диалектов, и одной из причин реформы 1936 года, когда Юнусом была предложена наддиалектная норма с учетом нижнелужского, были нарекания с стороны нижнелужских ижор [Junus 1936: 3–5]. Если автор данного Самоучителя имел целью создать новую наддиалектную норму, то логично было бы использовать помимо сойкинских именно нижнелужские варианты, которые

он, впрочем, тоже использует (см. изоглоссы 3, 5, 6, 9, 11, 16, 23). Вызывают удивление и необоснованные заимствования из финского литературного языка (изоглоссы 2, 13, 16, 17, 18, 24).

4. Морфология

Глагольное и именное словоизменение представлено в Самоучителе большим числом парадигм, сгруппированных по парадигматическим классам. Не касаясь вопросов, является ли представленный набор классов исчерпывающим, можно ли выделенные классы разбить на подклассы или же объединить, рассмотрим, насколько представленные в Самоучителе парадигмы соответствуют описанным Рожанским и Маркус в их электронном словаре и Поркка в [Porikka 1885]. Хотя в словаре [Nirvi 1971], а также в диалектологических описаниях [Лаанест 1966; Laanest 1986] полные парадигмы почти полностью отсутствуют, в них можно найти большое количество конкретных словоформ, которые позволяют судить об особенностях парадигмы той или иной лексемы. Поэтому в данном разделе мы будем сравнивать парадигмы, представленные в Самоучителе, с теми парадигмами из перечисленных выше источников, которые относятся к сойкинскому диалекту. Нумерация классов Самоучителя сохранена. При этом мы не ставим целью упомянуть все расхождения между Самоучителем и источниками, а остановимся только на наиболее важных. Многие из небольших различий в парадигмах могут быть объяснены принятыми в Самоучителе орфографическими решениями, например нерегулярностью в передаче продленных гласных и кратконачальных геминат. В некоторых случаях при наличии расхождений между разными описаниями автор Самоучителя, вероятно, ориентировался на [Porikka 1885]. В качестве такого примера можно привести фрагмент парадигмы существительного *heppo* 'лошадь' (СУ: 38/ GenSg *hepoizen*, PartSg *hevoist*, NomPl *heppoist*). У Поркка это существительное изменяется так:

(P: 72/ NomSg *heppoin*, GenSg *heboizen*, PartSg *hevoist(a)*, NomPl *heppoist*), у Рожанского и Маркус — NomSg *heṛṛpoin*, GenSg *heṛṛpoižen*, PartSg *hevoišť*, NomPl *heṛṛpoišť*.

4.1. Глагол

4.1.1. Парадигматические классы

1 класс.

Глаголы *saā'a* ‘получать’, *jää'ä* ‘оставаться’ (СУ: 57). Инфинитивы этих глаголов в сойкинском и нижнелужском уже в середине XX века имели вид *saavva*, *jäävvä* [Лаанест 1966: 34], вариант без глайда представлен только в хэвасском и оредежском диалектах. Поркка для этих двух глаголов дает оба варианта. В данном случае в Самоучителе был выбран достаточно маргинальный, но архаичный вариант, который уже не употребляется в современном языке.

Глаголы *joa* ‘пить’, *söövvä* ‘есть’ (СУ: 57). Как и в предыдущем случае, варианты с глайдом характерны для сойкинского и нижнелужского [Лаанест 1966: 33–34], варианты без глайда встречаются только в хэвасском и оредежском. Однако гораздо более удивителен тот факт, что глаголы ‘есть’ и ‘пить’, во всех ПФЯ Ингерманландии образующие инфинитивы однотипно, в Самоучителе образуют его по-разному — без глайда *joa* и с глайдом *söövvä*.

3 класс.

В этот класс попадает нерегулярный глагол *sannoa* ‘сказать’ (СУ: 60), у которого в ряде форм выпадает *n*, что отмечают все источники (P: 99–100 / 1SgPres *saon*, 1SgImpf *saoin*, ImpersPres *saotaa*) однако в Самоучителе такого же рода парадигма приписана и глаголу *ripnooa* ‘плести’, 1SgPres *ripoṇ* (СУ: 61), у которого выпадения *n* не происходит. (R / Inf *ripṇooja*, 1SgPres *punoṇin*, 1SgImpf *punoṇin*, ImpersPres *punoṇidaa*; N: 441 / Inf *ripṇōja*, 1SgPres *punoṇin*).

4 класс.

Согласно самоучителю, у глаголов *opettaa* ‘учить’, *azettaa* ‘ставить’ 1SgPres имеет вид *oppeetan*, *asseetan* (СУ: 62–63), в этих словоформах представлена т. н. геминация в трехсложных словах [Лаанест 1966: 26–27; Junus 1936: 14–16].

Такого рода геминация происходила в ижорском языке (кроме нижнелужского диалекта) в словах структуры *(C)VCVCV(C). Однако в словоформе **opetan* < **opettan* второй согласный представляет собой слабоступенное соответствие геминаты *tt*, и поэтому условия для геминации в трехсложных словах не выполняются. В других источниках представлен вариант без геминации (R / *obedan*; N: 358 / *oBeDan*). Кроме того, наряду с упомянутой выше аномальной формой инфинитива *pitää* ‘держать’ (при 3SgPres *pittää*) на с. 63 представлен и инфинитив *vetää* ‘тащить’ (3SgPres *vettää*). В других источниках эти формы омонимичны (R / Inf *pittää*, 3SgPres *pittää*, N: 412 / Inf *pittää*, *vettä*, 3SgPres *pittää*, *vettä*).

5 класс.

Глагол *leipoja* ‘месить тесто’(CY: 64) (R / *leippoja*; P: 102–103 / *leipoja*) в имперсонале презенса имеет форму *leivojaa*, не представленную в других источниках (R / *leivoidaa*; P: 103 / *leivoitaa*), причем отклонения проходят по всем формам имперсонала. В данном случае были использованы алломорфы имперсонала, характерные для другого парадигматического класса, что подтверждается и объединением в один класс глаголов как с двусложной, так и трехсложной основой на *-oi*, например *haravojja* ‘сгребать сено’. Однако эти два типа глаголов во всех ПФЯ Ингерманландии ведут себя по-разному, в частности в нижнелужском ижорском, водском и большей части финских диалектов Ингерманландии класс глаголов с двусложной основой на *-oi* вообще отсутствует, а в сойкинском диалекте они отличаются не только показателями имперсонала (R / ImpersPres *leivoidaa*, *haravoj-a*), но и отсутствием чередования ступеней в глаголах с трехсложной основой на *-oi*.

7 класс.

В этом классе в Самоучителе тоже представлены глаголы с необъяснимым различием между инфинитивом и 3SgPres: (CY: 68 / Inf *tiittää*, 3SgPres *tiittää* ‘знать’). В других источниках эти формы омонимичны (R / Inf, 3SgPres *tiittää*, N: 588 / Inf, 3SgPres *tittää*).

8 класс.

Глаголы *ommella* ‘шить’, *ootella* ‘ждать’ (СУ: 70, 71) и другие глаголы на *-lla*. В 1 и 2 лицах презенса, согласно Самоучителю, у этих глаголов выпадает согласный *l*: 1SgPres *ompeen*, *ootteen*. Такого рода выпадение характерно для некоторых водских говоров [Kettunen 1915: 101–102], однако в ижорском языке, согласно всем источникам, такого выпадения нет (R / *omppelen*, *oottelen*; N: 363 / *ompelen*, 369 / *õttelen*).

10 класс.

К этому классу Самоучитель относит глаголы *möössä* (1SgPres *mööksen*) ‘заниматься продажей’, *osessa* (1SgPres *osseksen*) ‘делать покупки’, *mörnässä* (1SgPres *mörnäksen*) ‘орать’ (СУ: 75). В словаре Нирви мы таких глаголов не обнаруживаем, однако в нем представлены глаголы *mõksennella* (N: 330), *osseksennella* (N: 366), *mörnäksennellä* (N: 329). Поскольку в ижорском языке есть широко употребительные глаголы *jõksennella* ‘бегать’ (N: 108), *jõssa* ‘бежать’ (N: 109), то, вероятно, по аналогии автором Самоучителя были образованы три вышеупомянутых глагола, отсутствующие в других источниках.

11 и 12 классы в Самоучителе разделены по непонятным причинам, хотя глаголы этих классов спрягаются однотипно. Интерес представляет глагол *leijjata* ‘резать’ (СУ: 78 / 1SgPres *leikkaan*, 3SgPres *leikajaa*). В других источниках такой инфинитив неизвестен (R / Inf *leigada*, 1SgPres *leikkaan*, 3SgPres *leikkajaa*; N: 258–259 / Inf *leiGaDa*, 1SgPres *leikkān*, 3SgPres *leikkajā*). Вероятно, парадигма этого глагола в Самоучителе была образована по образцу глагола *taada* ‘спать’ (P: 109–110 / Inf *taada*, 1SgPres *takkaan*, 3SgPres *ta-gajaa*), в парадигме которого представлено тройное чередование нуль / слабый смычный / гемината.

По непонятным причинам к 11 классу в Самоучителе был отнесен глагол *märätä* ‘гнить’ (1SgPres *märkkään*) (СУ: 131), хотя в действительности он спрягается аналогично глаголу *paeta* ‘убегать’, упомянутому среди глаголов 10 класса (R / Inf *märädä*, 1SgPres *märkkenen*; N: 327 / Inf *märäDä*, 3PlPres *märGänõD*).

Помимо аномальных, отсутствующих в других источниках форм в отдельных парадигмах, вызывают вопросы и способы выражения некоторых грамматических категорий.

4.1.2. Выражение 3 лица множественного числа

Вместо форм 3Pl в Самоучителе регулярно употребляются формы имперсонала, что не чуждо и реальному ижорскому языку, однако в основном такое употребление характерно для нижнелужского диалекта [Лаанест 1966: 122–123]. Тем не менее, старые формы 3Pl фиксируются Лаанестом и в нижнелужском диалекте. В наших полевых материалах по нижнелужскому диалекту старые формы также достаточно широко представлены, хотя в ряде идиолектов они уже почти вытеснены имперсоналом. При этом в отрицательном спряжении старая форма *evät*+коннегатив в Самоучителе представлена: на с. 11 *ollaa* ‘быть.3PlPres’, но при этом *evät oo* ‘быть.3PlPres.Neg’. В наших материалах по нижнелужскому диалекту в тех идиолектах, где наблюдается вытеснение 3Pl имперсоналом, оно происходит и в отрицательных формах.

4.1.3. Причастия

Причастия прошедшего времени в Самоучителе считаются неизменяемыми (СУ: 44), и в отрицательных формах имперфекта активное причастие выступает в одинаковой форме в обоих числах: *en olt* ‘быть.1SgImpf.Neg’, *emtä olt* ‘быть.1PlImpf.Neg’ (СУ: 13). Однако это противоречит данным Рожанского (R / PtcpSg *old*, PtcpPl *olleend*) [Markus, Rozhanskiy 2022: 319–320] и Лаанеста [Laanest 1986: 144–146]. Формы множественного числа употребляются и в отрицательных формах множественного числа имперфекта. В наших полевых нижнелужских материалах изредка встречаются и формы некоторых косвенных падежей этих причастий (партитива и инессива).

4.1.4. Императив

В Самоучителе представлена следующая система (показатели императива отделены дефисом) (СУ: 50):

Табл. 3 (глагол *tehhä* ‘делать’)

лицо	Sg	Pl
2	<i>tee</i>	<i>teh-kää</i>
3	<i>teh-kää</i>	<i>teh-täkää</i>

Лаанест приводит следующую систему [Лаанест 1966: 168]:

Табл. 4 (глагол *kuttoa* ‘ткать’)

лицо	Sg	Pl
2	<i>kuo</i>	<i>kuDo-Gā</i>
3	<i>kuDo-Gā</i>	<i>kuDo-Gasse</i>

По данным Маркус и Рожанского, в современном сойкинском диалекте формы 3 лица императива уже полностью вышли из употребления [Markus, Rozhanskiy 2022: 318]. В нижнелужском диалекте формы 3 лица сохранились, однако они устроены принципиально другим образом:

Табл. 5 (глагол *tulla* ‘приходить’)

лицо	Sg	Pl
2	<i>tüe, tüö</i>	<i>tul-ka</i>
3	<i>tul-ko</i>	<i>tul-kod</i>

Обращает на себя внимание форма *tehtäkää*, которая должна была бы быть имперсоналом императива. Эту форму не упоминают ни Рожанский, ни Лаанест, а Поркка, перечисляя формы имперсонала, эксплицитно говорит об ее отсутствии в ижорском языке его времени за исключением народных песен: *heboisiil tuldakaa* ‘пусть приедут на лошадах’ (Р: 91).

4.2. Имена

6 класс. Приведем фрагмент парадигмы существительного со значением ‘печь’:

Табл. 6

	Самоучитель	Электронный словарь Рожанского и Маркус	[Porkka 1885: 68]
NomSg	<i>kiukkaa</i>	<i>kiukkaa</i>	<i>kiukaa</i>
GenSg	<i>kiukkaan</i>	<i>kiukkaan</i>	<i>kiukaan</i>
PartSg	<i>kiukaata</i>	<i>kiukkada</i>	<i>kiukaada</i>
IllSg	<i>kiukaasse</i>	<i>kiukkašše</i>	<i>kiukaasse</i>
InessSg	<i>kiukaaz</i>	<i>kiukkaazž</i>	<i>kiukaas</i>
PartPl	<i>kiukoja</i>	<i>kiukkoja</i>	<i>kiukoja</i>

Хотя ни у Поркка, ни в примерах из словаря Нирви, ни у Рожанского в парадигме данного существительного не происходит чередования согласных, в Самоучителе постулируется чередование *kk/k*. Следует отметить, что чередование в парадигме данного существительного отсутствует и в нижнелужском диалекте.

К этому же классу в Самоучителе отнесены и существительные *hakkuu* ‘вырубка (леса)’, *leikkuu* ‘жатва’ (СУ: 25), которые отсутствуют в других источниках, вместо них представлены *leikkahuZ* ‘вырубка’ (N: 259) и *niitto* ‘жатва’ (N: 343). Образование отглагольных существительных с помощью суффикса *-uu* вообще не зафиксировано в ижорском языке, см. перечень суффиксов отглагольных существительных в [Porkka 1885: 117–119; Markus, Rozhanskiy 2022: 323–324]. Существительное *porstaa* ‘сени’ (СУ: 149) в словаре Нирви отмечено только в смешанной финско-ижорской деревне Курголово, относящейся к нижнелужскому, а не сойкинскому ареалу (N: 425), хотя вариант *porstuva* обычен для финских диалектов Ингерманландии, но не для ижорского языка.

7 класс.

Приведем фрагмент парадигмы прилагательного со значением ‘белый’:

Табл. 7

	Самоучитель	Электронный словарь Рожанского и Маркус	[Porkka 1885: 70–71]	северный нижнелужский
NomSg	<i>valkia</i>	<i>valĳkia</i>	<i>valkia</i>	<i>valkea</i>
GenSg	<i>valkian</i>	<i>valĳkian</i>	<i>valkian</i>	<i>valkean</i>
PartSg	<i>valkiaa</i>	<i>valĳgiaa</i>	<i>valgiaa</i>	<i>valkeat</i>
IllSg	<i>valkiaa</i>	<i>valĳgiaa</i>	<i>valgiaa</i>	<i>valkeasse</i>
InessSg	<i>valkiaaz</i>	<i>valĳgiaaž</i>	<i>valgiaas</i>	<i>valkeass</i>
PartPl	<i>valkioja</i>	<i>valĳgioja</i>	<i>valgioja</i>	<i>valkeja</i>

В отличие от *kiukkaa*, в данном случае в Самоучителе постулируется отсутствие чередования, хотя чередование просто согласного и кратконачальной геминаты отмечается в других источниках. Можно было бы подумать, что в данном случае автор Самоучителя ориентировался на северные говоры нижнелужского диалекта (Липово и Остров), однако в нижнелужском вся парадигма устроена по другому.

14 класс.

В этом классе обращает на себя внимание существительное *kassen* (GenSg *kastmen*) ‘соус, подлива’ (СУ: 40). В словаре Нирви данное слово отсутствует, вместо него представлена лексема *kasse* (N: 140–141) со значениями ‘роса’ и ‘особый соус’. В наших полевых материалах вариант *kassen* также отсутствует. По всей видимости, автор Самоучителя хотел избежать полисемии и с этой целью сконструировал дериват с известным в ижорском языке суффиксом *-in* (косвенная основа *-ime-*), однако в таком случае генитив должен был бы иметь вид **kastemen*. Вариант же *kastmen* был образован, скорее всего, по аналогии с лексемой *aamruus-sen* (NomPl *aamruustmet*) ‘буква, Pl. азбука’ (N: 25), представленной в говорах на р. Россонь. Россонские говоры относятся к тем нижнелужским говорам, для которых характерна сильная редукция и отпадение гласных [Кузнецова 2012] и которые отстоят дальше всего от сойкинского диалекта. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с попыткой

совместить в одном письменном идиоме две принципиально разные фонологические системы — сойкинскую и южную нижнелужскую. Создание наддиалектной письменной нормы отмечено в истории многих языков, ее пробовал создать в 1930-е годы для ижорского языка В. И. Юнус [Junus 1936: 3–5], однако допуская в морфологии вариативность и компромиссные варианты, он тем не менее ориентировался на говоры без фонологически релевантной редукции.

17 класс.

Согласно Самоучителю, в парадигме лексемы *siar* ‘сестра’ (СУ: 162 / GenSg *sissaaren*, IllSg *sizaresse*) представлено чередование *ss / z /* нуль. В других источниках в парадигме этой лексемы чередование не зафиксировано (R/ NomSg *šiar*, GenSg *šiareen*, IllSg *šiaree*; N: 522 / NomSg *siar*, GenSg *siaren*).

4.3. Местоимения

Не касаясь небольших расхождений между Самоучителем и другими источниками, рассмотрим подробнее местоимение *moen* ‘подобный’ и отрицательные местоимения. На с. 24 дается парадигма данного местоимения (NomSg *moen*, GenSg *mokkeenen*, PartSg *moeent*, IllSg *mokenesse*). Это местоимение упоминает Поркка (Р: 86), однако приводит только формы NomSg *moen* и PartSg *moent*. В других источниках это местоимение не встречается, и скорее всего, оно уже в конце XIX века было на грани исчезновения.

Отрицательные местоимения и наречия в Самоучителе образуются от вопросительных с обычно помощью показателя *-ka/-kä* или геминации последнего согласного (СУ: 28): *ken* ‘кто’ > (*ei*) *kukka* ‘никто’, *mitä* ‘чего’ > (*ei*) *mittä* ‘ничего’, *mis* ‘где’ > (*ei*) *miskä* ‘нигде’, *kel* ‘у кого’ > (*ei*) *kelkä* ‘ни у кого’.

В сойкинском диалекте, по данным Рожанского и Маркус, показатель *-kaa/-kää* содержит не краткий, а долгий гласный, а в формах с геминированным последним согласным также выступает долгий гласный: *kenkkää* ‘никто’, *kuššaa ~ kuškaa* ‘нигде’ [Rozhanskiy, Markus 2017: 207]. Варианты же, аналогичные *mittä*, характерны для южных гово-

ров нижнелужского диалекта, в которых гласные непервых слогов подверглись сокращению.

Помимо отрицательного глагола и отрицательных местоимений автор Самоучителя упоминает еще отрицательную частицу *mitte* (СУ: 130), которая употребляется с инфинитивом. Эта частица отсутствует в других источниках, в данном случае автор по непонятной причине включил в предлагаемый письменный вариант эстонскую лексику, отсутствующую в ижорском языке.

Таким образом, язык, представленный в Самоучителе, в одних случаях слишком «забегает вперед» (причастия), в других случаях использует архаичные и уже вышедшие из употребления формы (императив 3 лица), причем в некоторых случаях используются формы, которые были реликтовыми уже в конце XIX века. Другой особенностью являются многочисленные отклонения в распределении по клеткам парадигмы слабоступенных, сильноступенных форм и форм с кратконачальной геминацией. Для деривации характерно использование аффиксов, отсутствующих в ижорском языке (*ossessa, leikkui*).

5. Лексика

Для того чтобы оценить, в какой степени содержащиеся в Самоучителе словарики отражают реальную ижорскую лексику, отраженную в других источниках, мы просмотрели словарные статьи на букву *P* в ижорско-русском словарики. Значительная часть включенных в этот словарь слов представлена в словаре Нирви, определенную долю составляют сконструированные автором неологизмы и заимствования из финского, однако присутствуют и неоправданные заимствования, для которых существуют хорошо известные ижорские эквиваленты. В ряде случаев слово в Самоучителе имеет существенно отличающееся значение. Приведем несколько примеров.

paleltua ‘замерзать’ (СУ: 145). Ижорское *palentua*. В финском литературном языке представлен вариант *paleltua* и

по непонятной причине автор Самоучителя выбрал именно тот вариант, который отсутствует в ижорском языке.

parantaa ‘улучшать’ (СУ: 146). Фонетически близкий глагол *parentaa* имеет значение ‘чинить’ (обычно сети), а также ‘вылечить’. В финском литературном языке глагол *parantaa* также имеет значение ‘вылечить’, однако в данном случае автор Самоучителя не привел в словарику данное значение.

pelastaa ‘спасать’ (СУ: 146). Этот глагол взят из финского литературного языка, в ижорском языке обычно используется *päästää*, который также представлен в Самоучителе (СУ: 152).

petuttaa ‘обманывать’ (СУ: 147). Отсутствует в словаре Нирви. В ижорском языке используется глагол *petellä*. Хотя в финском языке также есть глагол *pettää*, дериватом от которого является глагол *petellä*, автор Самоучителя включил в словарь именно отсутствующий в ижорском языке глагол.

männä piiloo ‘прятаться’ (СУ: 147). Такого рода конструкция есть в финском литературном языке, в ижорском обычно используется глагол *peittiissä*.

piizata ‘хватать, быть достаточным’ (СУ: 147). В ижорском языке обычно употребляется глагол *tavata* в форме 3Sg *tapaaja*. Почему же в Самоучителе оказался включен именно глагол *piizata*? Вероятное объяснение этому факту может быть таким. В большом финско-русском словаре [Вахрос, Щербаков 1996] есть оба глагола, *piisata* и *tavata*, однако если первый глагол имеет значение ‘хватать, быть достаточным’ [Вахрос, Щербаков 1996: 463] (с пометой «в просторечии»), то среди многочисленных переводов второго глагола на русский язык в его словарной статье нет перевода «хватать, быть достаточным» [Вахрос, Щербаков 1996: 634]. При этом в словаре Нирви среди переводов этого глагола на финский язык есть и перевод *riittää* ‘хватать, быть достаточным’ (N: 577). Это заставляет предположить, что во многих случаях автор Самоучителя просто брал финский вариант из словаря, даже не проверив по словарю Нирви, есть ли вообще подобный вариант в ижорском языке. Это объяс-

нение подходит и ко многим другим случаям, рассмотренным выше. Впрочем, подобных ошибок можно было бы избежать, если бы автор проводил самостоятельную полевую работу среди ижор.

6. Заключение

Как мы показали выше, язык, представленный в рецензируемом Самоучителе, довольно далек от реального сойкинского диалекта и изобилует ошибками. Мы не рекомендуем знакомиться с ижорской морфологией по данному пособию. Что же касается лексики, то, учитывая отсутствие опубликованных ижорского-русского и русско-ижорского словарей достаточного объема, изучающие ижорский язык могут использовать данный Самоучитель как своего рода шпаргалку, особенно это касается русско-ижорской части. Найдя в словариках Самоучителя предполагаемый перевод, необходимо проверить его по словарю Нирви или Лаанеста (если нужен хэвасский вариант).

Сокращения

Gen — генитив, Ill — иллатив, Impers — имперсонал, Impf — имперфект, Iness — инессив, Inf — инфинитив, Neg — отрицательная форма, Nom — номинатив, Part — партитив, Pl — множественное число, Pres — настоящее время, Ptcp — причастие, Sg — единственное число, 1Sg — первое лицо единственного числа, 3Sg — третье лицо единственного числа, 1Pl — первое лицо множественного числа, 3Pl — третье лицо множественного числа.

Литература

Вахрос, Щербаков 1996 — Вахрос И., Щербаков А. *Финско-русский словарь. 82 000 слов.* Таллинн, 1996.

Кузнецова 2009 — Кузнецова Н. В. *Фонологические системы ижорских диалектов.* Диссертация на соискание уче-

ной степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2009.

Кузнецова 2012 — Кузнецова Н. В. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, VIII, 1: 43–103.

Лаанест 1966 — Лаанест А. *Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование*. Таллин, 1966.

Муслимов М. З. «Народная диалектология» в нижнелужском ареале. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, VIII, 1: 135–193.

Муслимов М. З. Об идиоме дер. Куровицы (Kukkõsi / Kukkuzi). *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI, 3: 330–376.

Рожанский, Маркус — Рожанский Ф., Маркус Е. *Ingridict 1.0 - Морфологический словарь сойкинского диалекта ижорского языка*. Модификация 19.01.2022. URL: <https://ingrian.org/ingrian-dictionary>

Grünberg 2013 — Grünberg S. (toim.). *Vadja keele sõnaraamat. 2 trükk*. Tallinn, 2013.

Junus 1936 — Junus V. I. *Izoran keelen grammatikka. Morfologia. Opettajaa vart*. Moskva, Leningrad, 1936.

Kettunen 1915 — Kettunen L. *Vatjan kielen äännehistoria*. Helsinki, 1915.

Köppen 1867 — Köppen P. *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements*. St.-Petersburg, 1867.

Kulonen 2000 — Kulonen U. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, 3 osa, R – Ö*. Helsinki, 2000.

Laanest 1986 — Laanest A. *Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia*. Tallinn, 1986.

Laanest 1997 — Laanest A. *Isuri keele Hevaha murde sõnas-tik*. Tallinn, 1997.

Markus, Rozhanskiy 2012 — Markus E., Rozhanskiy F. Votic or Ingrian: new evidence on the Kukkuzi variety. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 2012, Bd. 35: 77–95.

Markus, Rozhanskiy 2022 — Markus E., Rozhanskiy F. Ingrian. *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford, 2022: 308–329.

Nirvi 1971 — Nirvi R. E. *Inkeröismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1971.

Porkka 1885 — Porkka W. *Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen dialekte*. Helsingfors, 1885.

Posti 1980 — Posti L. *Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja*. Helsinki, 1980.

Rozhanskiy, Markus 2017 — Rozhanskiy F., Markus E. Negation in Soikkola Ingrian. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 2017, Bd. 41: 189–220.

References

Grünberg S. (toim.). *Vadja keele sõnaraamat. 2 trükk* [Votic dictionary. 2nd edition]. Tallinn, 2013. (In Estonian)

Junus V. I. *Izoran keelen grammatikka. Morfologia. Opettajaa vart* [Ingrian grammar. Morphology. Teacher's manual]. Moskva, Leningrad, 1936. (In Ingrian)

Kettunen L. *Vatjan kielen äännehistoria* [Historical phonetics of Votic]. Helsinki, 1915. (In Finnish)

Köppen P. *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements*. St. Petersburg, 1867.

Kulonen U. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, 3 osa, R – Ö* [The origin of Finnish words. Etymological dictionary]. Helsinki, 2000. (In Finnish)

Kuznetsova N. V. *Fonologicheskiye sistemy izhorskih dialektov* [Phonological systems of Ingrian dialects]. Dissertatsiya na soiskaniye uchënoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Kuznetsova N. V. Prosodika slovoformy v nizhnelyuzhskom dialekte izhorskogo yazyka [Word prosody in the Lower Luga dialect of Ingrian]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, VIII, 1: 43–103. (In Russ.)

Laanest A. *Izhorskiye dialekty. Lingvo-geograficheskoye issledovaniye* [Ingrian dialects. Linguistic-geographic study]. Tallinn, 1966. (In Russ.)

Laanest A. *Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia* [Historical phonetics and morphology of Ingrian]. Tallinn, 1986. (In Estonian)

Laanest A. *Isuri keele Hevaha murde sõnastik* [Vocabulary of the Hevaha dialect of Ingrian]. Tallinn, 1997. (In Estonian)

Markus E., Rozhanskiy F. Votic or Ingrian: new evidence on the Kukkuzi variety. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 2012, Bd. 35: 77–95.

Markus E., Rozhanskiy F. Ingrian. *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford, 2022: 308–329.

Muslimov M. Z. «Narodnaya dialektologiya» v nizhneluzhskom areale ["Folk dialectology" in the Lower Luga areal]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, VIII, 1: 135–193. (In Russ.)

Muslimov M. Z. Ob idiome der. Kurovitsy (Kukkõsi / Kukkuzi) [On the Kurovitsy (Kukkõsi / Kukkuzi) linguistic variety]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, XVI, 3: 330–376. (In Russ.)

Nirvi R. E. *Inkeröismurteiden sanakirja* [Dictionary of Ingrian dialects]. Helsinki, 1971. (In Finnish)

Porkka W. *Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen dialekte*. Helsingfors, 1885.

Posti L. *Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja* [Dictionary of the Kukkos dialect of Votic]. Helsinki, 1980. (In Finnish)

Rozhanskiy F., Markus E. Negation in Soikkola Ingrian. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, 2017, Bd. 41: 189–220.

Rozhanskiy F., Markus E. *IngrIDict 1.0 – Morfoloogicheskiy slovar' soykinskogo dialekta izhorskogo yazyka* [Morphological dictionary of Soikkola Ingrian]. Release 19.01.2022. URL: <https://ingrian.org/ingrian-dictionary>

Vahros I., Shcherbakov A. *Finsko-russkiy slovar'. 82 000 slov* [Finnish-Russian dictionary]. Tallinn, 1996. (In Russ.)

[Review of:] **Tyunteshева Ye. V., Bayyr-ool A. V.,
Ozonova A. A., Shagdurova O. Yu., Tazranova A. R.,
Fedina N. N., Koshkareva N. B., Nevskaya I. A., Shentsova I. V.,
Gorbunova V. A., Struchkova Ya. V. Human life space and
the human's spiritual world through the prism of Siberian
languages. – Novosibirsk: Akademizdat, 2021. – 300 p.**

Bronwen Cleaver

*University of the Free State, South Africa,
Institute for Bible Translation, Russia
bronwen@ibt.org.ru*

[Рецензия на:] **Тюнтешева Е. В., Байыр-оол А. В.,
Озонова А. А., Шагдурова О. Ю., Тазранова А. Р.,
Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Невская И. А.,
Шенцова И. В., Горбунова В. А., Стручкова Я. В.
Жизненное пространство и духовный мир
человека через призму языков Сибири. –
Новосибирск: Академиздат, 2021. – 300 с.**

Бронуэн Кливер

*Университет Свободного государства, Южная Африка,
Институт перевода Библии, Россия
bronwen@ibt.org.ru*

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-2-224-233

Introduction

This book describes the traditional ideas of Siberian peoples about the essence of the human being and his/her place in the

surrounding world. It examines human beliefs about three main concepts: the soul, life and death, and the native land. These concepts occupy a central place in the worldview of the peoples of Siberia. The study presents research on ten Ural-Altai languages spoken in Siberia: Old Turkic, seven modern Turkic languages (Altai, Chalkan, Khakas, Shor, Tuvan, Yakut, Baraba-Tatar), a Tungus-Manchurian language (Ulch) and a Finno-Ugric language (Khanty). A field study was also carried out to clarify the use of the studied vocabulary in modern speech.

The methodologies used in the book

This book was published by the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Институт филологии СО РАН). In describing the languages, the authors used all available lexicographic, ethnographic, and folklore sources, as well as published fictional works and field research conducted by the authors themselves. Due to sociolinguistic factors, four of the Siberian Turkic languages — Altai, Khakas, Tuvan and Yakut – are covered to a greater extent, because they are state languages in their republics, and there are dictionaries and extensive literature available. Shor is less represented in this work, because of the very limited number of textual sources for this language. As well as using textual sources, the authors also collected material in the field to help clarify the functioning of the lexicon under study in the speech of contemporary speakers. For such languages as Baraba-Tatar, Chalkan and the Telengit dialect of the Altai language, field work with native speakers served as the main source of material for the study.

A summary of the contents

The concept of the soul

Initially the book examines the notion of the soul in the languages of the peoples of Siberia. In Christian European

civilizations the soul is conceptualized as an immortal, non-material part of a human being. According to Russian culture and language, the notion of the soul carries greater importance in comparison to Christian European culture. The soul is considered the most important part of a person, a single, divine, immortal entity that opposes the sinful, mortal body. However, in the Siberian languages considered in this book, the soul is less of a key concept than in the Russian worldview. In contrast to both the Christian European and Russian perspectives, in the worldview of many Siberian indigenous peoples the human soul is indivisible from nature and is endowed with various spiritual essences. According to the Siberian peoples' conceptions, a person has multiple souls, each of which with its own characteristics and functions. For example, some of these souls may leave the body temporarily or permanently, and some of them may be visible. They may return to the body, either on their own or with the help of a shaman. Thus, souls are understood to be material substances, rather than being the opposite of material. Some researchers call them human doubles. A soul is not only a part of humans, but also of the world around us: animals, and in some cases plants and even objects, also have a soul.

Old Turkic — Kut and Üzüt

The Old Turkic language has numerous words and expressions referring to 'soul'. The two most common are 'kut', the soul of a living person, and 'üzüt', which refers to the soul of a dead person. Both are transcendental in nature.

Modern Turkic languages of Siberia

Often, in the Siberian Turkic languages, the lexeme 'sýne' is a generic term for the human soul, equally applicable to the soul of both the living and the deceased. Other terms are lifetime souls ('tïn', 'kut', 'djula', 'sür'), souls with the power to leave a person while they are alive or unborn ('djaman körmös', 'djel-salqyn', 'üzüt') and souls that have been discarded ('djula', 'sür').

Lifetime Souls

One of the most frequently used terms in modern Turkic languages is 'kut'. This is the lifetime soul, the soul of the embryo, which is the original soul that is received for human life and becomes the life force of a person. In Yakut and Tuvan beliefs, a person has three 'kut'. In Khakas, under the influence of the Russian language and Christianity, there is a tendency to use 'kut' as a denotation of the main soul, the actual soul of a person connected with God. In Chalkan 'kut' also serves as the main term for the soul.

'Tin' is most often associated with life, and is the word for life, soul, breath, life-force, throat or other vital organs. 'Tin' is a property of all living things and can be attributed to plants and animals. This is unlike the Russian concept of soul, which is a specific attribute of a human being. In Altai myths, the deity of the underworld, Erlik, gave 'tin' to the creatures created by Kudai, the deity of the upper world, through the umbilical cord. Death causes the removal of the 'tin', which can also be appropriated by another person for themselves.

All these 'souls' are united by the fact that they are inherent to a person while he/she is alive. So, all lifetime souls are related to such characteristics of a living person as breathing, vision, strength, energy, and the ability to procreate. These souls act not only as guardians of a person, but also of his/her living space, lineage and people.

Boundary souls

According to the traditional perceptions of the Siberian Turks, some souls belong to both one's lifetime and afterlife. These are souls that 'cross over' the boundary of life and death and exist for a certain time between the two worlds. Such souls, which after death are on the border of the two worlds, are defined as 'boundary souls'. The soul's journey to the world of the dead is long and complex. In most cases, within forty days after death the deceased has already lost the basic signs of life, such as the visible bodily appearance, and finds him/herself in the area reserved for the dead. The moment of transition is

extremely difficult and dangerous both for the deceased (or rather, his/her posthumous souls) and for his/her relatives. Boundary souls include the terms 'sÿne' (found in Altai, Khakas, Tuvan and Tofalar) and 'sÿr'. Interpretations of these lexemes vary from language to language, but what is common is the idea that these 'souls' are separated from a person after their death.

Post-mortem souls

The only common name for posthumous souls in the Khakas, Altai, Chalkan and Shor languages is 'ÿzÿt'. It is the soul of a dead person. It is a material post-mortem substance that has already severed its connection with the human world, and can also be seen as an evil, dark soul that makes living people sick or causes them other harm.

The concept of the 'soul' in translated religious literature

The translations of religious literature into the languages of the peoples of Siberia use a variety of the traditional names of 'souls' as equivalents to the Christian concept of 'soul', despite the difference between their worldviews. At the same time, the Christian texts reflect some traces of the traditional division of 'souls' into the categories of lifetime and posthumous. Christianity has influenced the peculiarities of the use of the word 'kut' in modern Khakas and Chalkan.

The concepts of life and death

Next, the book examines the linguistic means by which the concepts of life and death are verbalized in a number of the Turkic languages of Siberia. The Turkic peoples view life as given only once, and therefore of infinite value. Life is endowed with the characteristics of 'bright', 'sacred' and 'beautiful'. Life in the Turkic worldview is metaphorically viewed as a long, complex road along which one walks, encountering various obstacles. This process is represented by a verb meaning 'to go, to live' in these languages: Altai 'jÿr', Chalkan 'tÿor', Khakas 'çör', Tuvan 'çor'. Overcoming obstacles and determining the

right life path is an indicator of the person's independence and experience. Life in the Turkic languages of Siberia is inextricably linked to the space in which a person lives. This is demonstrated the use of static verbs connected with verbs meaning 'to live' and nouns meaning 'life' (Altai 'djat'-. Shor 'čat'-. Chalk 'tiat'- 'to lie down', Altai 'otur'-. Khakas 'odir'-. Tuvan 'olur'-. Yakut 'olor'- 'to sit', Tuvan/Baraba Tatar 'tur'- 'to stand').

In the languages under consideration, life is closely connected with traditional nomadic cattle herding. This is most clearly manifested in the Tuvan language in verbs denoting a nomadic way of life in which people lead their cattle to seasonal pastures. A man 'lives' as he works day and night, being in his household and with his family. Children are an indispensable component of a happy life. In the Tuvan language, special attention is given to an independent life with one's family, as well as to a rich, prosperous, well-fed life. The living space is represented as a home with its own way of life, which must be maintained, otherwise misfortunes or death may occur. Altais and Tuvans associate wealth with cattle. In the Yakut language, a rich, abundant life is associated with the life of the heroes of the Olonkho epic. In the Altai language, life is described as an unlimited, wide space extending both horizontally and vertically. This space is ordered and harmonious, and a person should not violate this harmony, observing moderation in everything. In the Khakas language, the concept of life has anthropomorphic characteristics, where life is represented as a mother embracing a person in her 'bosom'. In Siberian Turkic languages, life is associated with light, the ability to see the bright, sunny world (e.g., čirik čer 'the bright land' in Tuvan). Life is associated with the fire of the home, the extinction of which means death. For example, one metaphor for dying in Tuvan is 'odaa karar', meaning 'to blacken one's hearth'.

Death is characterised in the languages under consideration sometimes negatively but sometimes positively, such as when a person has passed the entire life path granted by destiny, and his/her death was natural, quick, without prolonged illness.

The common Turkic lexeme 'ölüm' 'death' is combined with numerous adjectives naming different properties of death – its inevitability, unexpectedness and the ability to cause an emotional reaction. There are both universal and ethno-specific characteristics of death and its circumstances. The following are universal: 'easy', 'bad', 'terrible'. Ethno-specific elements include, for example, the description of death as 'black', which is characteristic only for the Tuvan language, or the description of death through gustatory qualities such as 'bitter' or 'poisonous' in the Altai language.

There are two main metaphors for death in these languages. Firstly, death is a personified predatory entity, hostile to man, capable of chasing him, seizing him, taking him away, etc. In Tuvan and Yakut, it has zoomorphic features (mouth and claws). A person struggles with this creature, tries to save himself and to defeat it. At the same time, he/she can wait, call for death, or ask for it, which creates a negative attitude in the people around him. Secondly, death appears in the languages under study as an enclosed space. It is possible to get a person out of this closed space, thereby saving him/her. A person can make his/her way to the 'other' world in different ways: to leave, to fly away (in the Khakas language this is used in reference to children) or to leave on horseback (Tuvan, Altai). This is most vividly expressed in the Altai language, where departure to 'that world' is defined as return 'to one's own Altai'.

The concepts of the native land and the motherland

Finally, the book considers the concept of 'native land' and 'motherland' in the languages of Siberian indigenous peoples. A central concept for both Turkic and Finno-Ugric linguistic cultures is the concept of 'native land' denoting the place where a person was born and grew up. In contrast to the Russian concept 'rodina', which combines the notions of both the nation-homeland and one's own local territory, in the Siberian languages these concepts are differentiated, including at the lexical level. In the Siberian languages, the set of attributes that

in the Russian system correlate to the nation-homeland is applied to the definition of one's own local territory – 'native land'.

There are lexemes expressing the meaning 'native land, motherland, homeland' in all Siberian Turkic languages. ('djer' ~ 'tjer' ~ 'čer' ~ 'čir' ~ 'sir' — 'land, motherland'), and verbalisations represented in a small group of languages such as 'čurt' 'country, homeland, region, camp' (Tuvan, Khakas and Shor) or 'el' ~ 'il' 'motherland, fatherland, people' (Shor and Siberian Tatar). In addition, there are borrowings from Mongolian (e.g., Yakut 'doidu', Tuvan 'oran-čurt', 'tangdi -oran', where 'oran' is Mongolian).

The Siberian languages are united by such markers of the 'native land' as land and water. This is a common Turkic feature, preserved since ancient times. It is especially marked in the Khakas and Shor languages, where 'to have land' (Khakas 'čir-lig' / Shor 'čerlig') or 'to have water' (Khakas 'suglig' / Shor 'suglug') implies 'to have a homeland'. Water as a marker of the native land is especially significant for speakers of Khanty, as the surrounding landscape is a flat marshy plain, with many large and small rivers flowing through it.

The Altai people associate their native land with mountains, cedars, healing springs and juniper; the Tuvans with a high mountain which 'first of all meets the dawn'; in Yakut, the primary association is with warm breath, or the warmth of the native land as a place suitable for living. Chalkans associate their native land with the old parental house, relatives, rivers, mountains, taiga, cedar and the young green grass of their native land. For the Khanty people it is water and forests that give a person sustenance. The native land is sacred, and it is guarded by spirits and deities. This is especially vividly expressed in the linguistic worldview of the Altai people, whose native land is deified and is an object of special veneration. The idea of native land extends to a person's 'own' space, which a person has mastered for living and farming, where he and his relatives have travelled (Altai, Chalkan, Yakut, Khanty).

In contrast to the Russian linguistic worldview, in which the concept of the foreign land (чужбина) has a distinct nega-

tive connotation, in Siberian languages there are no vivid negative characteristics to denote a foreign land. The linguistic cultures of the Turkic peoples of Siberia nevertheless emphasise the importance of ending one's days in one's native land. This is also reflected in the belief that the soul 'sÿne' ~ 'sÿnezin' goes round the native land after a person's death before leaving forever for the next world. The Khakas have a special name for the posthumous soul of a person who died far away from his/her native land.

The personification of the homeland is noted in all the languages under consideration. The native land may have a face, eyes, back, liver, chest, etc. According to the Khakas, the native land has breath and a soul, with which the soul of the people is connected. In the Altai language, Altai 'opens its armpits', getting angry when people violate the harmony of the world order established by their ancestors. In many cultures, the image of the native land is associated with the image of the mother. Specifically, there is the notion of human connection with the native land through the mother's umbilical cord. In Turkic languages the native land can be associated with both parents. In Khanty culture, the native land is associated only with a maternal image.

Whereas in Russian the root of the word homeland ('rodina') points to a social community of people united by kinship relations ('rod'), in Siberian languages this concept is mainly represented by words with the general meaning of 'land', emphasising the connection with the physical space in which a person lives. The concept 'native land' establishes links with such concepts as home family and nature, the realisation of which primarily involves the physical sphere.

The strengths of the book

This extensive research has been done effectively and thoroughly, with many relevant examples from the modern Turkic Siberian languages. The authors have shown how the key concepts of soul, life and death and the native land can be

traced back to the Old Turkic languages and then outlined how they have evolved and changed in the modern languages. The comparison of the languages enables the authors to find the universal stable characteristics of these concepts and also those which are ethnically distinctive. The book is extremely useful because these concepts of soul, life and death, and the native land, differ significantly from Russian or Western European concepts. It is necessary to know these differences in order to understand the Siberian languages and the cultures in which they operate, and in order to accurately translate these concepts.

The weaknesses of the book

The description in the book of the concept of soul in European civilisation is not entirely complete. European civilizations have a variety of understandings of the concept of soul, some of which are biblical (Hebraic), while others are grounded in the Greek/Platonic heritage. The authors of the book describe the latter. However, the biblical understanding of soul does not place it in dichotomy to the body. In the Christian understanding the body and soul will be raised together after death.

I would also have appreciated more in-depth research on how the concept of 'soul' has been translated into modern religious literature.

Conclusions

I have lived in Siberia for the past twenty years and am familiar with the Siberian Turkic languages and have spent time living among the Chalkan, Shor, Altai, Khakas, Tuvan and Siberian-Tatar peoples. I recommend this book highly. It should be of particular interest to specialists in the languages and culture of the peoples of Siberia, ethnologists, linguo-culturologists, and ethnographers, as well as to a wide range of readers.

**VI конференция «Еврейское поле:
новые открытия, опыт и концептуализация»**

Светлана Николаевна Амосова

*Институт славяноведения РАН
Москва, Россия
sveta.amosova@gmail.com*

**6th Conference “Jewish Field Studies:
Findings, Experiences and Conceptualisation”**

Svetlana Nikolaevna Amosova

*Institute of Slavic Studies the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
sveta.amosova@gmail.com*

В «Еврейском музее и центре толерантности» прошла ежегодная конференция, посвященная полевым исследованиям в области иудаики [см. обзоры предыдущих конференций: Амосова 2022; Амосова 2023]. Мероприятие традиционно было междисциплинарным и объединило антропологов, социолингвистов, социологов, историков, исследователей исторической памяти и медиа. Фокус исследований был в основном сосредоточен на полевых исследованиях евреев в России, а также в странах бывшего СССР, Западной Европы и ЮАР.

Конференция открылась секцией, посвященной междисциплинарным исследованиям. Доклад Светланы Пахомовой (Москва) был посвящен полевым исследованиям этнографа Исаи Пульнера в 1930-е гг. и тому, как этнографические знания отражались в советском еврейском кино, какие обряды и элементы традиционной культуры евреев

являлись выразительными средствами языка кино в межвоенный период. Диссертация исследователя еврейской свадьбы, погибшего в 1942 г. в Ленинграде, была издана в прошлом году, впервые эти полевые материалы стали доступны исследователям [Пульнер 2022]. Доклады Валерии Новиковой (Санкт-Петербург) и Анастасии Кровицкой (Москва) были посвящены современным еврейским общинам и их позиционированию себя в медиа. Валерия Новикова большое внимание уделила гендерным проблемам в современной общине прогрессивного иудаизма, соотношению мужских и женских ролей, показала, что в современной общине роли могут меняться, женщина может стать религиозным авторитетом. Анастасия Кровицкая продолжила тему исследования Telegram-каналов еврейских общин в России, которую она представляла на конференции в прошлом году. В докладе было показано, что прошлогодние выводы о том, что онлайн-активность еврейских общин России в Telegram по большей части сугубо информативная — ее цель оповещение членов общины об офлайн-деятельности, а Telegram не используется как средство репрезентации деятельности общины, — потеряли свою актуальность. Ксения Викторова (Санкт-Петербург) представила первые предварительные выводы исследования о функционировании идиша в Санкт-Петербурге: последние несколько десятилетий в Петербурге никто не разговаривает на идише. Однако людей, готовых с удовольствием поговорить об идише, в городе немало. Их память сохраняет и какое-то количество слов, выражений и текстов на идише, которые они употребляют в своей речи на русском языке, если контекст кажется им подходящим. Исследовательница составила список слов и выражений, которые наиболее часто употребляются информантами. Доклад Ревивы Хассон (Кейптаун) был посвящен причинам и направлениям миграции из ЮАР в последние годы.

На секциях «Еврейские общины Кавказа» и «Горские евреи» рассматривались сходные темы — история, антропология и социолингвистика евреев, проживающих или про-

живавших традиционно на Кавказе — горских, грузинских евреев и ашкеназов. Доклад Валерия Дымшица (Санкт-Петербург) был посвящен сопоставлению еврейских общин Владикавказа и Моздока. В состав общины Владикавказа входит несколько еврейских субэтнических групп — ашкеназские евреи, горские и грузинские евреи, однако община традиционно позиционирует себя как ашкеназская, община Моздока же является исключительно горской. Несмотря на то что они находятся в одной республике Северная Осетия-Алания, история существования этих общин принципиально разная. Эту же тему продолжил доклад Любови Чиркиной (Москва), которая показала, что еврейская община Владикавказа старается позиционировать себя как мультикультурное сообщество, активно интегрированное в историю и культуру республики. Доклады Юлии Орешинной (Тбилиси) и Георги Зазунишвилли (Тбилиси) были посвящены еврейским колхозам и воспоминаниям о них в Грузии, материалы были записаны летом 2023 г., они показали, что воспоминания о еврейских колхозах в двух самых крупных из них (Цители Гора и Кулаши) почти вытеснены у местных жителей более новыми сюжетами о подпольной торговле и массовом выезде в Израиль.

Секция про горских евреев была открыта докладом Владимира Колесова (Краснодар) «Неопубликованные рукописи Семена Акимовича Инотаева как источник по истории и культуре горских евреев Северного Кавказа». Машинописная рукопись выходца из селения Джегонас была подарена членам экспедиции проекта «Комплексное социо-антропологическое исследование горско-еврейской общины Пятигорска» [КСАИП] в мае 2023 г. его вдовой Ольгой Шауловой. Исследователь показал, что эвристический потенциал анализируемой рукописи велик. Кроме истории локальной группы горских евреев, сетево-акторных связей, она содержит материал по социальным отношениям с местным мусульманским населением, языковые практики, сведения об антропонимии (двуименности) и многое другое. Доклады Арусяк Агабабян (Краснодар), Евгении Никитен-

ко (Москва) и Татьяны Агранат (Москва) были посвящены социолингвистической ситуации языка горских евреев — джуури. Арусяк Агабабян и Евгения Никитенко на материале нескольких экспедиций в горско-еврейскую общину в г. Пятигорск конкретизировали некоторые вопросы по языковой ситуации среди местных горских евреев. Отдельно они рассмотрели кейс горских евреев-переселенцев из Варташена (ныне г. Огуз, северо-западный Азербайджан). Мигрировавшие в Пятигорск во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг., варташенцы вплоть до сегодняшнего дня сохраняют внутри общины статус обособленной группы (около 300–400 человек). Одним из ведущих параметров, демонстрирующих их «инаковость» в глазах окружающих горских евреев, служит именно язык, точнее регулярное употребление азербайджанского как основного языка коммуникации внутри группы. Зачастую варташенских евреев называют азербайджанскими или бакинскими, точно не зная об исходном месте их происхождения. Ощущение «чуждости» усиливается за счет плохого знания русского языка представителями старшего поколения. И, наконец, самой яркой разделительной чертой выступает говор варташенцев, который остается максимально непонятным и недоступным для носителей кайтагского и дербентского. Помимо социолингвистических сюжетов исследовательницы говорили и о лингвистических особенностях данного говора, отметили особенности фонетики и лексики варташенского говора, отличающие его от прочих говоров горских евреев, и особенности грамматики, сближающие его с этими говорами. Татьяна Агранат рассказала о результатах первого этапа полевого социолингвистического обследования в общинах горских евреев в Москве и ближайшем Подмосковье. На данном этапе выборка состояла из респондентов первого поколения диаспоры. Целью обследования было определить степень сохранности языка джуури в диаспоре московского региона, а также языковую лояльность членов общин по отношению к этническому языку. Большое внимание в докладе было уделено методологии исследова-

дования: использовался метод глубинных полуструктурированных интервью, который позволил выявить не только языковые биографии респондентов, но также и их предков, т. е. проследить функциональное распределение языков у предшествующих поколений. Блок докладов о горских евреях завершил доклад Светланы Амосовой (Москва) и Елены Фоменко (Москва) о нарративных стратегиях в биографических интервью горских женщин. Исследовательницы использовали методы анализа письменных биографических текстов для устных интервью, показали специфику при анализе устных нарративов. В докладе было рассмотрено 4 возрастные группы и два типа рассказов о себе — с более выраженной субъектностью и с ее отсутствием. В результате анализа был сделан вывод о том, что женщины используют различные нарративные стратегии, их рассказы о себе и семье не зависят от возраста, образования и социального положения.

Отдельный блок докладов был посвящен архивным источникам. Семен Падалко (Санкт-Петербург) и Анна Юдкина (Москва) рассказали об опыте работы с архивными источниками о строительстве синагог за пределами черты оседлости в конце XIX – начале XX вв. Семен Падалко сосредоточился на регионе Поволжья, в докладе Анны Юдкиной была представлена более обширная география — Тула, Тверь и Владикавказ. Докладчица показала, как работа этнографической экспедиции помогает в работе с архивными источниками и обеспечении доступа к ним. Оба докладчика также проанализировали корпус краеведческой литературы о евреях этих регионов. Семен Чарный (Москва) рассказал об опыте работы историка с интервью, как они дополняют или заменяют архивные источники, описал круг советских слухов и анекдотов о Шестидневной войне в Израиле, которая вызвала всплеск антисемитизма в СССР. Михаил Арсеньев (Санкт-Петербург) представил доклад о различных фондах Российской национальной библиотеки, в которых собраны еврейские книжные коллекции и руко-

писи, показал возможности работы с электронными ресурсами, как они могут дополнить полевые исследования.

Большой блок докладов был посвящен исследованиям памяти о Холокосте. Ирина Козлова (Москва) продолжила тему, которая уже обсуждалась на предыдущих конференциях этого цикла, о местах памяти и датах поминовения жертв Холокоста в современной России на территориях, которые были оккупированы нацистами в ходе Второй мировой войны. Материалами для доклада стали полевые исследования 2020–2023 гг., проходившие в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» [см: ЕКМиСКП]. Исследовательница разделила все типы коммеморации на три группы: известно место расстрела и есть локальный день памяти Холокоста; известно место памяти, но день памяти никто не знает и поэтому коммеморативные практики совершаются в какой-то «общий» день памяти, связанный или с Холокостом или с Великой Отечественной войной, или с еврейской поминальной традицией; все знают, что в городе был еврейский расстрел, но нет ни дня памяти, ни определенного места нет. Доклад Анны Кирзюк (Москва) также был основан на материалах проекта о еврейских коммеморативных практиках, в фокусе ее внимания была память о Холокосте в Калмыкии. Исследовательница показала, что этот регион отличается от других регионов, переживших оккупацию. Там мы не слышали историй о конфликтах вокруг места памяти о Холокосте и существует нарратив про «общность судьбы» калмыцкого и еврейского народов. Когда речь заходила о Холокосте, информанты неизменно выходили на нарратив «у евреев был Холокост, а у нас — депортация». Хотя этот нарратив строится на аналогии между страданиями калмыков и евреев, он не приводит к конкуренции за статус «главной жертвы войны». Калмыцкий нарратив о Холокосте является, по мнению докладчицы, хорошей иллюстрацией модели «разнонаправленной памяти» Майкла Ротберга [Rothberg 2009]. В модели «разнонаправленной памяти» присутствие памяти о Холокосте в публичном про-

странстве становится платформой для разговора о преступлениях против других групп. Мария Гаврилова (Москва) на основе 200 глубинных интервью проанализировала семейную память о родственниках, погибших в Холокосте, и пришла к выводу о том, что существует 4 послевоенных поколения, для которых память о Холокосте играла разную роль для формирования их идентичности в детстве и передавалась по-разному от родственников. Запрет на мемориализацию со стороны государства приводил советских евреев к выбору одной из двух стратегий поведения. Первая предполагала отказ от этнической идентичности в пользу «советской», что чаще всего было сопряжено с замалчиванием в разговорах с младшим поколением темы расстрелянных родственников. Для тех же, кто следовал второй стратегии, память о Холокосте оказывалась не менее (а порой, и более) важной опорой этнической идентичности, чем национальные и религиозные традиции.

Сергей Белянин (Москва) и Екатерина Закревская (Москва) анализировали память о Холокосте за пределами оккупированных нацистами территорий и влияние на нее современной российской политики памяти. Исследователи показали, что в последние десятилетия, когда в Россию начали проникать нарративы западной космополитической памяти о Холокосте, произошло столкновение и смешение советского диссидентского мемориального канона с интернациональным. На бывших в оккупации территориях к этому моменту уже сложились коммеморативные практики, связанные с поминовением жертв локальных акций Холокоста, поэтому на них космополитическая память повлияла мало. Однако на коммеморативные практики за пределами зоны оккупации западный мемориальный канон повлиял сильнее. Проживающие там евреи и активисты памяти вынуждены были изобретать свой собственный мемориальный канон, который, с одной стороны, обращается к «космополитической памяти», с другой — заимствует идеологемы советского и постсоветского дискурсов о Великой Отечественной войне. Материалами для док-

лада послужили мемориальные выставки и коммеморативные акции, интервью из Екатеринбурга, Омска, Махачкалы и Дербента. Евгения Петроковская (Москва) продолжила тему памяти о Холокосте на территориях, которые не были в зоне оккупации. Ее исследование было посвящено Владикавказу, в фокусе внимания оказался Музей памяти жертв и героев Холокоста, который был открыт при общине Владикавказ в 2017 г., и место расстрела горских евреев в с. Богдановка. Еврейская община Владикавказ играет большую роль в сохранении и передаче еврейской культуры как таковой, не обходя стороной память о Холокосте. Передача памяти внутри семьи сталкивается с различными факторами и оказывается подвержена цензуре, однако, не столь внимательной, как в центральных регионах. Память во Владикавказе, по мнению докладчицы, также многонациональна, как и сам регион.

Мария Каспина (Иерусалим) рассказала о проекте Музея и мемориального комплекса истории Холокоста «Яд Вашем» по сбору материалов у выживших в Холокосте евреев. Она проанализировала интервью, которые были записаны в Израиле в 2023 г., как от тех, кто выжил в гетто, так и от эвакуированных, выделила основные фольклорные сюжеты и нарративы, проследила, какие именно нарративы наиболее частотно фольклоризируются (например, чудесное спасение во время эвакуации, вещие сны и т. д.). Доклад Анастасии Кровицкой (Москва) и Дмитрия Попова (Москва) о репрезентации Холокоста в СМИ стран Центрально-Восточной и Северной Европы во втором десятилетии XXI в. являлся представлением результатов части большого проекта. В докладе обсуждались немецкие и скандинавские СМИ. Были сделаны выводы о том, что память о Холокосте играет большую роль для национальных нарративов, где она встраивается в цепочки эквивалентности с другими событиями местной истории, часто сопоставляется с геноцидами других народов. Через дискурс о Холокосте происходит формирование представлений о Второй мировой войне, современном Израиле, праворадикальных движениях. При этом в публикациях проявляется и глобальная

память о Холокосте, противодействие его релятивации, что в то же время связывается с деятельностью переживших Холокост граждан этих стран. Объединяют же повестку о Холокосте всех СМИ регионов лишь масштабные события, такие как пандемия COVID-19 или резонансные события.

Последний блок докладов был посвящен полевым исследованиям еврейских кладбищ. Елена Берман (Иркутск) рассказала о новых открытиях сезона 2023 г. на еврейских и субботнических кладбищах Иркутской области, в частности самого города Иркутска и села Зима, сопоставила надписи на надгробиях в этих местах, показала функционирование иврита вплоть до конца 1920-х гг. и постепенный переход на русский язык в надписях на мацевах (надгробиях). Доклад Михаила Васильева (Москва) и Юлиана Верхолевского (Минск) был посвящен исследованию еврейского кладбища в Ошмянах Гродненской области, республики Беларусь. Исследователи показали особенности оформления мацев, как они менялись с течением времени, проанализировали план кладбища, а также особое внимание было уделено языку и текстам надгробий. Важной особенностью этого кладбища, в сравнении с другими кладбищами этого региона, является то, что уже в 1920-е гг. евреи начинают писать на надгробиях на русском языке, полный отказ от иврита происходит в 1970-е гг.

Все доклады, представленные на конференции, планируется разместить на канале «Еврейского музея и центра толерантности», а также часть из них будет опубликована в тематической подборке.

Литература

Амосова 2022 — Амосова С. Н. Четвертая международная конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация». *Славяноведение*, 2022, 1: 132–134.

Амосова 2023 — Амосова С. Н. Пятая международная конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация». *Живая старина*, 2023, 2: 70–72.

КСАИП — *Комплексное социо-антропологическое исследование горско-еврейской общины г. Пятигорска* URL: <https://www.jewish-museum.ru/research-center/research-groups/gorsko-evreyskaya-obshchina-pyatigorska/>

ЕКМиСКП — *Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы* URL: <https://www.jewish-museum.ru/research-center/research-groups/evreyskie-kommemorativnye-praktiki-i-sovremennuyu-kult-pobedy/>

Пульнер 2022 — Пульнер И. М. *Свадебные обряды у евреев*. Ред.-сост. В. А. Дымшиц. Бостон, Санкт-Петербург, Москва, 2022.

Rothberg 2009 — Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford, 2009.

References

Amosova S. N. Chetvertaia mezhdunarodnaia konferentsiia “Evreiskoe pole: opyt i kontseptualizatsiia” [Fourth International Conference «Jewish Field: Experience and Conceptualization»]. *Slavyanovedenie*, 2022, 1: 132–134. (In Russ.)

Amosova S. N. Piataia mezhdunarodnaia konferentsiia “Evreiskoe pole: opyt i kontseptualizatsiia” [Fifth International Conference «Jewish Field: Experience and Conceptualization»]. *Zhivaia starina*, 2023, 2: 70–72. (In Russ.)

Kompleksnoe sotsio-antropologicheskoe issledovanie gorsko-evreiskoi obshchiny g. Piatigorska [Comprehensive socio-anthropological study of the Mountain Jews' community in Pyatigorsk] URL: <https://www.jewish-museum.ru/en/research-center/research-groups/study-of-the-mountain-jews-community-in-pyatigorsk/> (In Russ.)

Evreyskie kommemorativnye praktiki i sovremennyi kul't Pobedy [Jewish Commemorative Practices and the Modern Cult of Victory] URL: <https://www.jewish-museum.ru/en/research-center/research-groups/jewish-commemorative-practices-and-the-modern-cult-of-victory/> (In Russ.)

Pul'ner I. M. *Svadebnye obriady u evreev* [Jewish wedding ceremonies]. Boston, Sankt-Peterburg, Moskva, 2022. (In Russ.)

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 29.12.2023
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 12,81
Бумага офсетная. Гарнитура «Noto»
Тираж 75 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»